МИР ВОЛОГОДСКОГО КРЕСТЬЯНИНА В ЗЕРКАЛЕ РОДНОЙ РЕЧИ

ВОЛОГДА
2004

22.09.05 - 70890/15

19.06.06 - 47777

15.2.8 8 4/5

16.05.09 - 439РС

31.5.9 43716

18.1.10 5290

4/10.10 - 83817

02.03.2013 09318

15.10.14 либа Голубенко

23.04.16 - 02189

05.11.2017 - 28561

02.08.2018 037

ВОЛОГОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

МИР ВОЛОГОДСКОГО КРЕСТЬЯНИНА В ЗЕРКАЛЕ РОДНОЙ РЕЧИ

ВОЛОГДА
2004

ББК 81.411.2-03
М 63

Сборник подготовлен сотрудниками кафедры русского языка при поддержке РГНФ (проект № 03-04-00479а и 03-04-00316а)

СОДЕРЖАНИЕ

Языковая картина мира вологодского крестьянина

Народное слово в контексте времени

ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА ВОЛОГОДСКОГО КРЕСТЬЯНИНА*

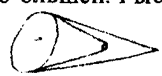
Г. В. Судаков

Рисунки в словаре Дилакторского

В первых русских диалектных словарях этнографический элемент занимал преимущественное положение, что нашло отражение даже в типичном названии: «Словарь областного ..... наречия в его бытовом и **этнографическом** применении» (см. словари А.О.Подвысоцкого, Г.И Куликовского и др.). Проблема полноты и точности описания семантического объема слова в этих словарях решалась чаще всего путем подробного этнографического описания названной словом реалии. В филологических работах исследователи широко использовали рисунки. П.А.Дилакторский в своем словаре (1) в соответствии с лексикографической практикой также подробно описывает местные реалии, но иногда совмещает оба приема, т.е. вводит и рисунки, правда, в очень ограниченном числе случаев.

Всего в рукописи обнаружено 15 рисунков, распределенных по 10 словарным статьям. Иллюстрируемые слова являются названиями промысловых и сельскохозяйственных орудий, построек и их частей, оград, речных переправ, транспортных средств, способов укладки снопов.

Рассмотрим все эти факты в соответствии с их алфавитным порядком.

«Ве́рша, Вё́рша (Вол. Гряз. Кадн. Вел.) Рыбный самолов: конусовидный, сплетенный из ивовых или березовых виц, прутьев и ставится в воротах заездка. Отличается от ванда или ванны тем, что верша состоит как бы из двух ванд : одной большой и другой меньшой, но в которой есть небольшой проход, и эта вторая прикрепляется внутри первой, б́ольшей. Рыба, пройдя в проход маленькой ванды, не может выйти обратно.  Верши делаются и из нитяных сетей, натянутых на деревян(ные) кольца. *В верши ныне плохо ловится, почитай совсем ничего не попадает*» (Дил. 1, л. 41).

Стоит обратить внимание, что верша не просто описывается, но одновременно разъясняется её отличие от ванды – ванны, которая, как выясняется, является конструктивной частью верши. В описание семантики слова включаются такие признаки, как тип промыслового снаряда (рыбный самолов), форма (конусовидный), способ изготовления (сплетенный), материал (из ивовых или березовых виц, прутьев; из нитяных сетей, натянутых на деревянные

---

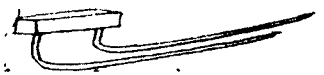
* Все статьи данного раздела опубликованы при поддержке РГНФ – проект 03-04-00479а.

кольца), способ применения (ставится в ворота заездка), конструкция (состоит из двух ванд: большой и меньшей с проходом для рыбы). Столь подробное описание с дополнением рисунка обеспечивает исчерпывающее толкование смысла этнографической лексемы. Обратим внимание на слово *язык*, словарная статья к которому с иллюстрацией приведена в конце нашей заметки. Дело в том, что *язык* – это часть *канги*, поэтому иллюстрации к этим словам почти одинаковы.

Следующее выражение – *вершёные дома:* «Вершё´ные дома (Кадн. Вол. Ник. В-Уст.) Дома, имеющие крышу на два ската с князьком по середине. (см. первый рисунок внизу – Г.С.). И дома невершеные – это те, у которых крыша на один скат . Невершеными строятся холодные постройки, строятся и избы, но крайне редко. *Там хоромы-то невершёные* (Свад. Прич.)» (Дил. 1, л. 41).

Любопытная деталь: в рисунке вершёного дома – широкий въезд – вход на поветь. Судя по рисункам, изображены не жилые дома, а хозяйственные постройки.

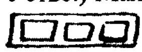
Сразу три рисунка приведены на листе 50 тетради 1.

«Воло´ка (Ник. Тот.) Орудие для перевозки зимою бревен из леса, состоящее из обрубка бревна, насаженного на два загнутые кверху корня, как полозья в санях, только в обратную сторону, и оканчиваются оглоблями (Паули)  ».

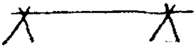
Здесь при описании реалии учитываются признаки, существенные и для определения семантики слова: функциональное назначение и конструктивная характеристика.

«Волока´ (Гряз. Вол. Кадн. Вел. Тот. В-Уст.) Подстановка, в виде треугольника или печатной буквы *а* (А) для перевозки сохи, чтобы она не буровила земли, когда едут на работу или возвращаются с работы (см. *волочашки, волочни)*».

В данном случае приведен рисунок буквы. Обратим внимание и на последовательно проводимый показ синонимичных лексем.

«Волоково´е окно (Кадн. Вол. Вел. Гряз. Тот. Яр. Устьс.) Маленькое окно без косяков, рама в котором низенькая, но длинная (). Местами, ради тепла, её задвигают доской, деревянной задвижкой. В избах часто устраивают по лицу два волоковых окна, а в середине - косящатое (обыкновенное. с косяками)» .

Как правило, при этнографическом описании реалии П.А.Дилакторский прибегает к подробным описаниям, всегда указывая на соотносительные по каким-то признакам предметы. Описывая размеры волокового окна, его конструктивные особенности (без косяков, низкая и длинная рама), дополнительные приспособления, благодаря которым окно и получило свое название *волоковое* (деревянная задвижка, закрывающая окно во время холодов), автор словаря тут же называет и противоположный по признакам предмет – *окно косящатое.*

Достаточно ясная семантика слова *вешало* существенно уточняется благодаря введению в текст словарной статьи простого рисунка: «Вешало (Вел. Тот. Кадн.) Длинная жердь, утвержденная горизонтально на некотором расстоянии от земли (приблизительно два аршина) на двух или трех подставках или козлах, на ней вешают лен для просушки  ».

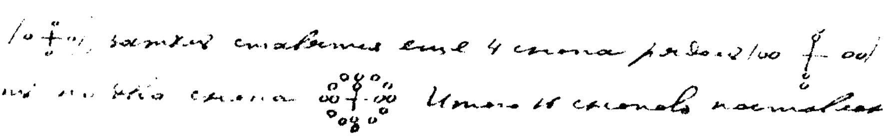
«Козёл (Вел. Кадн. Вол. Гряз. Тот.) Два или три кола, воткнутые в землю накрест привязанные (см. Козлы) ».

«Кочура (Кадн. Тот. Ник. Вел. Вол). Груда в 10 снопов овса, ячменя или

пшеницы. Из которых 7 снопов стоят и тремя прикрыты. *У меня лонись было более трехсот кочур, а ныне, кажется, побольше будет».*

«О'твод (Повс.) Ворота на проселочных дорогах для предохранения полей и лугов от потравы, устраиваются на местах, где много езды; в местах же, где редко ездят, чаще устраивают заворы (см. Завор). Отвод – как бы одна воротница во всю ширину дороги, устраиваются из тесин или жердей. Вышиною отвод делают от 1, 5 до 2 аршин

«Спо'рники (Вол.) Два снопа, первыми поставленные при постановке суслона – основание суслона, к ним ставятся ещё накрест два снопа (   ), затем ставятся ещё 4 снопа рядом (   ). В промежутки ставят по два снопа . Итого 16 снопов поставлено и семнадцатым (бóльшим в обхвате) закрывается».



«Язы'к. Часть конги. Из виц плетется конусовидной формы фигура, но в узком месте вицы не сходятся, а имеют проход – горло. Такой усеченный конус (см. ниже рисунок – *Г.С.*) зовется языком, и он прикрепляется в бóльший

конус ( ). Рыба, проходя первый конус, не имеет возможности поворотиться в кинге и таким образом попадает в руки рыболовов».

В последующем вышеуказанные слова попадали в поле внимания диалектологов, отражаются в диалектных словарях, но, к сожалению, рисунки П.Дилакторского при толковании семантики слов не учитывались.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. «Словарь областного вологодского наречия в его бытовом и этнографическом применении. Собрал на месте и составил Прокопий Дилакторский». См. описание рукописи в нашей статье: Словарь П.А.Дилакторского – окно в языковой мир вологодского крестьянина // Русское слово в тексте и в словаре. Вологда, 2003. – С. 141 – 149.

М. В. Богданова

Языковая картина мира вологодского крестьянина: ИЗБА

В начале XXI века возникла необходимость осмыслить духовное и материальное достояние русского народа, накопленное им на протяжении предшествующих столетий, выявить его национальное своеобразие и традиции. Неоценимым источником для такого осмысления являются данные диалектологических словарей, составленных еще в XIX веке, в частности, «Словарь областного вологодского наречия» П.А.Дилакторского.

Словари обладают огромным информационным и культурным потенциалом. К словарю П.А.Дилакторского вполне можно отнести высказывание Н.Ю.Шведовой, говорившей о роли словарей в духовной жизни общества при осмыслении культурного наследия народа: «Словарь развертывает перед своими читателями ***картину мира*** – так, как она существует в сознании носителей данного языка... Погружаясь в мир слов, читатель открывает для себя живую картину общественных отношений, быта, национальных знаний и умений, представлений об окружающем мире, закрепившихся в народе социальных оценок и квалификаций». [1]

Нами выбрана из словаря П.А.Дилакторского одна из ключевых лексико-грамматических групп (ЛСГ), создающая фрагмент языковой картины мира вологодского крестьянина, – с опорным словом ***изба***.

Нынче крестьянская традиционная изба, по справедливому замечанию В.Г.Смолицкого, «стала музейной редкостью, предметом изучения историков, этнографов, архитекторов, искусствоведов». [2]

Изба как жилище крестьянина в данном случае изучается в рамках материальной культуры в этнографическом плане, когда объектом исследования является язык в его отношении к культуре народа. Реконструкция языковой картины мира в одном из отдельных ее фрагментов –жилища северного крестьянина в конце XIX века – производится с целью сохранить традиции народа и его культуры. Н.И.Толстой отмечал, что «типы жилищ у славян могут распределяться по ареалам в зависимости от географической среды, имеющегося строительного материала и культурной традиции той или иной зоны», и в то же время в типах крестьянских построек могут быть прослежены определенные и разные народные традиции, не зависящие от внешних условий. [3]

В любой культуре существует разделение явлений окружающей человека действительности на «мир фактов и мир знаков» [4].

Жилище – это не только материальный объект, это один из ключевых символов культуры. Оно, по словам А.К.Байбурина, «может изучаться как знаковый комплекс, как своеобразный текст, повествующий о социальных, религиозных, хозяйственных и других аспектах жизни коллектива… В этом случае жилище является материалом исследования. Возможен и другой подход, цель которого заключается в выявлении содержания, приписываемого жилищу в данной культурной традиции». [5]

Когда мы обобщаем данные диалектологического словаря XIX века, мы восстанавливаем элементы той самобытной национальной обстановки, которая окружала тогда крестьянина, а через сто с лишним лет уже значительно изменилась и многое уже забылось. Поэтому подобные исследования, на наш взгляд, представляют большой научный интерес.

Знакомясь со словарем П.А.Дилакторского, мы узнаем прежде всего о том, какие были избы на севере **по внешнему виду и благополучию их хозяев**: с одной стороны, *хоро'ма, пятисте'нок, двоежи'рок, неразве'й, белая изба*, а с другой - *ке'лья, ки'лья, га'ньбище, безуго'льная постройка:*

1) **Хоро'ма**. Большой и красивый крестьянский жилой дом. – *Тебе що показалося? Тебе хоромы ли высокие?*

Пятисте'нок. Изба с горницей о пяти стенах.

– *Сват-то сватался да порасхвастался:*

Что изба-то у нас пятистенная,

Что двор-то у нас на семи верстах…

Двоежи'рок. Двухэтажный.

Неразве'й. Дом, в котором все идет благополучно, хозяева живут хорошо, главное, где нет ни мотовства, ни разгула, т.е. имение, имущество где не сорится, не транжирится. (Баженов)

Белая изба. Изба, в которой печь с кирпичной трубой.

2) **Ке'лья, ке'лейка, ки'лья**. Небольшая изба без двора и без сарая, большей частью строится по лицу в 3 окна. – *Родимая матушка, сострой-ка мне келенку С трем со окошечком...* (песня) – *Вкруг я келейки хожу, вкруг я новенькия...* (песня)

Ки'лья, ки'лейка. То же, что келья.

Безуго'льная постройка. Старая, подгнившая.

Ганьби'ще, га'ньбища. Келья, т.е. изба без горницы и не имеющая ни хлева для скотины, ни сарая для свалки сена или соломы. Употребляется иногда в значении 'худая хижина, развалившийся дом'. (с. 63)

Были разновидности изб, имевших **особое назначение**:

Зимо'вка. Небольшая изба, где живут зимою, она меньше, ниже избы, где живут летом, притом окна меньше, а нередко для тепла они и забиты по краям соломой.

Суши'ла. Избушка в рыбачьих станах по Кубенскому озеру для сушения снятков и моления рыбы.

Шала'шка. Отдельная избушка, мастерская, в которой распаривают рог и выделывают плашки.

Ко'уз, ко'ус. Шалаш, сделанный пастухом из хвойных прутьев для защиты от непогоды.

Подво'рье. Квартира, угол в избе крестьянина для одинокого чужого человека. – *Своей кельи нет, так живу на подворье.*

Разными были и названия тех изб и селений, где люди жили – ***ж'ило*** (Жилище, жилое строение, селение. *От жила до жила верст по сту.*) – и тех, где хозяева умерли:

Вы'морок. Дом, которого хозяева и наследники все померли. Один крестьянин, оставшийся в живых в доме.

Печи'ща. Место прежнего жилья со следами стоявших тут когда-то печей.

Пе'чище. То же самое.

Жилое помещение избы разделялось перегородками или стенами на отдельные части:

Жи'ра. Изба, в которой живут, этаж дома. Отсюда: одножирные и двужирные избы.

Хоро'мина. Постройка, дом, также комната, покой.

- *Там по полюшку чистому*
Я увидела молода
Не покрытую хатину,
Пустую хоромину.

Ко'мбата. Комната. *Чистенькая комбата.*

Поко'и. Комнаты.

Шо'мныша. Комнатка. – *У нас кроме избы есть еще шомныша.* II. Куть, отделенная от избы переборкой.

Шо'мниша. Комната, комнатка.

Шомныш. То же.

Шо'ноша. Комнатка, горница.

Многие части жилого дома имели свое назначение:

Го'ренка. Комнатка, небольшая комната.

Клить. Кладовая, холодная горница с окном.

Жирова'я. Жилая, теплая комната с пекаркой.

Передо'к. Изба для житья весной, летом и осенью.

Подъизбица. Зимняя изба, которая устраивается большею частью под летней, холодной избой.

Сви'телка, свете'лка. Комната в мазанке без печи, холодная комната, клеть.

Сви'тлица, сви'тлича, све'тлича, све'тлица. Горенка, комнатка. – *И меня, храброго дружка, в светлую свитличу ко кнегине пропустите.*

Сенни'к, се'ник. Горенка, клеть. – *В сеннике на косяке*
Новы карты лежат.

Шо'маша. Чистая комната, куть, нижний угол, отделенный от избы переборкой.

Шомя'вина, шомя'винка. Куть, отделенная от избы переборкой.

Го'вбец, голбец, гоубец, говбечь. Тесовая заборка, устраиваемая вблизи печи, на верху говбца бывает площадка немного ниже поверхности печи, на ней обыкновенно зимой сидят и спят. В переборке устраивается дверь и за дверью устраивается лестница в подполье, где хранится провизия, как, например, молоко, масло, яйца, картофель и т.п. – *Посмотри-ко, не на говбце ли рукавицы оставил?*

Подкли'ть, подклеть. Холодная комната без печи. В подклете обыкновенно хранят наряды, а иногда и кое-что из именья. Первую ночь новобрачные обыкновенно проводят в подклете. – *Благословите вы чадо милое на подклеть идти, опочив держать.*

Подклетье. То же, что подклить, подклеть.

В крестьянской избе под одной крышей находились и нежилые помещения для скота и хозяйственных нужд:

Кладо'вка. Кладовая.

Клить. Кладовая, холодная горница с окном.

Мост, мос. Сени, соединяющие избу и клеть, ...пол в сенях.– *Сколь походит, а все на мост придет*; – *По мосту ходит, а в избу не заходит* (загадка про двери); – *Я пойду, молодешенька, По сараю зыбучему, По мосту по скрипучему Я в пустую хоромину...*

Мша'нник. Хлев мшенный, т.е. с проконопаченными стенами. По словам Иваницкого (рук.), мшанником зовут чулан, нежилую комнату с проконопаченными стенами, где хранят зимою кушанья (щи, похлебку), чтоб не замерзало, и летом молоко (чтоб не прокисало).

Повить, поветь. Сарай под одной крышей с домом над скотным двором, Обыкновенно на повите хранят зерно, солому, а также земледельческие орудия и экипажи. – *Гаркни-ко божата с повита.*

Подва'л. Подполье, чулан с полом и потолком, у которого вход с улицы.

Подго'лбица. Место в подполье под голбцом, подполье, погреб под избой.

Подпо'лье. Помещение для мелкого скота под полом, под избой. – *Он для телят и подполье устроил уже.*

Поклеть. Погреб.

Пополье. Подполье.

Сани'к. Пристройка к стае для хранения хозяйственных орудий.

Сини'к. То же, что сенник, сеник. – *Я в пустую хоромину, Сиником что называется…*

Ста'я. Хлев, скотный двор, но чаще отгороженное место на скотном дворе для лошади.

Пространство внутри основной, жилой части с печью тоже распределялось определенным образом, с учетом расположения по отношению к печи:

Большой угол. Передний угол.

Засто'лецы. Место за столом.

Засто'лье. То же.

Подоко'ньецо, подоко'ньицо. Место в избе на лавках у окна. – *Дорожитесь, белы лебеди, Светлым подоконьицем* ; – *Дорожите, голубушки, Светлое подоконьицо.*

Поподлавочью. Под лавкою, под скамьею. – *Поподлавочью валяются где-нибудь, там и ищи;* - *У меня шапки поподлавочью николи не валялись.*

Се'реда, середа'. Середина избы, пол близ печи. Середой же зовут и шесток у черных печей. – *Зашиби челобитьецо О кирпичную середу;* - *Мне по край-полу дубоваго На кирпичную середу;* - *Полы я испротоптала Середы испроношала…*

Ку'тница. Куть, часть избы против устья печного. – *Подойди, моя голубушка, Ты родимая матушка, Ко кутней-то кутнице, Ко забранной занове сочне, Ты ко месту упалому, К человеку печальному.*

Заку'ток. Куть, отгороженная переборкою от избы.

Кут, куть. Часть избы против печного устья, иногда отгораживается куть от избы переборкой или же занавескою. – *Посадил сударь-батюшко Меня в куть за занавесу;* - *Из кути по лавке Все сидят валявки.*

Особое, самое значимое место в избе занимала печь, составняе части которой подробно названы в словаре П.А.Дилакторского:

Горну'шка. Углубление в засторонах печи над печурками, где хранят спички или огниво. – *Возьми в горнушке спичку да зажги лучинку* (Баженов).

Дымник. Дымовая труба у печи, труба, куда идет дым при топке печи. – *А как бабья-то красота На болоте полоскана, На кочке колочена, Через дымник сушена.*

Дымо'вник, дымоволо'к, ды'моволок. Труба, сделанная из досок, делается только в черных избах. Делается часто над печью, а иногда позади задней стены. Затыкают связкой кудели, сена, реже делают задвижку.

Ды'молочное окно. Отверстие дымовой трубы из избы.

Ды'молочь. То же, что дымовник.

Загнёта. III. Четырехугольное углубление в печи, куда загребают угли с золою, чтобы сохранить долее жар и огонь до следующей топки. – *Не ставь близко к загнёте-то, пригорит.*

Загнётина. То же, что загнёта.

Загнета. То же.

Заку'та. Часть печки, где помещаются вьюшки или задвижки.

Зала'вок. Лесенка на печь, иногда под одною из ступенек ее устраивается ящик, куда кладут веревки и другие мелочи.

За'сторона, за'сторонка. Боковая часть внутренности русской печи. – *Ты к засторone горшок-то поставь, дак и не будет мешать.*

Кону'рка. Впадина в боках печи, куда кладут сушить рукавицы и т.п.

Опечек. Нижняя деревянная часть печи, зовут также и 'подпечком'. Место на краю печи около трубы, куда кладутся для просушки лучина, рукавицы и т.п.

Печу'рка. Конурка, впадина или углубление в боках печи (на шестке), куда кладут сушить рукавицы и куда иногда отгребают золу.

Под. Пол печи, гладко выложенный кирпичами, на котором разводят огонь, ставят горшки, плошки и другую посуду при приготовлении пищи. II. Пол в верхней части овина, вылизанный гладко глиной, а изредка и выложенный кирпичом.

Поползу'ха. Задвижка в печной трубе, выше вьюшек.

Посторо'нка. Дверца в печной трубе, где вкладываются вьюшки.

Посторо'нок. Вьюшки и заслонка печной трубы.

Свинья'. Тесины с обручами, служащие сводом печи, сбитой из глины.

Сошто'к. Шесток у печи.

Сощёк, сощок. То же, что сошток.

Сторо'нка. Заслонка, которою закрывается отверстие или отдушина, через которую закрывается труба.

Труба'к. Глиняный или железный цилиндр. Сложенные вместе, эти цилиндры вмазываются в печь для проведения тепла в душник.

Тру'бка. Печная труба.

Цили'сник. Начало дымовой трубы, всегда покрытое сажей. – *Посмотри-ка на рожу-то: как цилисник.*

Чели'шник. Печной кожух.

Чело'. Устье печки. – *Растворила ничего, Поставила на чело. Три дня квашня кисла…*

Шесто'к. Припечек, площадка под трубою в русской печи, составляющая продолжение пода с наружной стороны. – *Отойди, моя матушка, От печки от ясныя, От шесточка кирпичного, Ко мне в куть да за занавесочку…*

Шесто'чница. Деревянный сруб, на котором сложена печь, фундамент или основание печи.

Щит. Стенка печи, примыкающая к лежанке под прямым углом.

Напе'льник. В черных избах над устьем печным перекладина, на которую кладут дрова для сушки и иногда весят тряпки. – *Уж тому ли свату-своднику На печи бы заблудитися, Сквозь напельник провалитися, Киселем бы подавитися… - На пече у напельника Тут сидит сова пестрая…*

Цело'. II. Устье печи и место над устьем.

Подробно охарактеризованы в словаре П.А.Дилакторского и составные части избы как строения:

а) разновидности окон, ставни, место под окнами:

Переднее окошечко. Окошко по лицу избы близ переднего, красного угла. – *Что садишь, млад ясен сокол На переднее окошечко…*

Красное окно. Среднее окно в избе. По лицу большею частью строятся избы в три окна, середнее и есть красное. – *Сидела я, тятенька, у красного окошечка…*

Кося'щато окно, кося'щато окошко. Обыкновенное окно с косяками, в отличие от волокового окна, низенького, неширокого. – *Как во чистой-то поруше Три окошка косящатых… - На привольной, на веселой там построен терем С косящатым окном, с постоялым со двором…*

Волоково'е окно. Маленькое окно без косяков, рама в котором низенькая, но длинная.

Волчье окно. То же, что ***волоковое окно.***

Ку'тнее окошко. Окошко в кутье. – *Наложишь мне руку правую На кутнее окошечко…*

Сторо'ннее окошечко. Боковое окно. – *Постучал я, добрый молодец, У стороннего окошечка…*

Суши'ло. Слуховое окно на крыше.

Пролёт. Небольшое окошечко, служащее для проветривания под полом.

Протёски. Узенькие прорубки в стенах нежилых строений, чтобы пропустить в них воздух и несколько света, они заменяют окна (в чуланах, кла-

довых, на скотных дворах), но без рам и без косяков. – *Нет щелей, нет ни протесок, Одна трубонька дымовая…*

Око'линка. Небольшая оконница, маленькая рама. – *Не в путь околинку просмотрела, Не у дверей пяту исшоркала…*

Перече'нья. Переплет в оконной раме.

Ста'вки. Оконные ставни.

Зе'нка, зе'нко. Стекло в раме, оконнице.

Обоко'нье. Наружные косяки рам, наружная околотка около рам. – *Окна все тесовым обоконьем околотить кругом по косякам и выкрасить.*

Подо'конье. Под окнами, под окошками. Ходить по подоконью и просить милостыню. – *Худой муж в могилку – добра жена по подоконью. Наш Афоня все в одном балахоне И в мир, и в мир, и по подоконью.*

Коротыши'. Обрубки бревен, образующие простенки между окнами.

б) стены, углы, перегородки:

Запло'тка. Заборка, переборка, тесовая стена.

Долбу'шка. Выдолбленное в стене углубление, полка, куда кладут мыло, тряпки и тому подобное.

Зава'лина, завалинка. Приваленная на зимнее время на стене избы солома и зажатая жердями для тепла. Но делают и постоянные завалинки, тогда по закоулкам приколачивают тесины и пространство между стеной и тесом заполняют сухими опилками, землей или костицей и сверху закрывают досками.

Посо'м. Треугольная верхняя, передняя часть стены над дверями в холодных постройках.

Зауго'лок. Конец бревен наружу выдающихся в углу деревянных зданий.

в) части пола, потолка, балки, брусья:

Сля'га, слёга. Большой пол.

Накат, накаты. Слань, бревна под полом. – *Да у моей избы поди все накаты-то уже сгнили.*

Поро'шица. Вблизи дверного порога в полу избы в хлев, это дыра закрывается доской. В эту порошину сметают сор с полу. – *На дворе-то есть солома, На порошице есть веник…*

Западня'. Вход в подполье и доска, закрывающая вход.

Потолочина. Доска, пластушина, из которых составляется потолок.

Матица. Серединное поперечное бревно в потолке, на котором одним концом лежат доски потолка.

Матница. Балка, поддерживающая подволоку (см. матица).

Надма'точник, надматошники. Бревно над матицей.

Подматки. Бревна, на которых лежит потолочная матица.

Начерёпки. Ряд бревен, который прижимает концы потолочных тесин на вышке. Зовут еще начерепком.

Черепово'е бревно'. Матица или бревно под потолком.

Перево'дка, перево'динка. Балка. – *Что не гнитесь вы, полавочки, Не ломайтесь, переводинки, Не тяжеле я прежнего... - Как ходит чужая мать По поветям по скрипучим, По переводам зыбучим...*

Пото'ко. Стропила.

Вороне'ц, вороне'ч, ворончик. Толстый поперечный брус в избе. В избе обыкновенно устраивается два воронца. Один идет от печи к стене и полати одним своим концом, укрепленным в этом воронце. Другой же воронец идет от печи по другой стене, отделяет как бы путь от избы (этот воронец местами называют ***грядкой***). Иногда куть отделяют переборкой, тогда тесины верхним концом укрепляют в этот второй воронец или же отделяют занавеской, прикрепленной опять-таки к этому же воронцу. На первый воронец часто кладут шапки, кушаки, и на второй ставятся, как на полку, блюда, кринки и т.п. – *Посажу дивью красоту на воронцы на дубовые... - Они ходят, обряжаются, до полу не дотыкаются, за ворончики хватаются...*

Гря'дка, гря'дочка. Шест или поперечник в избе или в другом какомлибо строении, на который весят платье, белье и т.п. ... Воронец, который отделяет куть от избы. Если куть отгорожена заборкой или занавеской, то прикреплены как заборка, так и занавеска к грядке. На грядку, как на полку, кладут блюда, кринки и реже шапки, рукавицы. Когда куть отделена клетчатой, узористой (берчатой) занавеской, то воронец этот называют берчатыми грядочками. – *Есть ли полицы скласть рукавицы, есть ли грядки скласть шапки... - Выходи из-за берчатых грядочек, ты дойди да доступи до родимой своей доченьки...*

г) очень подробно характеризует П.А.Дилакторский **крышу** крестьянской избы. Он различает **вершеные дома и невершеные дома** и даже показывает различие между ними на рисунках: **вершеные** – дома, имеющие крышу на два ската с князьком посередине. И дома **невершеные** – у которых крыша на один скат. Детали крыши называются им как знающим и опытным строителем.

За'стрех. Длинное бревно с желобом, в который упираются концы досок, составляющих крышу строения. Застрехи поддерживаются курицами. – *Сегодня тепло, с застрехов каплет.*

Ку'рица, ку'риця. Деревянные крюки, на которых лежат желобья, острехи крыш. – *Мне бы надо 3 курицы вырубить.*

Шпа'рины. Бревна, на которых лежат стропила крыши.

Насти'шники. Тычки на соломенной крыше для укрепления жердей, поддерживающих солому.

Откос. Ребра крыши, расходящиеся от князька.

Повал. Бревна, сложенные и скрепленные в виде треугольника, образуют стенку избы между скатами крыши. Иногда повал бывает не бревенчатый, а тесовый.

Подзо′р. Подшивка, карниз под домовой крышей.

Подналубка. Частая решетина на крыше. На нее стелется дрань.

Подпушка. Обшитый тесом низ крыши до стены.

Подоко′р. Овчинный мех, который кладется под крышу.

Подтёски. Нижний ряд тесин на крыше. На подтески часто употребляют горбуши.

Пото′к. Желоб крыши, острешник. – *Кадцю-то поставили под потоком.*

Ро′пот, ро′поть. Отверстие в крыше для выхода дыма при варке жива.

Самцы′. Трехугольник споры над крышей, чем выше, тем короче и короче.

Слёги. Бревна, положенные между концами самцов, на которые настилается солома, драница или тес, составляющий крышу.

Спи′шники. Стропила с вколоченными в них длинными деревянными спицами, гвоздями, на которых лежат слеги, положенные поверх соломы по крыше.

Стрехови′к. Боковой или нижний желоб на крыше.

Стрех. То же, что и застреха.

Стропи′ла. Бревна, поддерживающие крышу.

Сукова′тица. Кол с сучьями или сделанными спицами для удержания соломы на крыше.

Избица. То же, что вышка, т.е. место над избой, между подволокой и крышей. – *Я в избице грабли оставила.*

Подве′сок. Перекладина, кладущаяся на бабки отвода, местами зовут охлупнем.

Вы′шка. Чердак, пространство между подволокой и крышею. – *Посмотри на вышке, там не валяется ли где.*

Закры′лина. Навес кровли для защиты стены от дождя.

д) внимание составителя словаря привлекают и детали дверей в крестьянской избе:

Переганичье. Крылечко, примостье, галерейка у анбара.

Перечи′ни′чье. Рундук, крылечко, примосточек у анбара под навесом. II. Перила у лестницы, жердь на стойках у лесницы, поручень. (Баж.)

Присту′пок. Ступенька у лестницы, примосток для входа в говбец.

Ли′сенка, ли′синка, ли′сница, ли′сниця. Лесенка, лестница. Лестницы бывают спичанки и брусчатые. Спичанки, у которых ступеньки сделаны из колышков, и брусчатые или брущатые – ступеньки досчатые. – *Дошла до лисенки до спичанки...; – Я пойду сиротинушка, На брусчатую лисенку...,* - *Сходить подыматься По лисенке калиновой На крылечко дубовое.*

Си'ни. II. Сени, крыльцо. – *Не ходите, девки, в сени, Не гадайте в соломон...* (нар. песня)

Бу'рундук, бурунду'к. Помост, сруб впереди нижней ступеньки лесенки на крыльце. (См. борондук, рундук)

Тетева'. Боковая сторона лестницы, брусья, в вырезах которых вставляются ступени.

П.А.Дилакторский был большим знатоком в строительстве деревянной, крытой соломой, или тесом, или дранкой избы, прекрасно знал все строительные материалы и названия их, все действия мастеров этого дела, связанные с подготовкой к постройке избы и разными этапами строительства, начиная с низа и кончая крышей.

Названия общего процесса строительства дома:

Мастери'ть. Строить, плотничать. – *Где ныне мастеришь? Не возьмешься ли избу у меня мастерить?*

Руби'ть и'збу. Строить избу. – *На осени думаю избу рубить.*

Подрубить избу. Подвести к строению нижние бревна.

Ронить лес. Рубить лес на строение, на бревна. – *Они ушли лес ронить.*

Омшить. Конопатить постройку мохом. – *Вот надо на весну избу омшить, тепло и будет тогда.*

Общие материалы для строительства, инструменты и отдельные детали строительных материалов:

Лес. Бревна. – Поди лесу-то у тебя много нарублено? – Много ли на избу лесу-то надо?

Окла'дники. Четыре лиственных бревна соединяются между собою в четвероугольник, служат вместо фундамента.

Пятерик. Пятисаженное бревно.

Четвери'к. Бревно в четыре сажени длиною.

Шкунтубель. Плотничный инструмент для выемки дерева в тесинках, чтобы они плотно прилегали одна к другой.

Сна'вра. Деревянный брусок, вбиваемый поперек сплачиваемых досок, шпонка, прогонный брус.

Скале'бина. Небольшая щель в бревне или тесине.

Сколо'тная. Тесина, которая вставляется плотниками в промежуток, образующийся при сдвигании, сколачивании полов.

Черепа'. Вырубки на стене избы, куда входят концы половиц и потолочных тесин.

Шкан. Маленький деревянный шип для скрепления половиц.

Шко'нтик. Палочка, которой заколачивается отверстие, дыра от выпавшего сучка.

Называются и те материалы, которые не годятся для строительства дома:

Бара'бельник. Негодное для постройки бревно.

Верши'нник. Вершина дерева, оставшаяся от увезенных бревен. Иногда вершинник употребляют на постройку, например, сарая, сеновала, но чаще на дрова.

Горби'на. Первый и последний отрез при пилении бревен на доски, они идут на заборы, дрова.

Некоторые процессы и предметы называют подготовительную работу:

По'туги. Настилка или несколько бревен, положенных накось, склоном, для выкату по ним бревен, леса.

По'токи. Бревна, положенные параллельно одним концом на стену и другим на землю. По потокам вкатывают другие бревна на постройку.

Стами'к. II. Скамейка, имеющая сзади перила. III. Кровать. IV. Обрубок дерева, который стамиком врывается в землю под углы избы. – *У меня изба-то на стамиках.*

Щап. Выемка, делаемая топором при срубе его с корня.

На-подъем. Служить молебен после закладки дома.

Называются в словаре и детали строящейся избы снизу вверх:

- низ избы:

Подсто'лбики, подсто'лбки. Сосновые или лиственные чурки, обрубки деревьев, вкапываемые в землю под углы постройки.

Подстолбники. То же, что подстолбики.

Слань. Обрубки от бревен, которые ставятся стоймя один подле другого под стены. – *На слане-то двор-от получше.*

- средняя часть избы:

Поперечина. Поперечная связь в постройках.

Коро'вка. Углубление, которое вырубается в углах при постройке чего-нибудь, дабы бревна плотно между собою лежали.

Вы'дра. Желобок, выемка в бревнах, которая вынимается (выдирается) пазником, делается чтобы плотнее, особенно косяки, подходили к стене. – *Выдру-то надо бы побольше выдрать.*

- верх избы:

Сомцы', самцы. Бревна, составляющие поперечные, к верху сузившиеся простенки, трехугольники над потолком в строениях с двухскатными крышами. Между концами самцов кладутся слеги, на которые и настилается солома, дранище или тес, составляющий крышу.

Чернева'. Черное, сделанное сажей на стене пятно, как отметка, отделяющая одну стену от другой. Чернева делается перед разборкой строения для переноски его на другое место.

По-разному называются избы, строительство которых завершено или не завершено:

Наряд избы. Отделка избы на чисто.

Наряжённая изба. Совершенно отделанная изба.

Ста'я. II. Срубы, четыре стены дома, только что срубленные, но не наряженные.

Стопа'. Сруб избы или какой другой постройки.

Струб. Сруб, вчерне срубленная постройка. – *Купи у меня струбы-то избяные. На горницу-то тебе ровно так мои струбы.*

Языковая картина деревенской избы XIX века была бы неполной без называния основных **предметов избяной мебели**. В качестве мебели в деревянном деревенском доме выступали прежде всего лавки, скамьи и полки:

Ла'вица, ла'воцка, ла'вича, ла'вочка. Лавка, скамейка в избах вдоль стен. – Не в куте лавичу просидела…

Брусо'вая лавочка. Из брусьев, толстых досок.

Брусча'тая лавочка. То же, что брусовая.

Дуле'пка. Деревянная некрашеная скамья.

Па'лича. Скамейка, лавка в избе против печи.

Надла'вочник. Полка вдоль стены над лавкою, чаще зовут полавошником.

Наблюдник. Полка вблизи печи для посуды.

Пола'вки. Широкие полки, идущие по двум стенам избы над лавками, чаще они устраиваются на одной высоте с полатями. Полавки зовут еще полавочником и полавком.

Полавочник, полавошник. То же, что полавки, полавок. – *С полавошника достань рукавицы да шапку.*

Полати. Помост из досок в избе, устроенный на одном уровне с голбцем. *– В благодатном доме у молодой княгини есть ли полати складсти халаты?; – Чтобы свату-то большему На печи заблудитися, На полатях дверей искать.*

Поли'ца, поли'ця. То же, что полавок, полавошник. – *Есть ли полицы скласть рукавицы?; - На алтыньешек веретешек прихватила, Пришла домой на полицу положила.* II. Помост в доме или три доски перед входом в овин, с земли на полицу ведет лестница.

Поличка. То же, что и полица, полавошник. – Кикирики петушок, Золотой гребешок, На поличе стоял, Трои лапти сплел.

Полокошник. Полица, полавошник, полка в избе.

Понёбы. Полки, полавошники.

Судёнка. Полка или шкап для посуды, устраиваемая вблизи печи.

Особое назначение имели полки у печи:

Зала'вок. Лесенка на печь, иногда под одной из ступенек ее устраивается ящик, куда кладут веревки и другие мелочи.

Залавочек. Маленький шкапчик, прилегающий к печи.

Отдельно названы полки под иконами:

Подико'нник. То же, что божница, полка под иконой.

Приде'лка. Полка с иконами в переднем углу, божница.

Кроме того, в каждой избе была колыбель, которая называлась по-разному:

Люлька. Колыбель.

Баенька. Колыбель.

Зыбка. Колыбель, люлька.

Качи'льно. Очеп зыбки. Шест, на котором качается зыбка. У потолка вблизи печи укрепляется комель жерди, а на вершине этой жерди и привязывается на веревках зыбка, люлька.

Для того чтобы повесить одежду, использовались специальные крючки:

Спи'ца, спи'чка, спи'ча. Вешалка, толстый деревянный гвоздь, на который весят одежду, полотенце. – *Есть ли спички точены Свесить платки строчены…*

Спи'шник. То же, что спица, спича, спичка.

Поскольку избы освещались лучинами, то в крестьянской избе необходимы были приспособления для крепления лучины:

Свите'ц, свете'ц. Укрепляется на ножках деревянный столбик, в котором и прикреплен развесистый железный прут, в разветвлениях которого и укрепляют горящую лучину. У свитца обыкновенно стоит корытце с водою, куда и валятся угли. Теперь уже во многих местах перестают сидеть с лучиной и освещают избу керосином.

Свительно, светильно. То же, что свитец.

Подсветинница. То же, что светец, т.е. подставка, куда вставляется лучина для освещения избы.

Шепе'ц. Железный крюк у светца или свитца, в который втыкается горящая лучина.

Составителя словаря интересовали не только предметы окружающего мира, но и люди, живущие в избе, и их занятия:

Шумова'я изба. Сборная изба для обсуждения общественных вопросов.

Су'прядка. Собрание крестьянок в одну избу для пряжи льна или шерсти хозяину дома. Помочь.

Су'прядки. Вечеринка, пирушка, устраиваемая тем, кто взял заказ на прядение, когда заказ выполнен.

Посиде'нка. Зимние вечерние собранья крестьянской молодежи, на которых иногда девицы прядут нитки и плетут кружева, а парни (в Никольском уезде и парни прядут) любезничают, играют на гармонике и поют песни. Часто, когда поустанут работать, устраиваются игры. – *Молодых молодушек Понапущаю, Посиденки соберу И веселье заведу.*

Диви'шник. Девичник, канун свадьбы в доме невесты.

Итак, «Словарь областного вологодского наречия» П.А.Дилакторского воссоздает перед читателем довольно полную картину мира вологодского крестьянина через большую группу слов, объединенных концептом «изба».

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Н.Ю.Шведова. Лексическая система и ее отражение в толковом словаре // Русистика. Язык: система и ее функционирование. – М.: «Наука», 1988. – с.162.
2. В.Г.Смольницкий. Русь избяная. – М., 1993. – с.5.
3. Н.И.Толстой. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистики. – М., 1995. – с.51.
4. Ю.Лотман. Статьи по типологии культуры. – Вып. I – Тарту, 1970. – с.19.
5. А.К.Байбурин. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. – Л.: «Наука», 1983. – с.19.

С. Н. Ипатова

Наименования дней церковного года в «Словаре областного вологодского наречия в его бытовом и этнографическом применении» П. Дилакторского

«Словарь областного вологодского наречия в его бытовом и этнографическом применении» Прокопия Дилакторского имеет одну определенную цель – пробудить у его читателей внимание к Северу. Не прерывавшееся всю жизнь увлечение Северным краем указывает на то, что «П.А. Дилакторский рано уже сознал, какое крупное значение имел Север в истории России, в XV-XVII вв., и в то же время мучительно видел и понимал, как мало к этому блестящему прошлому интереса у современников, как темно это прошлое, совершенно необследованное, неизученное, забытое…» [3: 4]. Словарь П.А. Дилакторского сохранил реликты мифологической картины мира (см. [4]), но наиболее ярко словарь отражает систему религиозных представлений вологодского крестьянина, видимую через включение в словарь лексем, тематически объединенных годовым церковным кругом богослужений.

Целью настоящей статьи является рассмотрение этой системы при помощи анализа лексических единиц с наименованием дней церковного года.

Возможность познания особенностей духовной культуры через язык, его словарный состав составляет наиболее важную и сложную лингвистическую проблему. Язык словаря П. Дилакторского является, на наш взгляд, достоверным источником характеристики церковно-религиозного состояния эпохи XIX века. Известно, что культурно-исторический или этнографический компонент языка наиболее отчетливо проявляется в словарном составе. Этнографизмы – это «слова, называющие отличительные (характерные только для данного коллектива) особенности быта и жизни. В русском языке можно выделить две категории этнографизмов: 1) общерусские; 2) локальнорусские. Эти две группы обнаруживаются в словаре П. Дилакторского: наряду с собственно диалектизмами, в словаре большой пласт лексем представляет собой фонетические варианты общерусских слов.

Религиозная лексика с обозначением дней церковного года в словаре П. Дилакторского может быть разделена на четыре группы: 1) наименования праздника Пасхи и воскресных дней; 2) наименования Двунадесятых церковных праздников; 3) наименования Великих церковных праздников; 4) наименования дней памяти отдельных святых.

Первая группа наименований представлена в лексемах *Паска, целовник, воскрисиньё,* в составных наименованиях *Христов день, воскрёсный день, Ра'душное воскресенье*. Все эти слова имеют гипосему 'воскресный день', их значения различаются следующим образом. *Воскрёсный* – это фонетический вариант слова *воскресный*: *«Воскрёсный день (Кадн., Вел., Тот.) – воскресенье»*. Иная фонетическая огласовка в словаре представлена и у слова *Пасха*: *«Па'ска (Вол., Гр., Кадн., Тот., Вел.) – Пасха. Светлое Христово Воскресенье. На дворе Паска, а у нас и перекусить нечево (Мальгинов). Не видала Сашки с Паски, поцелуемся разок (Народная песня)»*. Пасха по церковному календарю – праздников праздник [6: 4], главный праздник христиан. Пасха не входит в разновидности Двунадесятых и Великих церковных праздников, относится к разряду подвижных. Хронологическая подвижность Пасхи в годовом круге обусловливает подвижность нескольких праздников церковного года, таких как Вход Господень в Иерусалим, Вознесение Господне, Пятидесятница. Воскресенье по церковному календарю – это малая Пасха: как и в Пасху, в каждое воскресенье вспоминается чудесное вокресение Иисуса Христа, знаменующее победу жизни над смертью. Словарь П. Дилакторского косвенно фиксирует первостепенное значение праздника Пасхи в сознании вологодского крестьянина: *«Христо'в день (повс.) – Пасха. Светлое Христово воскресенье... Как в Христов день не сходить в церковь»*. Эту же фоновую сему наименования *Христов день* можно выявить в толковании П. Дилакторским другого слова: *«За'втрина (Тот.). То же, что завтреня (За'втреня (Кадн.) – заутреня, утренняя церковная служба (Иваницкий – рук., Словарь русского языка). Поедем в* ***Христов день*** *к за'втрине (Баженов, Словарь русского языка)»*. Почитание вологодским крестьянином не только Пасхи, но и каждого воскресного дня как малой Пасхи также нашло отраже-

ние в словаре: «*В воскрёсные дни какая же работа?*» (статья *Воскрёсный день*). Фоновые семы лексем этой группы (*Паска, воскрисиньё и др.*) 'необходимость быть в этот день в Церкви' и 'запрет на работу' определяются одной из 10 заповедей Бога (Исход 20: 9).

Словарь П. Дилакторского содержит и наименования особых воскресных дней. Два отдельных наименования воскресений тесно связаны с Пасхой. Значение первого наименования *целовник* соответствует значению сочетания *Прощеное воскресенье* – «последнее воскресенье перед Великим постом, когда православные верующие просят друг у друга прощения» [9: 3, 548]. Если в общецерковном употреблении наименование этого дня мотивируется значением глагола *простить*, то в употреблении вологодского крестьянина наименование мотивируется значением глагола *целовать*, выражающего образ действия прощения и его результат: «*Целовни'к (Вол., Тот., Сольв.) - последний день масленицы, воскресенье перед Великим постом. Крестьяне стараются в этот день увидать своих родных и близких знакомых и просят взаимно прощения в обидах, грехах, при этом целуются, отсюда и название целовник*». Лексема *целовник* образована по продуктивной словообразовательной модели *целовать* →*целовник* при помощи словообразовательного суффикса –*ник*- и с усечением основы производящего слова. Абсолютно другой контекст, мотивирующий наименование *целовник,* предлагает С.В. Максимов в отношении Вятской губернии: «Целовник состоял в том, что в масленичную субботу подгулявшая деревенская молодежь ездит целовать молодушек, которые живут замужем первую масленицу… Молодая подносит каждому из гостей пива, а тот, выпив, трижды целуется с ней» [5: 364-365].

Другое воскресенье, связанное с праздником Пасхи, имеет наименование «*Ра'душное воскресе'нье (Кадн.) – Фомино воскресенье, первое воскресенье после Пасхи (Иваницкий – рук.)*». В словаре В.И. Даля представлено несколько вариантов наименования первого воскресенья после Пасхи: *Ра'ду(о)не'ц* м. р. или *Ра'ду(о)ни'ца, Ра'довни'ца, Радошница* ж. р. [2: 4, 8], – имеющих значение: «День поминовения усопших на кладбище, на Фоминой неделе; тут пьют, едят, угощают и покойников, призывая их на радость Пресветлаго воскресения» [2: 4, 8]. В.И. Даль указывает и территориальное различие дней недели такого поминания усопших («на юге *фомин понедельник*, на западе *вторник*, на севере *вторник* же или *воскресенье*» (Там же)). В словаре П. Дилакторского отражена северная особенность: наряду с наименованием *радушное воскресение*, встречаются лексемы *радоница (Тот., В-Уст.)* и *радуница* со значением '*вторник на Фоминой неделе*'. Мотивирующей базой этих слов выступает слово *радость* со значением 'внутреннее чувство удовольствия, приятного, вследствие желанного случая; самое событие или предмет, возбудивший эти душевные чувства' [2: 4, 8], значения наименований *радошное воскресенье, радуница* и *радоница* связаны с событием воскресения Иисуса Христа, которое вызвало радостные чувства. По всей видимости, наименование *радушное воскресение* не включает потенциальную сему 'поминовение

усопших именно в воскресный день', а просто указывает на то, что на неделе, начинающейся с этого дня, будет совершаться это поминовение.

Кроме отдельных праздников, в словаре встречаются наименования целых недель (*Вербная неделя (Ник.), Вербница (Ник.), Фомина неделя (Кадн.), Грозная неде(и)ля (Кадн.), Звериная неделя (Кадн.)*). Первые три наименования связаны с праздником Пасхи: Вербная неделя предшествует Пасхе и начинается с праздника Вход Господень в Иерусалим. Мотивирующей базой наименования выступает слово *верба*, обозначающее предмет, характеризующий этот праздник. Традиция встречи Господа, идущего на вольные страдания, ветвями основана на евангельском повествовании (Ин.12: 1-18), где говорится о том, что люди устилали путь Богу пальмовыми ветвями. На Руси пальмовые ветви были заменены вербой. Итак, наименования недели *Вербная* и *Вербница* образованы по продуктивной словообразовательной модели *верба → вербный* при помощи суффикса относительного прилагательного *-н-* и по непродуктивной модели *вербный → Вербница* при помощи суффикса *-иц-* [8: 173]. Наименование недели *Фомина* мотивировано именем собственным *Фома* (один из апостолов Иисуса Христа). В первое воскресенье после Пасхи на Литургии вспоминается неверие апостола Фомы в воскресение Иисуса Христа (Ин. 20: 19-31). Наименование недели *Фомина* образовано также по продуктивной словообразовательной модели *Фома → Фомина* при помощи суффикса притяжательного прилагательного *-ин-*.

Вторая группа наименований (наименования Двунадесятых праздников) представлена в лексемах *Вербница, Водокрещенье, Второго Спаса, Звижев день, Здвиженье, Здви'женьев день, Кутейник, Рожество, Сочевник, Сочельник, Спленье, Спленьев день, Успленье, Сритеньё, Стритенье, Сустреченье, Устретьев день.* В словаре зафиксированы наименования не всех Двунадесятых праздников. Так, вовсе нет словарных статей с наименованием двунадесятых преходящих (подвижных) праздников (Вход Господень в Иерусалим, Вознесение Господне, День Святой Троицы, Пятидесятница). В отдельных словарных статьях представлены наименования следующих Двунадесятых непреходящих (неподвижных) праздников: Крещение Господне (6 января)[1] (*Водокре'щенье и Водокреще'нье (Кадн.)*), Сретение Господне (2 февраля) (*Сритеньё, Стритенье (В-Уст.), Сустреченье (Кадн.), Устретьев день (Ярен.)*), Преображение Господне (6 августа) (*Второ'го Спа'са (В-Уст., Ник., Тот., Кадн., Вол., Гряз.)*), Успение Пресвятой Богородицы (15 августа) (*Спленье, Спленьев день, Успленье (Кадн.)*), Воздвижение Креста Господня (14 сентября) (*Звижев день, Здвиженье, Здви'женьев день (Кадн.)*), Рождество Христово (25 декабря) (*Рожество' (Тот.) Рогиво (Ярен.)*). Иногда в словарную статью П.А. Дилакторский включает повествовательные фрагменты, представляющие собой мотивирующую основу наименования, например: «*Водокре'щенье, Водокреще'нье* (Кадн.) – *Богоявление, Крещение Господне (6 янва-*

[1] По старому стилю.

ря). По поверью крестьян, во время освящения воды нечистая сила кидается всюду, где нет крестного знаменья, во избежание чего крестьяне еще накануне крестят мелом или углем двери, окна, печь».

Многие из перечисленных наименований праздников представляют собой не просто иную фонетическую огласовку общерусских слов вологодским крестьянином, но отражают закономерное историческое развитие русского языка. Наименование праздника Рождество Господа Иисуса Христа *Рожество* повторяет древнерусское *рожьство* [11: 3, 493]. Наименования праздника Успение Пресвятой Богородицы, в котором определяемое слово *успение,* наряду со значением 'засыпание, сон', имеет значение 'смерть, окончание, земной жизни', *Спленье, Спленьев день, Успленье* сохранили *л–эпентеткум* (ср. древнерусское *усъпление* (Сказание о Борисе и Глебе, житие Феодосия Печерского: см. [10: 3, 1295]).

В словаре представлены наименования и дней, предшествующих Двунадеятым праздникам Рождества и Крещения: «*Куте'йник (Кадн.) – Рождественский сочельник»; «Соче'вник (Кадн.) – навечерие Богоявления (6 января) (Иваницкий – рук.)»; «Соче'льник (повс.) – последний день, канун Рождества Христова и перед Крещением»*. Интерес представляет лексема *Рогиво*: «*Рогиво (Ярен.) – праздник Рождества Христова (Куклин)*)», – мотивирующую основу которой восстановить сложно.

Наименование *кутейник* мотивировано существительным *кутья* 'кушанье из риса или другой крупы с медом и с изюмом, употребляется на поминках; в Церкви его святят; это кушанье едят также под Рождество, в сочельник и другие праздники' [11: 2, 435]. С кутейника начинались святки, которые длились от 24 декабря до 6 января (Крещение Господне). Празднование святок начиналось с торжественного ужина, который представлял собой поминальный стол. Одно из непременных блюд в этот день – кутья. Как известно, кутья знаменует постоянство возрождения жизни, невзирая на смерть [7: 20]. Наименования *сочевник* и общерусское *сочельник*, первоначально **сочьньник*, образованы от существительного *сочень* 'вид лепешки на конопляном масле' [11: 3, 730]. По свидетельству словаря Фасмера, «сочни пекутся на Рождество, из их теста делают также маску и, надев ее на лицо, смотрят через подворотню на проходящих. По наружности первого прохожего делается заключение о будущем... отсюда название кануна Рождества – Сочельник» [11: 3, 730].

Наименования праздника Сретение Господа Иисуса Христа, на котором вспоминается встреча старца Симеона с Христом-младенцем, представляют в словаре диалектную фонетическую огласовку слова *сретение,* буквально '*встреча*': *Сритеньё, Стритенье, Устретьев день.* Префикс *су-* в лексеме *Сустреченье* подчеркивает взаимную связь, совместность субъектов встречи, что, в свою очередь, отражает глубокое понимание вологодским крестьянином смысла православного праздника: старец Симеон первым исповедал Иисуса Христа Богом, а Бог исполнил свое обетование этому старцу.

В словаре П.А. Дилакторского не зафиксированы словарные статьи с наименованием в заголовке таких непреходящих Двунадесятых праздников, как Благовещенье Пресвятой Богородицы (25 марта), Рождество Пресвятой Богородицы (8 сентября), Введение во храм Пресвятой Богородицы (21 ноября), что свидетельствует о преобладании в словаре наименований Господского цикла праздников перед Богородичным.

Отсутствие отдельных словарных статей с наименованием вышеуказанных Богородичных праздников не означает, что эти праздники вовсе не упомянуты в словаре. Так, например, праздник Благовещения упоминается опосредованно, при толковании слова *засевальница*: «*Засева́льница (Кадн., Вол., Тот.) – просфора, освещенная или в день св. Пасхи, или же в день Благовещенья (25 марта), высушенная и раскрашенная, смешивается с зернами для посева и выбрасывается на погосы вместе с зернами при первом севе*». Связь наименования просфоры с Двунадесятым праздником Благовещения в словаре П. Дилакторского не случайна. Традиционно народ приписывал Богородице влияние на земные урожаи: «Мысль о благословенном плоде чрева Богоматери сливается в народных воззрениях с мыслью о весенних родах матери Земли» [1: 1, 246]. Этнографический контекст П.А. Дилакторского очень точно отражает общенародный обычай (ср.: «В этот праздник (Благовещенье) пекут просфиры из сборной со всей общины муки, освящают их за литургией, и потом каждый хозяин приносит свою просвиру домой и кладет в закром овса, где она и остается до начала посевов. Отправляясь сеять яровой хлеб, хозяин вкушает от этой просвиры; а в других местах благовещенскую просвиру привязывают к сеялке и выносят на ниву во время обсеменения полей...» [1: 1, 246]). Итак, наименование *засевальница* мотивировано словом *засевать* и образовано от этого глагола при помощи суффикса *-льниц-*.

Праздник Рождества Пресвятой Богородицы упоминается при толковании слова *заседка* («*Засе́дка, засе́дки (Вол., Гряз.). У мастеровых так называется первый вечер по окончании лета, в который зажигают свечи. Обыкновенно с недели святой Пасхи и до Богородицына дня (8 сентября) с огнем уже не работают, а поэтому и празднуют первый вечер, в который вздувают огонь, справляют пирушкой (Муромцев) У нашего хозяина на заседках весело было (Обнорский)*»), при этом праздник получает составное наименование *Богородицын день*, первое слово которого образовано по продуктивной словообразовательной модели *Богородица* → *Богородицын* при помощи суффикса притяжательного прилагательного *-ын-*.

В словаре содержатся и другие наименования предметов религиозного культа, связанные с православными церковными праздниками. Так, например, с Пасхой традиционно связана лексема *яйцо*, которая в словаре П.Дилакторского дана в диалектной фонетической огласовке: «*Ейцё, Ейцо́ (повс.) – яйцо. Дорого яицкё о Христове дни (послов.)*». С вечерней службой Великого четверга на страстной седмице в словаре П. Дилакторского связано особое наименование церковной свечи – *Четверговая*: «*Четверго́вая свичя*

(Кадн.) – свеча, с которой стояли в церкви во время стояния в великий четверг, когда читаются 12 Евангелий». Наименование *четверговая* образовано по словообразовательной модели *четверг → четверговая* при помощи продуктивного суффикса притяжательного прилагательного *-ов-*. Выделение отдельного наименования свечи может быть объяснено следующим фактом. Еще в древности крестьяне, как повествует А.Н. Афанасьев, после «всенощного стояния» приносили из церкви горящие восковые свечи и выжигали ими на дверях и потолках своих домов кресты – для отгнания злых духов. «Эта «страстная» свеча, будучи зажжена во время грозы, предохраняет дом от громового удара; поставленная в пчельнике, она дарует изобилие меда..., с нею же соединяют целебную, облегчающую страдания силу и потому, затепливая эту свечу, дают ее в руки трудно больным, во время болезненных припадков и родильницам – при муках разрешения» [1: 3, 342].

С праздником Богоявления связана лексема *Ёрдан*, представляющая собой фонетическую огласовку слова *Иордан*, которая имеет в словаре основное диалектное значение 'прорубь для крещенского освящения воды': «*Ёрдан (Вол., Гряз., Кадн., Тот., В-Уст., Ник.) – прорубь на льду для крещенского водосвятия. Мы на Ёрдан седни ходили (Обнорский)*», – и производное от него значение 'купель для крещения' (*«(Вол.) Купель (Дорогин)»)*. С праздником Преображения Господня связана лексема *падери'ще* в значении 'яблоко, сорванное до 6 августа': «*Падери'ще (Волог.) – яблоко, сорванное до Второго Спаса (6 августа), т.е. до освящения плодов (Иваницкий – рук.)*». Мотивация наименования связана с церковным обрядом освящения земных плодов в праздник Преображения. Отрицательная коннотация слова *падерище* создается за счет суффикса *-ищ-* в сочетании с флексией –э.

Из пяти Великих православных праздников в словаре П. Дилакторского представлены наименования только двух: Усекновение главы Иоанна Предтечи (29 августа) (*Ива'н по'стный (повс.). Так крестьяне зовут день 29 августа, когда Церковь празднует усекновение главы Иоанна Крестителя и установила пост на этот день. В Вельском уезде говорят: «Ивана Постного съел», если оскоромился в этот день. Крестьяне считают грехом в этот день срезывать и резать что-либо круглое, например тыкву, капусту, брюкву и т.п.)* и упоминается День святых первоверховных апостолов Петра и Павла (29 июня) в названиях постов (*Петров день (Петровки, Петровшина* и др.)). Не представлены словарные статьи с диалектными наименованиями таких великих праздников, как Обрезание Господне и память святителя Василия Великого (1 января), Рождество Иоанна Предтечи (24 июня), Покров Пресвятой Богородицы (1 октября). Последний праздник нашел отражение в словаре при толковании обрядового действия *закармливать назиму*: «*Зака'рмливать нази'му (Кадн.). В день Покрова Пресвятой Богородицы (1 октября) хозяин достает из клити овсяный сноп и его раздает всей скотине. Этот сноп последний, выжатый (его не молотят) приносится домой и стоит под образ-*

ами в переднем угу неделю и затем уносится в клить, где и хранится до 1 октября».

Как видим, наименования церковных предметов, обрядовых и хозяйственных действий вологодского крестьянина тесно связаны с православными праздниками, отражая определенные этапы хозяйственной бытовой деятельности.

В группе наименований дней памяти отдельных святых есть одна отдельная словарная статья, посвященная дню памяти святителя Николая, архиепископа Мирликийского, чудотворца: «*Мико'ль-день (Тот.) – Николин день. У вас праздник что ль в Миколь-день-то?*» – что свидетельствует о распространении культа святителя Николая в Вологодской губернии, как и на территории всей России. В словаре упоминается день памяти святого преподобного Алексия, человека Божия при толковании акцентологических вариантов одного слова *жаворо'нки и жа'воронки*: «*Жаворо'нки, жа'воронки (Вол., Гряз., Кадн., Вел.) – маленькие хлебцы, пирожки из ржаной муки, имеющие вид птицы, их пекут детям 17 марта в день Алексия человека Божия, потому что в Алексеев день, по замечаниям старожилов, прилетают жаворонки*».

Ряд наименований дней памяти святых представляет собой своеобразные наименования, порожденные христианско-языческим синкретизмом. Всего таких наименований в словаре П. Дилакторского насчитывается одиннадцать (*Еремей-засевальник, Еремей-запрягальник, Марина-капля, Василий-капля, Феодосия-колосеница, Лидия-ледоломка, Мокий-мокрый, Овдотья-плющиха, Оксинья-полузимница, Спиридон-солноворот, Евдокия-суслонница*). Подробное их рассмотрение может служить предметом отдельной научной статьи.

Итак, вологодский крестьянин XIX века сохранил такой взгляд на годовой церковный круг и природу, когда все одухотворено, наделено жизненной силой. Церковный год в сознании вологодского крестьянина XIX века представлял собой сложное явление, включающее в себя знание природы, осмысление закономерностей человеческой жизни, сельскохозяйственный опыт, обряды, произведения устного народного творчества, установившиеся веками нормы общественной жизни и многое другое. В этом смысле словарь П.А. Дилакторского представляет собой своеобразный дневник, энциклопедию крестьянского быта с его праздниками и буднями. Система религиозных представлений вологодского крестьянина XIX в. в словаре П.А. Дилакторского имеет не объясняющий, а утилитарный характер. Эта система предусматривает соблюдение человеком традиционных норм поведения, программирует его действия в годовом круге, тесно связанном с богослужением и сезонными циклами в природе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу: В 3 т. – М., 1995.
2. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. – М., 1999.

3. Евдокимов П. Библиограф Прокопий Александрович Дилакторский (1868-1910) // П.А. Дилакторский. Опыт указателя литературы по Северному краю с 1766 до 1904 г. – Вологда: Изд-е Вологодского общества изучения Северного края, 1921.

4. Ипатова С.Н. Религиозно-мифологическая картина мира вологодского крестьянина (на материале словаря П.А. Дилакторского) // Русское слово в тексте и в словаре. – Вологда, 2003. – С.149-158.

5. Максимов С.В. Крестная сила. Нечистая сила. Неведомая сила: Трилогия. – Кемерово, 1991. – 351 с.

6. Победоносцев К.П. Праздники // Праздники Православной Церкви с подробным объяснением. – М., 2000. – С. 3-5.

7. Пропп В.Я. Русские аграрные праздники. Опыт историко-этнографического исследования. – М., 2000. – 192 с.

8. Русская грамматика: В 2-х т. – Т.1. – М., 1980.

9. *МАС:* Словарь русского языка: В 4-х т. / Под ред. А.П. Евгеньевой – М., 1999.

10.Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 1-3. – СПб., 1893-1912. Репринтные издания: 1958, 1989.

11.Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4-х т. – М.,1986-1987.

Е. В. Коровушкина

Лексика торгово-финансовой сферы в словаре П. А. Дилакторского

Коренные экономические изменения, произошедшие в России в XIX в., не только повлияли на жизнь крупных промышленных центров, но и отразились на традиционном жизненном укладе российской глубинки. Главным явлением стало разложение натурального хозяйства и проникновение товарно-денежных отношений в деревню. Отмена крепостного права создала возможность для становления новых отношений между работодателями и наемной рабочей силой. Развитие торговли способствовало формированию внутреннего рынка страны. Эти процессы нашли отражение и в языке народа, о чем свидетельствуют данные «Словаря областного вологодского наречия в его бытовом и этнографическом применении» П. А. Дилакторского, фиксирующего и наименования новых понятий, обозначающих реалии современной экономической жизни страны, и употребление в диалектной речи слов иноязычного происхождения, обозначающих экономические термины. При этом в широком употреблении остаются и диалектные слова, характерные для жителей той или иной местности.

Дилакторский включает в свой словарь не только областные, но и общеупотребительные слова литературного языка. Все зафиксированные в словаре лексемы, относящиеся к торгово-финансовой сфере деятельности, по их соотнесенности со словами литературного языка, можно объединить в следующие группы:

1. Слова литературного языка. Иногда они фиксируются в словарях с пометой ´простон.´, а иногда помещены и вовсе без специальных помет: *казна* – словари литературного языка как основное значение выделяют ´деньги, собственно принадлежащие государю или государству´ [СЦРЯ2:152, НПСИС:178], в свою очередь Дилакторский отмечает в качестве основного то значение, которое в словарях литературного языка маркируется как архаичное: ´денежное достояние, хранилище´ [Д2:10]; *десятка* – ´кредитный государственный билет ценностью в 10 рублей´ [Д1:81, СРЯ3:1021]; *магарычъ* – ´угощение, делаемое покупателем продавцу или сводчику´ [СЦРЯ2:278, Мих.:416], Дилакторский указывает на то, что в этом значении слово употребляется редко, чаще его заменяют на *лытки*, как основное он указывает появившееся в результате семантической эволюции значение ´добыча, барыш, доля´ [Д2:57]. *биржа* – слово многозначное, словари отмечают два основных значения: ´место, где собираются купцы и банкиры для торговых сделок и переговоров´, ´стоянка извозчиков´ [СЦРЯ1:47, Мих.:108, НПСИС:64], Дилакторский фиксирует иное значение: ´рынок, базар, торговая площадь´ [Д1:18]; *торгъ* – это отглагольное существительное в литературном языке конца XIX в. употреблялось в значении ´торговля´, `действие по значению глагола торговать` чаще встречалось в сочетании ´продажа с публичного торга´, у Дилакторского на первый план выступает значение, которое в словаре В. И. Даля сопровождается пометой ´стар.´ – ´базар, рынок´. *Квитъ* – изначально французское заимствование, в литературном языке употреблялось в строго терминологическом значении: ´уничтожение обязательства или долга´[КС:48], употребление в диалектной речи не меняет значение термина, а низводит его до уровня выражения бытовых понятий из области денежных отношений: *«Мы с тобой и квиты», «Ты еще не квит передо мной»* [Д2:15]. К общелитературным словам, помещенным в словаре, можно отнести лексемы *базаръ, батрачить, даромъ.*

2. Слова, являющиеся вариантами общеупотребительных слов. Эти варианты объясняются либо спецификой диалектного словообразования, либо фонетическими трансформациями, связанными с особенностями произношения жителей той или иной местности: богатство – *богаство, богачесво, богачество,* денежка – *динёшка,* аренда, арендовать, арендатор – *ренда, рента, рендовать,* (*а*)*рендатель, арендаталь, рендовшикъ,* рубль – *рупь,* купец – *купечь,* богач – *богатина, богатей,* богачка – *богатка,* конкуренция – *конкуреница.*

3. Диалектные слова – синонимы лексических единиц литературного языка, словарные диалектизмы: *коштовать* – ´стоить, цениться´ [Д2:31], слово приводится в словаре со ссылкой на В. И. Даля, оно является дериватом от иноязычного заимствования *кошт* – ´иждивение, содержание, расход, издержка´ [Даль2:469, КС:63], этимологически восходит к ср.-в.-нем. kost(e) [ТСИС:365]. Изменение звучания слова произошло, видимо, под влиянием

языка-посредника – польского. Как диалектные синонимы слов литературного языка выступают также *голиза* – 'деньги, богатство, состояние' [Д1:69], *тыркасъ* – 'торгаш, перекупщик, барышник' [Д4:55], образовано от *тырыкать* 'пустословить, пустобаять, врать' [Даль4:885], *тигосить* – 'вытягивать деньги, вымогать с кого взятку' [Д4:45] и др.

4. Семантические диалектизмы: *бросокъ* – в литературном языке это отглагольное существительное означает действие по значению глагола *бросать*. В диалектной речи слово приобрело значение 'бесценок, почти даром' [Д1:28], ср.: *бросовой, бросковый* – 'дрянной, негодный', *бросовщина, бросъ* – 'дрянь, выкинутая, негодная вещь, брак' [Даль1:319-320]. Появление в диалектной речи специальных значений у существительных, образованных от литературных глаголов неоднократно фиксируется в словаре: *затягъ* – 'недоимка, долг от несвоевременного платежа' [Д1:131], семантика слова мотивирована, по-видимому, одним из значений глагола *затягивать* – 'волочить, проволакивать дело, медлить, длить' [Даль1:635], *заворотъ* – 'торговый оборот' [Д1:113], *наметъ* – 'прибавочное, прибавка к счету, особенно при продаже рябчиков, беличьих шкурок и. т. п.' [Д2:77], *утухъ, торговать на утухъ* – 'когда уже нет надежды продать выгодно, спускать товар хотя бы по своей цене' [Д4:67].

Лексемы, помещенные Дилакторским в словаре, отражают в основном бытовые понятия сферы торгово-денежных отношений, это объясняется задачами, которые поставил автор, создавая описание «вологодского наречия в его бытовом и этнографическом применении». Можно выделить следующие тематические группы:

1. Лексика торговых отношений. Самую многочисленную подгруппу составляют названия торговых людей, в качестве доминирующего признака в наименованиях выделяются: отрицательная оценка недобросовестного торговца, обманывающего покупателей – *аршинникъ, живодёръ;* мелочный характер торговли – *безниковцы, вязниковцы, мотрошникъ;* может подчеркиваться разъездной характер торговли или наоборот дается указание на торговлю в лавке – *полавоцникъ (полавочникъ, полавошникъ), торгованъ;* характер продаваемого товара – *прасолы* – перекупщики рыбы, *кутузникъ* – продавец подушек, на которых плетут кружева, *нитошница* – продавщица ниток, *симянница* – продавщица семян. Отдельную подгруппу составляют лексемы, характеризующие качество товаров, в их семантической структуре значимыми оказываются коннотативные семы, выражающие отрицательную оценку: *забракъ, недомêрокъ, негодъ* – 'бракованный, некачественный товар', *базаршина (базарщина)* – 'вещь сделанная не по заказу, а на продажу, поэтому сделанная на скорую руку, непрочная', *«Ты сапоги-то лучше закажи, а базарщины не покупай, ведь дешево, да гнило!»* [Д1:8]. Глаголы, которые можно отнести к этой группе характеризуют в основном процесс совершения купли-продажи: 'продавать, покупать, договариваться' – *заводить, запродать, ря-*

дить, рядиться, 'просить за что дорого' – *дорожить, заломить, спурить;* 'обмануть, сплутовать при сделке' – *обмаклачить,* 'прицениваться' – *пришатываться.*

2. Лексика имущественных отношений. Лексические единицы этой группы определяют отношение лица к материальным ценностям по признаку 'свое-чужое'. С одной стороны, это лексемы, обозначающие отношение к чужой собственности: *ренда, кортома* – 'временное пользование недвижимым имением', 'плата за пользование этим имением', с другой, – обозначение своей собственности: *собина, собинка* – 'своя собственная часть каждого в имуществе, что по праву собственности принадлежит' [Д4:21]. Как отмечает К. П. Смолина, это слово встречается в письменных памятниках начиная с XIV-XV вв. Его значение она определяет как более общее: 'совокупность материальных ценностей, имущество, собственность как личное достояние кого-чего-л.', указывая при этом на контекстную конкретизацию семантики лексемы: 'движимое имущество' [7:87]. Партитивное значение 'часть имущества' в семантической структуре слова другими словарями не фиксируется. Целый ряд лексем, зафиксированных в словаре, объединяют инвариантные семы 'состояние', 'богатство', 'имущество': *голиза, естё, животы, жирова, заведенiе, пожитки, прожитки, иминье, кишка.*

3. Лексика, выражающая отношения работник – работодатель. В основном эта группа включает в себя глаголы со значением 'нанять на работу', 'наняться на работу': *порядиться, наймовать, наймоваться, наймать.* Существительные этой тематической группы обозначают наемных работников, причем дифференциальной семой выступает зачастую срок найма: *вселѣтникъ, вселѣтница, однолѣтокъ, полѣтокъ, полѣтчикъ, казакъ (козак), казачиха (казациха),* – работник (работница), нанятый только на лето, а не на целый год, *поденщикъ* – работник, получающий плату по дням, *полулѣтникъ* – нанятый на пол-лета, *срочникъ (строшникъ), срочница (строшница)* – нанятый до определенного срока. Два существительных называют также лиц по роду выполняемой ими работы: *каютникъ* – 'бурлак, судорабочий' (Д2:15); *солоносы* – 'рабочие на солеваренном заводе, носящие в мешках соль с завода в магазины' (Д4:23).

4. Лексика денежных отношений. В эту довольно пеструю группу можно отнести обозначения цены и стоимости товаров и услуг. Весьма примечательно, что эту подгруппу целиком составляют слова со значением 'даром, бесплатно': *бросокъ, дарма, задарма, задаромъ, охалшинка, лаховщина, нашарамыгу, налылахъ, налылы.* В словаре находим диалектные и просторечные названия денежных единиц: *двоегривенникъ; десятка; пятишина; рупь (рупъ); серебрушка* – любая серебряная монета; *трешникъ; купила (купило), чемезина* – обозначение денег в целом; *черемиза* – мелкая медная монета; *четвертная; чистые* – наличные. Ряд лексем обозначает противоположные понятия: 'трата, издержки, убытки', 'тратить, терпеть убытки' – *дёржъ, прожитокъ, проторъ, изъянъ, изхарчиться, узубыточить* и 'выгода, прибыль,

барыш' – *корысть (корысь), лафа, начетисто, нажива, магарычъ*. Большую группу слов можно объединить значением 'денежные суммы или иные материальные ценности, взимаемые с лица', взимать (давать) с кого-л. (кому-л.) деньги или иные материальные ценности': взятка, взяточничество – *сдернуть, тигосить, вымарщивать* брать, вымогать взятку, *помазать* дать взятку, *калымщикъ* взяточник, *калымъ* взятка; поборы, производимые духовенством, – *душевные, осенина*; плата за что-л. – *могарецъ* плата за работу, за труд, *тепловое* 'плата, взимаемая с проезжающих на постоялых дворах и харчевнях за квартиру'[Д4:44]; проценты, прибавка к стоимости – *накладъ, надметъ (наметъ), свершонки, накупку*. Примыкают к этой подгруппе слова, обозначающие расчет по долговым обязательствам – *выворотить* 'высчитать, удержать долг' [Д1:57]; *заёмщина* заем; *затягъ* 'недоимка, долг от несвоевременного платежа' [Д1:131]; *платиться* платить долг; *квитъ, ссудить* 'давать что-л. бедному взаймы без процентов' [Д4:28].

Таким образом, лексические единицы, выражающие понятия экономической области деятельности, представляют собой в словаре П. А. Дилакторского достаточно многочисленную группу (мы отнесли сюда более 150 лексем), что свидетельствует о важности и значимости той сферы деятельности, которую мы определили как сферу торгово-финансовых отношений. Слова данной лексико-семантической группы разнообразны по своей тематической принадлежности (деление на четыре тематические группы представляется довольно условным), стилистически и этимологически неоднородны. В большинстве своем они представляют собой либо семантические диалектизмы, либо дериваты слов литературного языка.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Изд. 4-е, испр. и доп. под ред. проф. И. А. Бодуэна-де-Куртенэ, т. 1-4. СПб.- М., 1911-1912.
2. (Мих.) Михельсон. 30000 иностранных слов, вошедших в употребление в русском языке. М., 1865.
3. (НПСИС) Новый полный словарь иностранных слов, вошедших в русский язык с указанием происхождения их, ударений, отраслей знания и с расширенной энциклопедической частью / Под ред. И. А. Бодуэна де Куртене. М., 1911.
4. (КС) Сенигов И. П. Коммерческий словарь. СПб., 1898.
5. (СРЯ) Словарь русского языка: составлен вторым отделением Имп. академии наук; Акад. наук СССР. СПб.-Л., 1895-1930.
6. (СЦРЯ) Словарь церковнославянского и русского языка, составленный вторым отделением Императорской академии наук. Книга 1. СПб., 2001.
7. Смолина К. П. Лексика имущественной сферы в русском языке XI-XVII вв. – М., 1990.
8. (ТСИС) Толковый словарь иноязычных слов. – М., 2003.

Е. Н. Шаброва

Отражение языковой картины мира севернорусского крестьянина в лексике и фразеологии народной медицины

Лексика и фразеология народной медицины – уникальный материал для характеристики языковой карины мира жителей Русского Севера. С одной стороны, здесь консервируются древнейшие славянские представления о сущности болезни, средствах и способах её лечения или профилактики. Эти представления имеют межнациональный характер и реализуются в типовых синтаксических конструкциях (например, неопределенно-личных, предполагающих чей-то злой умысел: *избережáли, изурóчили, насажáли кил, обáяли, обурóчили, оговорúли, озéпали, озычáли, оприкóсили, опризóрили* и др.) или общих моделях образования названий болезни (например, отглагольные имена: *пéкатá, пякóтка, печая'* ‘изжога’ [СБГ, 3: 478; 512])[1]. С другой стороны, эти древнейшие представления особым образом конкретизируются на севернорусском материале, в чём убеждает анализ лексики диалектных словарей и обращение к выводам уже существующих диалектологических исследований по народной медицине [Меркулова, 1969; 1972; 1976]; Ганцовская, Лебедева, Никулина, 1994; Проценко, 2001 и др.]. Различия наблюдаются в лексическом составе названий болезней, действий, сопровождающих их течение, в характеристике средств и способов лечения, а также в некоторых других аспектах. В соответствии с этим в данной статье исследуется лексика и фразеология народной медицины говоров, представленных на территории современной Вологодской области. Источниками фактического материала служат два диалектных словаря начала XX века: «Словарь областного вологодского наречия» П. А. Дилакторского» (1903) и «Словарь Череповецкого уездного говора» М. К. Герасимова (1910); для сопоставления используются данные «Словаря вологодских говоров» (картотека формировалась во второй половине XX века) и собственных экспедиционных наблюдений автора работы (Сямженский, Кирилловский, Вологодский районы, 1997 – 2002 гг; программа ЛАРНГ «Народная медицина», сост. Т. И. Вендина, Н. С. Ганцовская). Далее приводится общерусский лексический материал и на фоне этого материала харак-

[1] По наблюдениям В. А. Меркуловой [1976: 255 – 257], в севернорусских говорах редко фиксируются названия изжоги. Диалектные слова с этим значением (*Жóга – южные говоры (курск., орл., брянск.); говоры украинского и белорусского языков; ожóга, пекóтка – псковские говоры; говоры белорусского языка; печáя (брянск.); изгáга – яросл. (прасл. Jьzgaga «изжога» < žegti< gag<gōg* [Фасмер, 2: 67; 121; Варбот, 1969: 39, 59, 60]) в исследуемых говорах отсутствуют. Вместе с тем в словаре М. К. Герасимова фиксируется слово *згáча* ‘рвота’ [СЧГ: 41], возможно, родственное ярославскому *изгага*.

теризуются слова и выражения, извлечённые из исследуемых нами источников (выделены в общем перечне примеров жирным курсивом).

В русских говорах зафиксированы следующие общие названия болезни: ***боль***, *бо́ля*, ***боле́знь***, *боле́зня*, ***бо́ле́сть***, ***болето́к***, *лихо́тка*, *ля́да*, *ляди́на*, *ско́мля*, *скомле́ние*, ***хворь***, *хво́рость*, *хворо́ба*, ***хирь***, *хи́ря*, *хире́тье*, ***хиль***, *хи́лина*, *хи́жа*, *хлу́да*, *скуда́*, *скорбь*, *скорбота*, ***не́мочь***, ***немогута́***, ***неду́г***, *неду́га*, ***неду́жина***, ***нездоро́вье***, *труд* и др. Вологодские источники фиксируют также слова ***хворостьба́*** (кадн.) [Дил., 4: 72 (об.)] и ***худоба́*** (повс.) [Дил, 4: 78]. Большинство этих существительных образовано от глаголов с соответствующим значением: *болеть – болезнь; скомлить – скомля, скомленье; скудать – скуда, скорбеть – скорбь, скорбота, хворать – хворь, хворость, хвороба; хилеть – хиль, хилина; хиреть – хирь, хиря, хиретье* и др. Кроме того, отмечены приставочные образования, построенные по контрастному принципу: сила – отсутствие силы (*мочь – немочь, могута – немогута, здоровье – нездоровье, *дуг* 'сила' (ср.: *дюжий*) – *недуг*). Среди общих названий болезни отмечаются общеславянские образования (*болезнь, недуг*), восточнославянские (*хирь*) и собственно русские (*хиль*) [там же: 162]. Из местных названий привлекает внимание слово *хворостьба́*, в структуре которого соединяются два близких по значению суффикса с абстрактным предметным значением (ср.: *хво́рость, хворь*).

Симптоматика различных заболеваний обозначается в русском языке устойчивыми синтаксическими структурами: а) наименованием больного органа как вместилища болезни (*зуб ноет, горло болит*), б) безличными конструкциями с употреблением различных глаголов физического действия (*сердце колет, поясницу разломило*), в) неопределённо-личными конструкциями, когда причиной заболевания предполагается чей-то злой умысел (*оговорили, изурочили*). Как отмечает В. А. Меркулова [1969: 158], эти структуры, глубоко архаичные и связанные с древнейшей демонологической сферой, сохраняют устойчивость и в современных русских говорах. Исследуемые нами источники также содержат большое количество примеров каждой из перечисленных структур (*глота́ло болит* 'этим сочетанием объясняют все болезни горла и зева' [СЧГ: 33], *лицо и утроба сбыло* 'говорят при водяночном отёке' [СЧГ: 52], *глаза распахнулись* 'о болезни глаз' [СЧГ: 78], *обурочили* (*«Бывает, когда лицемерно, с заднею мыслию похвалят или зло, сердито посмотрят на человека или на животное, больной лишается аппетита, делается скучным, невесёлым и худеет с тела. Его обурочили»* [Дил., 3: 2])), причём наиболее употребительными и разнообразными оказываются безличные конструкции: *бушит в голове́* 'о состоянии головокружения' [СЧГ: 23], *вздо́хи затесни́ло* 'о затруднении дыхания' [СЧГ: 29] *волочёт в дво́йку* 'объяснение болезненного состояния, при котором можно лежать, только согнувши ноги в коленах и прижав их к животу' [СЧГ: 30] *гря́зи захвати́ло* 'остановка послеродовых очищений' [СЧГ: 32], *ко́жу отсоча́ет* 'при лихорадке, ознобе ощущение, как будто кожу на теле отдирает' [СЧГ: 48], *мули́т на животе́* 'вертит,

перебирает' [СЧГ,: 56], *на отсáд садúт гóлову* 'определение острой степени головной боли' [СЧГ: 60], *смя́гнуть, насмя́гло* 'о неприятном ощущении во рту во время болезни' [СЧГ: 80], *стрóжет в глазý* 'об ощущении боли при образовании язвы роговой оболочки' [СЧГ: 83], *тýском заволоклó глазá* 'о потере зрения' [СЧГ: 86], *трóщит* 'ноет, дергает' [СЧГ: 87] и др.

В русских говорах, по наблюдениям В. А. Меркуловой [1969: 159], содержится более четырёхсот различных наименований болезни. На основании их семантической близости исследователь выделяет несколько лексических групп. В соответствии с этой классификацией далее будут рассмотрены некоторые из них, на наш взгляд, наиболее значимые для языкового сознания севернорусского крестьянина.

1. Повальная болезнь, эпидемия, именуется в русских говорах следующими словами: ***мор***, *помóр, пáмжа, пáмха, пóмха, пóшесть, пошáва, пошóва, пошáтка,* ***повéтрие***, *напáсть, припáдок* и др [Меркулова, 1969: 159]. В исследуемых нами источниках зафиксированы также *повéтерье* (сольв.) [Дил., 3: 51] (сямж.) КСВГ, *пошоýра* (влгд.) [Дил., 3: 78], *перебирýха* (сок.) КСВГ, *повертýшка, повертýха* (влгд.) КСВГ, *летýха* (влгд), *летýчка* (влгд) КСВГ. Большинство этих слов образовано от глаголов со значением движения (*летéть – летýха, летýчка, перебирáть – перебирýха, пошáвать – пошáва, пошоýра*(?)); к этой группе примыкют слова с корнем *-ветер-//-ветр-* (*повéтрие, поветéрье*), так как ветер (движение воздуха), по поверью, может принести заболевание. Интересны образования *повертýха* и *повертýшка*: здесь могут быть обнаружены формально-семантические связи как с глаголом движения *вертéть*, так и с существительным *вéтер*: «*Веснóй повертýшка былá. Повертýшка? Я отболéла, к тебé перешлó, другóй кто заболéет – всех перевéрнет*» (Влгд. Сяма); «*Повертýха что повúтерье – вúтер, знáчит, зарáзу какý нóсит*» (Сямж. Монаст.) [КСВГ]. М. К. Герасимов отмечает, что повальное распространение болезни называется ещё глаголом *рассеверúлась* [СЧГ: 76], внутренняя форма которого (*распространилась по всему Северу*) актуальна для языкового сознания севернорусского человека. Для прекращения повальной болезни, по свидетельству М. К. Герасимова, использовался ряд целительских манипуляций: *держáть топóр в загнётке* 'предохранительное средство при эпидемии' [СЧГ: 87], *навéшивание замкá на двернýю скóбку* 'для ограждения от эпидемии оспы' [СЧГ: 60], *вытирáние огня́* 'для прекращения повальной болезни достают «живой огонь» трением бревна о бревно' [СЧГ: 30], *перескáкивать и перетáскивать через огóнь* 'во время эпидемий больных перетаскивают через «живой огонь», а здоровые перескакивают сами' [СЧГ: 73], *протáскивать сквозь дуплó дéрева или ступéни сквознóй лéстницы* [СЧГ: 73]. Эти манипуляции отражают древнейшие мифологические представления о защитной функции «живого» огня и священных деревьев [Слав. Миф.: 159; 285]

2. Богатым лексическим материалом представлены названия болезней, недомоганий и травм, возникающих в результате злого умысла: *нарóк,* ***урóк,***

*сглáз, **оговóр**, озéв, **озéп**, **óзык**, **призóр**, **прикóс**, **притка**, притóк, прúтча, прихóд, **пóрча*** и др. В наших источниках отмечены также *повреда* (сольв.) [Дил., 3: 51 (об.)], *доспéшка* [СЧГ: 35], *поглýм* [СЧГ: 66], *призóр* [СЧГ: 72], *трáта* [СЧГ: 88], *напýщенная зя'бель* [СЧГ: 58]. Многие из этих отглагольных имен отражают древнейшие представления о магическом воздействии слова, взгляда или прикосновения: *озы'кать, озычáть – óзык, призóрить, опризóрить – призóр, прикóсить, оприкóсить – прикóс*. Механизм воздействия на человека в результате таких действий подробно описывается источниками: «*Бывает, когда лицемерно, с заднею мыслию похвалят или зло, сердито посмотрят на человека или на животное, больной лишается аппетита, делается скучным, невесёлым и худеет с тела. Его обурочили*» [Дил., 3: 2]; «*Когдá худóй человéк идёт, дак ты старойсь, а то прикóс мóжет быть. Это как если он до тебя' чем доткнётся, дак оприкóсит, болéть потóм бýдешь*» (Влгд. Сяма) КСВГ; «*Озычáли меня' бáбы. На собрáнье в Ферапóнтово шла, плáтье надéла, что Пáвлик купúл, а бáбы вон у Клáшиного дóма сидéли: Петрóвна, Некрáсиха, да Клáша самá, мнóго. Я не остановúлась, нéкогда бы'ло, только поздорóвалась, а идý потóм, смотрю' – и нóги не идýт! Чегó такóе сдéлалось? Попошлá – а всё хýже и хýже. Встáла постоя'ть у забóра, а тут и Лéбедева меня' догоня'ет. –Ты чегó, Ню'рушка, стойшь-то? – А вся не могý! Онá мне и говорúт: – Шла, дак вúдела когó? – А бáбы нáши попáли. – Поди, и Некрáсиха былá? – Былá. – Дак тебя', мáтушка, озычáли! Ну, идú да не оборáчивайся! Пошлá я, а онá сзáди идёт, шёпчет, а потóм говорúт: «Обернúсь-ко, дéва!» – да и пры'снула мне водóй изо рта. С меня' как чегó спáло, и нóги пошлú. А Лéбедева мне потóм и сказáла: «Носú, Ню'ра, булаáвку железную: нарóду худóго мнóго, а ты всё на лю'дях – как бы чегó не сдéлалось». Дак я старýха, а булáвку с той поры' ношý*» (Кир. Борб.) КСВГ. Большинство названий связано с глаголами физического действия, последствия которого могут быть вредоносными: *повредúть – поврéда, прикóсить – прикóс, доспéться – доспéшка, поглумúться – поглýм*: «*Доспешка. Болезни, наступившие внезапно, а также травматические повреждения. Все эти случаи приписываются действию «нечистой силы». Вдруг человек сломал или подвихнул ногу – говорят: «Это доспешка, не лечи, а поезжай к знахарям». Или сразу отнялась поясница, например, при ревматизме поясничных мышц, – окружающие решают, что это ему «доспелось», а в уме про себя прибавляют «от нечистого*» [СЧГ: 35]. При этом причина появления болезни конкретизируется по-разному. Так, например, *вередúть* [Дил., 1: 39; КСВГ] или *урóчить* [Дил., 2: 5; КСВГ] обозначают достаточно широкий диапазон действий («*Урóчат-то как? А вся'ко урóчат. Шёпчут чегó, или поглядя'т не в путь, а бывáло, что и под порóг сóли насы'плют*». Кир. Борб. [КСВГ]. «*Какúе-то лю'ди нехорóшие, как поглядя'т, дак срáзу и обурóчат*». Баб. Скочк. [СВГ, 6: 12]. Другие глаголы называют более конкретные действия: *избережáть* 'вынудить преждевременно родить детёныша, ожеребиться' [СВГ, 3: 6], *извережáть* 'повредить, изувечить' [Дил., 2: 2], *озы'кать,*

озыча́ть 'навести порчу наговором' [Дил., 3: 14] (*Чё сказа́л-то? Глу́пый, сплю'нь, а то озыча́ешь!* Влгд. Пер. [СВГ, 6: 39]), *оприко́сить* 'навести порчу прикосновением' [СВГ, 6: 66] (*«Прико́лки-те носи́: взду́мает кто оприко́сить, дак если прико́лка-то на тебе́ е́сятко, его́ как всё равно что кольнёт. Вот и замеча́й, кто худо́й-от челове́к».* Кир. Борб.), *призо́рить, опризо́рить* 'навести порчу взглядом' [СЧГ: 72] (*«У Олёхи Жука́ глаза́-ти чёрные, дак боя'лись его́: не дай Бог опризо́рит кого́»*). Следует заметить, что в значении «навести (наводить) порчу» чаще используются глаголы речевого воздействия: *озы'кать, озыча́ть, уро́чить, обуро́чить* (ср. также: *обба́ять, оговори́ть, озе́пать* [Меркулова, 1969: 159]. Это свидетельствует о том, что в представлениях о магических действиях, служащих причиной болезней, наиболее сильным представлялось воздействие словом.

3. Особую группу составляют наименования различных болезней, сопровождающихся изменениями кожного покрова. Как отмечает В. А. Меркулова [1969: 159 – 160], эта группа довольно многочисленна в русских говорах. Во-первых она включает в себя народные названия кожных заболеваний (*зуд, чесота,* ***чёс, чесо́тка, очёс, почесу́ха, почесу́ля, почесу́лька, почесу́ня, почесу́нька, нуд, нуди́ще***, *нуда,* ***свербёжь, своро́б, своро́бь, своробо́к, своро́бость, коро́ста***, *парх, парша,* ***парши́***, *лих,* ***лиша́й, хру́ны, струп***, *щолуди, облива, воронья лапа, курченьга,* ***лемена́***, *нечисть* и др.). Во многих из них актуализирован признак кожной болезни, вызывающей сильный зуд: это отглагольные образования с корнями *-чес-* (ср.: *чесать* 'скрести для облегчения зуда' [СРЯ, 4: 671]) и *-сверб- // -свороб-* (ср.: *свербеть* 'саднить, зудеть' [СРЯ, 4: 40]). Среди наименований сухих поверхностей на заживающей коже (*коро́ста, струп, хру́на*) особый интерес вызывает слово *хру́на*, употребляемое в данном значении только в северо-восточных говорах (влгд., яросл., вятск.). Сопоставление этого слова с южнорусскими *хру́ни, хру́ны, хруньё* 'тряпки, лохмотья, рваньё', *хри́да* 'человек грязный, мокрый', *хры'стать* 'скоблить' и с диалектными образованиями других славянских языков (укр. *риня'вий* 'струпистый, шелудивый', серб. **xrudъ* 'изогнутый' и др.) позволяет В. А. Меркуловой связать образование этого слова с праславянским **xryditi* 'скоблить' и другими словами с корнем **(s)ker, *(s)kerē* 'резать', а также выявить в севернорусских и южнорусских говорах два самостоятельных варианта развития семантики слова *хру́на*: 'драть, рвать' → а) 'рваньё, тряпки' (юж.); б) 'короста, болячка' (сев.) [Меркулова, 1972: 193 – 195].

К данной группе слов примыкают наименования различных образований на коже. 'Чирей, нарыв, прыщ': *болято́к, боля'чка* [Дил., 1: 24, СЧГ: 21], *ве́ред* [Дил., 1: 39], *вздро́чиш* [Дил.,1: 43 (об.)], *гноева́тик, гнойни́к, гно́ище* [Дил., 1: 66; КСВГ], *ка́мчуг* [Дил., 2: 11(об.)], *коро́стинка, пупырёк* [Дил., 2: 28], *пупы'ш, пупышо́к, пупы'рь* [Дил., 3: 95 (об.)], *типу́н* [Дил., 4: 46], *чи́рей* [Дил., 4: 86], *ки́лы* (каменные, кожаные, годовалые) [СЧГ: 45; СВГ, 3: 55], *недý́жницы, нату́жницы* [СЧГ: 58], *ночни́к, ночно́й щипо́к* (водяной прыщ, появляющийся ночью) [СЧГ: 59]. 'Опухоль': *волды'рь* [Дил., 1: 49], *ворогу́ша*

[Дил., 1: 51], *желвák, желвь, жолвь, желнó* [Дил., 1: 102 (об.)], *óтёк* [Дил., 3: 25 (об.)], *болонó* [СЧГ: 21], *могúльная кóсточка* ‘опухоль на суставе’ [СЧГ: 56], *болонá* [СВГ, 1: 36], *балды'рь, булды'рь, булы'шка* [СВГ, 1: 20; КСВГ], *боркунéц* [СВГ, 1: 39], *вал, валюгá, вахлы'ш* [СВГ, 1: 54; 55; 58]; *песья'к* ‘опухоль на глазу’ [повс.]. ‘<u>Синяк</u>’: *синевúца* [КСВГ]. ‘<u>Бородавка</u>’: *бородáшка, бородáвица* [КСВГ]. В образовании этих названий актуализируются болезненное состояние человека (*болятóк, боля'чка, недýжница*), причина появления образований (*ночой щипóк, натýжница, вздрóчиш* – ср.: *дрóчúть* ‘ласкать прикосновением, гладить’ [СВГ, 2: 59]), время их появления (*ночнúк*), цвет (*синевúца*), наличие отделяемого (*гнойнúк, гноевáтик, гнойще;* см. также: *волды'рь* [Ф., 1: 338; КрЭС: 89]), форма (*пупы'ш, пупышóк, пупы'рь, пупырёк* – ср.: *пуп*; *боркунéц* – ср.: *боркунéц* ‘шарообразный колокольчик’ [СВГ,1: 39]; см. также: *булы'шка* – ср.: польск. *bula* ‘шишка’, лат. *Bulla* ‘пузырь, почка’ [Ф., 1: 238 – 239; КрЭС, 62], *желвák, желвь, желнó, жолвь* – ср.: словен. *Želva* ‘железа’, латыш. *Dzelva* ‘припухлость на коже’ [Ф, 2: 41]), а также совокупность нескольких признаков (*болóнь, болонá, болонó* – ср.: *болóнь, болонá, болонó* ‘1) верхний, молодой, неотвердевший слой древесины под корой дерева; 2) твердая белая плева на мясе’ [СВГ, 1: 37]). В эту группу входит также слово *кúла* (ср.: *килá* (прост.) ‘выхождение (преимущественно из брюшной полости) под кожу какого-либо внутреннего органа, грыжа’ [СРЯ, 2: 48]). В вологодских говорах этим словом именуются различные воспалительные опухоли и нарывы на различных частях тела, по суеверным представлениям, появляющиеся в результате чьего-либо злого умысла: «*Возле úхнего дóма нéпошто болтáться. Кил насажáют, дак и мýчайся потóм! Пошёпчет Некрáсиха, дак, поди, кúл-то и насáдит*». Кир. Борб. «*Мне Офóнька, я ещё в шкóле учúлась, расскáзывал: «Мы у Дю'ни Плáхинской рéпу таскáли, дак онá услы'шала, вы'шла на крыльцó и говорúт: «Вот щас кúл-от насажáю!» Мы бежáть. А ýтром смотрю' – всю щёку разнеслó! Дак не знáю, что и дéлать. Побежáл на Плáхино, ревлю': «Бáба Дю'ня, это я вчерá рéпу таскáл!» Онá посмотрéла на меня'. «Хорошó, – говорúт, – что сказáлся. Идú домóй, помáжь хорошéнько, и всё пройдёт*». Кир. Борб.

Особые целительские манипуляции совершались при лечении *вóлоса*. Этим словом именовались «*свищи, холодные нарывы, костоеда* (разрушение костной ткани – Е. Ш.) *с сильным отделением гноя, где и предполагались животные, едва видимые глазом, в форме волоса*» [СЧГ: 26]. Причинами появления волоса считались как неблагоприятные воздействия внешней среды при общем ослаблении организма («*Болезнь лошадей, когда она долго стоит в грязи и назьму, то в ноги её приникают червяки, имеющие вид волоса*» [Дил., 1: 5], так и насылание порчи («*Знаткú вся'ко рáзное знáли. Если с нúми не по-хорóшему, дак кил насажáют или вóлос пýстят, и мýчайся потóм*». Кир. Борб.). Лечение этой болезни осуществлялось следующим образом: «*Волос гнать* «*способ знахарей: при костоеде, свищах опускают больную руку или ногу в ведро с теплым щелоком, укрывают, и волос идёт*» [СЧГ: 30]; «*Вóлос-*

от у меня' у Колю'шки был, дак Лебедева научи́ла: «Ты, говори́т, щёлоку наделай в таз, и пусть сиди́т, во́лос-то и вы'йдет». Я наделала сама́, а, ви́дно, во́лос-от кре́пкой, не выхо́дит. Дак я сно́ва к ей: «Алекса́ндра Тимофе́евна, во́лос-от не прохо́дит!» Дак она́ сама́ пришла́, чего́-то пошепта́ла, прошло́. А как во́лос-от убра́лся, я и не вида́ла: ви́дно, но́чью вы'шел». Кир. Борб. Зооморфные представления о болезни [Слав. миф.: 105; 250] отразились и в других целительских манипуляциях, например, *коло́ть жа́бку* 'способ лечения воспаления языка, при котором снаружи к горлу прикасаются гвоздем, веретном или прутиком с особым заговором' [СЧГ: 49] и др.

Вторую важную часть данной группы названий составляют наименования эпидемических заболеваний, при которых присходит изменение кожного покрова (***о́спа, во́спа, во́спица, сыпь****, сыпня, высыпка, осыпи, бабуха, бабушка, лапуха, лаптуха, ципуха,* ***ве́треница, ветря'нка, лету́чий ого́нь****, гвоздуха, гвоздюха,* ***корь, кори́ха, корю'ха, корю'шка, красну́ха****, красуха,* ***золоту́ха****, черемнуха, чаревника, огника, знатьба, гостья* и др.). Среди них выделяются существительные с древним корнем **-su- // -sър-*: *во́спа, во́спица* «оспа» [Дил., 1: 51, повс], *во́спина, во́спинка, вы'сыпь, о́сыпь, сыпня', сыпу́ха, сыпу́шка, сыпь* «щербинка на теле, оспина» [СЧГ: 73; КСВГ]. Все эти названия связаны с глаголом *сыпать* (**suti*, **sypati*) [Варбот, 1969: 40-41] и обнаруживают соотвествия в других славянских языках (блр. *сып* 'сыпь', болг. *оспа* 'сыпь', польск. *ospa* 'корь' и др. [Меркулова, 1972: 145 – 147]. На фоне этих образований обособляются наименования с корнем-*шадр-*: *шадра́, шадри́на, шадри́нка* 'оспина' [Дил., 4: 90]. Слова с этим корнем фиксируются КСРНГ в севернорусских (арх., вят., перм., олон., влгд. и др.) и некоторых среднерусских говорах (яросл., новг., пск.). В этимологических источниках слова с этим корнем часто рассматриваются как заимствования из тюркских языков [Ф., 4: 394], где *шадра* означает 'рябой, пёстрый'. Подобные цветовые параллели обнаруживаются и в других названиях следов оспы: *цвет* [СЧГ: 93], *пе́жина* [КСВГ] – ср.: *пегий* 'с большими пятнами, крапинами (о масти животного)' [СРЯ, 3: 37].

В словаре М. К. Герасимова описываются различные манипуляции, направленные против заболеваний с изменениями кожного покрова: *ношение на шее мишурного ожерелья при золотухе* [СЧГ: 60], *натираться ситом при чесотке* [СЧГ: 61], *обтирание тела росой на улице* при чесотке, *обводить углём* лишай, чтобы не распространялся, *прокалывать ушные мочки* при золотухе [СЧГ: 74], *присекать огнём* при коросте на губах высекать над лицом искры из кремня огнивом [СЧГ: 74], *перевязывание четверговой ниткой* 'перевязывать палец при лишаях ниткой, спряденной в Великий Четверг' [СЧГ: 74] и др.

4. Другую значительную по объему группу слов составляют наименования болезненных состояний, сопровождающихся жаром и ознобом, различного рода лихорадок: *богорадка, листопадка,* ***лихома́нка****, лихорадка, студенка,* ***трясца́, трясья', трясе́я, трясу́ха, трясу́чка, трясу́нья****, трясовица, усма,*

*холодуха, ходуша, мокрота, недра, низовая, оглухища, окоркуша, подруга, гнетучка, **гнетýха**, барыня, бедница, безбытница, безга, бельга, **осенýха**, веснуха, **вёшница**, **ворогýша**, **ворогýха**, дедюха, добруха, дрожжевуха, дрожалка, знобиха, кикимора, кума, **кумóха**, **комýха**, гладея, давея, злобея, знобея, лашея, леденея, невея, неядея, огнея, плясея, пухлея, резея, сухея, **кашлю'нья**.* К этой группе слов примыкают наименования различных болезненных состояний (*ломонúна* 'ломота' [КСВГ], *шат* 'головокружение' [СЧГ: 95; КСВГ]), *зноб, знобóтá, ознóбель* 'озноб' [КСВГ], *волокóта* 'судорога' [КСВГ]), *огневúца, огнёва, пáпа* [Дил., 3: 10; 35] 'горячка'), а также различного рода припадков: *бесна, битеца, **падýчая**, падучка, порча, портёж, **родúмец**, **родúмчик**, **родúмое**, родиманец, **своё время**, детинец, паровик, злокоманка, икота, **кликóта**, кликушество, мереченье, **исполóх**, **переполóх**, **спóлох*** [Дил., 3: 42; 4: 27], ***óзык**, **чёрный недýг*** [Дил., 4: 84], ***смирéнец**, **смирéнчик**, **тúхонькой*** [СЧГ, 79; 86], ***напýщенная зя'бель*** [СЧГ: 58] и др. В вологодских источниках в основном встретились производные существительные, внутренняя форма которых отражает симптоматику заболевания (*трясéя, трясýха, ломотá, шат, знобóтá* и др.), время его проявления (*осенýха, вёшница*), враждебность по отношению к человеку (*ворогýша, ворогýха, óзык, чёрный недýг*). Кроме того, встретились существительные с метафорической мотивацией (*огневúца, огнёва*) и названия-эффемизмы (*кумóха, комýха, родúмое, своё, смирéнчик, тúхонькой*). Исследуемые источники содержат описание ряда целительских манипуляций, направленных на излечение лихорадочных состояний и припадков: *вбивание колышка в стенку* 'способ обрывания болезни: если ребенок страдает нервными припадками (пляска св. Витта), то измеряют ему рост и отмеряют вышину на стенка колышком, и как только перерастёт отмеченное, то припадки прекратятся' [СЧГ: 30], *окачивать с камешков* при лихорадке [СЧГ: 65], *питье воды с иконы св. Тихона, просфоровой печати и ласточкиных гнезд* – при родимце, «тихоньком» [СЧГ: 74] и др.

5. В особую группу могут быть сочетания слов, относящиеся к различным заболеваниям брюшной полости: *пуп скря'тан* (*сóрван, рассы'пался, пришóс к спинé*) [СЧГ: 73]. М. К. Герасимов по этому поводу замечает: «*Согласно мнению, что человек «на пупу оснван», это основание чаще всего и подвергается заболеваниям*» [СЧГ: 73] – и далее перечисляет несколько целительских манипуляций, которые, по суеверным представлениям, позволяют привести пуп в нормальное состояние: «*Горшок накидывать на пуп.* При болезнях живота горшок приставляется наподобие сухой банки, и живот до того втягивается в горшок, что его не отнять руками, а приходится разбивать; на животе надолго остается тёмно-багровый круг» [СЧГ: 33]. «*Завёртывать пуп палкой.* При болезнях живота положенную на пуп палочку вращают кругом и этим якобы укрепляют пуп» [СЧГ: 42] и др.

6. В названиях других болезней и болезненных состояний отразились названия поражённого болезнью органа (*горля'нка, горлоýша* 'скралатина, диф-

терит' [СЧГ: 31], *мáтошник* 'различные женские болезни' [СЧГ: 56], *черевýха, черéвня, церéво, черсýха, черсýня* 'понос' [Дил., 4: 83; СЧГ: 94; КСВГ] и др.), причины появления (*холодя'нка* 'чахотка' [СЧГ: 92], *порастýньки* 'детские недомогания, связанные с ростом' [СЧГ: 69], *полевóй опóр* 'ревматизм, внезапно появившийся при работе в поле' [СЧГ: 66], *опáр* 'опрелости у детей' [СЧГ: 65; КСВГ], *перелóм* 'болезнь глаз' [СЧГ: 67], *мучны'м мешкóм хлестнён* 'о сумасшедшем человеке' [КСВГ] и др.), время проявления (*полунóчница* 'бессонница' [СЧГ, 66], *мéсячный перелóм* 'ежемесячные выделения крови из матки женщины' [СЧГ: 57] и др.), особенности симптоматики (*залóга* 'задержание мочи' [СЧГ: 41], *костолóмка* 'сифилис' [КСВГ], *кровя'тина* 'дизентерия' [КСВГ], *натýга, понатýга, скреплéнье* 'запор' [КСВГ], *неспя'чка, неспúха* 'бессонница' [КСВГ], *скрипýн* 'воспаление сухожилий и суставных сумок на руках и ногах' [СЧГ, 80] и др.), эвфемистически отрицательная оценка болезни ('сифилис': *худáя боль* [СЧГ: 92], *нéчисть* [КСВГ]). Памятники начала XX века описывают множество манипуляций целителя, направленных против этих болезней: *в пару протиранье* 'знахарское лечение, растирание больного в бане' [СЧГ: 30], *вылизывание языком* 'знахарская манипуляция: доставание инородного тела, например, соринки, из глаз языком' [СЧГ: 30], *ломать глаз* 'при глазных болезнях через закрытое веко растирают (массируют) глазное яблоко' [СЧГ: 54], *метать кровь баночную* 'приставлять кровососущие рожки или банки' [СЧГ: 57], *отворять кровь жильную* 'кровопускание из вен' [СЧГ: 65], *окуривать киноварью и травами* 'при сифилисе', *отдирать кожу от черепа* 'захватывать пальцами клок волос, подтягивать кверху при головной боли' [СЧГ: 65], *прощаться с местом* 'при некоторых болезнях нужно припомнить место, где заблел, и сходить проститься с ниим' [СЧГ: 73], *рубить поясницу топором* 'кладут больного на порог дверей и машут топором над обнажённой поясницей с приговорами приревматизме спины' [СЧГ: 78], *сидеть на парах* 'в кадушку с водой опускают горячие каменья, и больной, укрываясь, садится на неё' [СЧГ: 83], *стукать пятками в стену* 'младенца, у которого бессонница, постукивают коленками в пустой хоромине' [СЧГ: 83], *трение поясницей о забор или стенку овина* 'при ревматизме поясничных мышц' [СЧГ: 87] и др.

7. Особую группу составляют названия болезней животных. Это наименования эпидемий (*оскóтье, падёжина* 'скотский падёж, эпидемия' [Дил., 3: 25 (об.); 32], болезней лошадей (*вóзгрень* 'ящур у лошадей' [Дил.: 48 (об.)], *вóзгарь, возгóрь, возгря'* 'мыт, загрязнённый насморк у лошадей' [Дил., 1: 48 (об.)] *волоскú* 'болезнь лошадей, когда она долго стоит в грязи или назьму, то в ноги проникают червяки, имеющие вид волоса' [Дил., 1: 50], *почечýй* 'болезнь ног у лошадей от опоя' [Дил., 3: 77 (об.)], *наéди, насóсы* 'болезни зубов у лошадей' [СЧГ: 61]), коров (*грудни́к* 'болезнь вымени у коров' [Дил., 1: 75], *потéря жвáки* 'болезнь, вследствие которой коровы теряют способность пережёвывать жвачку; при потере жваки у коровы берут кусок хлеба и дают пожевать другой корове, здоровой, и часть этого куска дают есть больной'

[Дил., 1: 102]) и домашней птицы (*слепо́тка* 'куриная слепота' [СЧГ: 81]. Большинство названий болезней, зафиксированных нашими источниками, относится к лошадям (см. также [Ганцовская, Красильщик, 1996: 118]). Это свидетельствует об особом внимании к этим животным в крестьянском хозяйстве, а также о развитости коновальской практики в сфере народной медицины.

Разнообразны в исследуемых говорах названия лиц, оказывающих помощь при лечении болезней. Рядом с новообразованиями, появившимися под влиянием официальной медицины (*до́фтор, до́хтур, дохтурица, фе́ршал, фершелица, медик, меди́чка, во́спенница* ('медицинский работник, делающий прививку оспы' [Дил., 1: 52])), соседствуют традиционные наименования. Среди них производные существительные, внутренняя форма которых указывает на обладание особым знанием (*знато́к, знати́ха, зна́ха́рь, зна́ха́рка* [Дил., 1: 136; СВГ, 2: 147; КСВГ]), в том числе неблагоприятного воздействия (*ворожёя, ворожбу́нья* [КСВГ]), умение облегчать боль заговорами (*заба́йда* [СВГ, 2: 93], *шепту́н* [Дил., 1: 50; КСВГ], *пу́хтальница, пухта́рка* [Дил., 3: 96; СВГ, 8: 112; КСВГ] – ср. *пу́хтать* 'ворожить, заговаривать' [СВГ, 8: 112]), способность совершать различные манипуляции (*ба́бка-килу́нья* 'снимает килу' [Дил., 2: 16], *ба́ушка пупоре́зная* 'повитуха' [СЧГ: 23], *костопра́в* 'деревенский знахарь, помогающий при вывихах' [СЧГ: 48], *три́ха* 'знахарка, растирающая больных в печах и банях' [СЧГ: 86] и др.), а также непроизводные существительные с затемненной внутренней формой (*волха́т, волха́тка, волхи́тка, волхи́т* [Дил., 1: 50] – ср.: *волхв, волшебный* [Ф, 1: 346; КрЭс: 90]). В исследуемых источниках фиксируются общие наименования целительских способностей (*вещети́нье* [Дил., 1: 42 (об.); СЧГ: 26], *ве́ще* [СЧГ: 26], *знатьё «Знато́к всё уме́л, он знатьё како́е-то знал»*. Влгд. Сяма. [КСВГ], *пу́хтанье «Пу́хтала у нас Та́ля Гри́динская: пошёпчет на во́ду – всё и пройдёт. А померла́, дак кому́ пу́хтаньё передала́ – не зна́ю»* Кир. Борб. [КСВГ]) и средств лечения (*зе́лье, зе́льце* [Дил., 1: 135; КСВГ], *на́добье* [Дил., 2: 77; СВГ, 5: 34]), а также названия многочисленных средств народной медицины: *ветруно́к* 'нежные лепестки бересты на березе, прикладывают к чирьям' [СЧГ: 27], *глоту́ха* 'ягоды черемухи, используются при болезнях живота' [СЧГ: 32], *глистяно́е ма́сло* 'добывают из перетопленных в жару земляных червей; втирают при ревматизме' [СЧГ: 33], *змеи́ная трава́* 'ятрышник, листья прикладывают при укусах змей' [СЧГ: 40], *коло́тик* 'растительная слизь, оседающая в воде на древесных сучьях; употребляется при ломоте' [СЧГ: 46], *камешки́-брякунки́* 'из породы валунов; употребляются при болезни «озык»' [СЧГ: 50], *кирпи́чное ма́сло* 'толченые кирпичи кипятят на льняном масле; употребляется при ревматизме' [СЧГ: 50], *мездра́* 'внутренняя поверхность выделанных шкур; прикладывают к ранам' [СЧГ: 54], *мокре́ц* 'растение, прикладывют к опухолям – вытягивает жар' [СЧГ: 56], *марыше́вник, марыше́вое масло* 'муравьиное масло; втирают при ревматизме' [СЧГ: 56], *по́рховица* 'гриб дождевик, употребляется при кровотечении' [СЧГ: 67] и др. Некоторые из этих

средств связаны с древними магическими обрядами, совершаемыми с целью освободиться от неблагоприятного воздействия злых сил, повлекшего за собой болезнь: *живо́й ого́нь* 'во время эпидемий больных перетаскивали через «живой огонь' [СЧГ: 73 – 74], *мы'ло мертвя'чье* 'обмылки, оставшиеся после обмывания покойника; больные лихорадкой моются этим мылом' [СЧГ: 57], *проснима́льная сосна́* 'сосна, сквозь дупло которой пролезают больные для полного исцеления' [СЧГ: 74] и др.

Исследование лексики и фразеологии народной медицины в ходе диалектологических экспедиций последних лет показало, что в современных вологодских говорах по-прежнему сохраняются многие народные названия болезней и болезненных состояний, реализуются типичные модели описания их симптоматики, а также подробно описываются многие целительские манипуляции. Это свидетельствует о том, что лексика и фразеология данной семантической сферы продолжает играть значительную роль в формировании языковой картины мира сельских жителей.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Дил. – Дилакторский П. А. Словарь областного вологодского наречия в его бытовом и этнографическом применении. 1903 (ркп.)

КрЭС – Шанский Н. М., Иванов В. В., Шанская Т. В. Краткий этимологический словарь русского языка. – М., 1971.

КСВГ – картотека «Словаря вологодских говоров»

КСРНГ – картотека «Словаря русских народных говоров».

СБГ – Слоўник беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча. У 5-ці тамах. Т. 1 – 3. Мн., 1979 – 1982.

СВГ – Словарь вологодских говоров: Вып. 1 – 9. – Вологда, 1983 – 2001.

Слав. миф. – Славянская мифология: Энциклопедический словарь. –М., 1995. – 416 с.

СРНГ – Словарь русских народных говоров. Вып. 1 -- ?. – М., СПб., 1965 – 2004.

СРЯ – Словарь русского языка: Т. 1 – 4. – М., 1981.

СЧГ – Герасимов М. К. Словарь Череповецкого уездного говора. – СПб, 1910.

Фасмер – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: Т. 1 – 4. – М., 1987 – 1987.

ЛИТЕРАТУРА

Варбот Ж. Ж. Древнерусское именное словообразование. – М., 1969.

Ганцовская Н. С., Красильщик Е. А. Народные названия анимальной медицины как предмет ареальной лингвистики // Лексический атлас русских народных говоров. Материалы и исследования. 1994. – СПб, 1996. – С. 114 – 119.

Ганцовская Н. С., Лебедева И. В., Никулина Т. Е. Лексика по теме «Народная медицина. Болезни» в «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля // Лексический атлас русских народных говоров. Материалы и исследования. 1992. – СПб, 1994. – С. 121 – 127.

Меркулова В. А. Народные названия болезней, I: На материале русского языка // Этимология. 1967. – М., 1969. – С. 158 – 172.

Меркулова В. А. Народные названия болезней, II: На материале русского языка // Этимология. 1970. – М., 1972. – С. 143 – 206.

Меркулова В. А. О названиях изжоги в русских говорах // Общеславянский лингвистический атлас. 1974. – М., 1976. – С. 255 – 257.

Народная медицина // Программа собирания сведений для Лексического атласа русских народных говоров. Часть I. – СПб, 1994. – С. 79 – 86.

Проценко Б. Н. Лексика медицинских заговоров и оберегов и картотека ЛАРНГ // Лексический атлас русских народных говоров. Материалы и исследования. 1998. – СПб, 2001. – С. 87 – 94.

И. В. Катаева

Лексика азартных игр в вологодских говорах (на материале словаря П. А. Дилакторского)

«В первой половине 90-х годов позапрошлого столетия Вологда представляла собой сонный, глухой провинциальный город. <...> Даже люди с высшим образованием не шли далее карточной игры и обмена новостями». (1. 11.) Как известно, карточная игра была частью жизни людей 18 – 19 веков, но о ней старались не говорить, считали темой, стоящей на грани запрета и осуждения. А между тем, героем литературы 19 века стал новый тип человека, достигающий высот в жизни благодаря фортуне, случаю, удачному и счастливому стечению обстоятельств. Поэтому не случайно жизнь стали сравнивать с растасованной колодой карт, а человека – с игроком, которому может повезти или нет. Всё решал случай... Отметим, что слово *hasard* в переводе с французского означает «случай».

Предметом исследования данной статьи является анализ лексики азартных игр, а именно, карточных игр и игры в костыги или бабки, зафиксированных в «Словаре областного вологодского наречия в его бытовом и этнографическом применении» П. А. Дилакторского. Нашей целью является восстановить терминологию азартных игр, функционирующую в XIX веке на территории Вологодской губернии. Словарь включает в себя диалектную лексику азартных игр, которая может быть разделена на две группы:

1) собственно диалектная лексика: лодыга, хрулёк, плоцка, подтесанец, шляка, краля, бардон, фаля, вины, жлуди, чкнуть и др.

2) диалектные фонетические варианты терминов карточной игры: шестера, семитка, семера, восмёра, восмитка, крёсты и др.

Деление диалектной лексики на две группы не случайно. А. А. Шахматов, русский учёный-языковед Императорской Академии Наук, обращаясь к П. А. Дилакторскому по составлению словаря, писал: «Я поставил бы на пер-

вом месте вопрос о словах, употребляющихся в отличном значении или совсем неизвестных, а уже на втором – вопрос об особенном произношении известных слов». (2. 3).

Предварительные наблюдения над лексикой карточной игры и игры в костыги в словаре П. Дилакторского позволяют выделить следующие тематические группы:

1. *Названия мастей игральных карт:* бубны, буби, бубни, бубы, вины, кресты, крести, жлуди.

2. *Названия производных прилагательных,* относящихся к мастям: винновый, крестовый, жлудный.

3. *Названия карт по их достоинству*: штитка, считка, шестера, семера, семитка, фаля, холуй, хлап, холоп, шепёра, шепёрки, восьмера, восмёра, восмитка, бардон, барда, бардадым, краля.

4. *Названия карточных игр*: пантики, окулька.

5. *Термины, характеризующие действия игроков*: сгодить, чкнуть, плавить.

6. *Названия костыги*: ямка, телица, тёлка, хрулёк, четвёро, бабка, жох, жок, лодыга, оловеник (оловяник), панки, плоцка, подтесанец, бабка, козанок, шляка, свинчатка.

7. *Названия игр в костыги*: заеды, лодыжки, колобки.

Разберём первую тематическую группу: *«Названия мастей игральных карт»*. В неё включена как диалектная лексика, употребляющаяся в вологодских говорах XIX века (жлуди, крести, крёсты, вины, буби, бубы), так и диалектные фонетические варианты общерусских слов, обозначающие названия мастей: бубни. Интересно сравнить названия мастей в литературном языке XIX века с общераспространёнными названиями их в Словаре П. Дилакторского. Образованный класс называл масти литературным языком: черви, бубны, трефы, пики, а в говорах мещанства и крестьян Вологодской губернии они звучали как буби, бубы, бубни, крести, крёсты, жлуди, вины. Именно так они были записаны Дилакторским. Масть «черви» в Словарь не включена, т. к. слово являлось общеупотребительным в литературном языке того времени. Состав мастей, включённых в Словарь, определяется привлечением разных источников, отражающих специфику вологодских говоров: «Материалы для словаря вологодского народного говора» Н. А. Иваницкого, «Опыт местного словаря Харинской волости Тотемского уезда Вологодской губернии» Д. А. Андреева, «Сборник областных слов Вологодской губернии» В. Баженова, «Толкового словаря живого великорусского языка» В. Даля. Среди названий мастей П. Дилакторским выделяются **буби (бубы)** (Кадн., Волог., Тотемск.,) – *бубны (карточная масть)'*. Кроме определения значения слова в Словаре даётся пример употребления. Ты карты – то плохо стасовал, всё бубы ко мне идут. **Бубни** (Тотем.) – *бубны (карточная масть)'*. Проигрались, прожились как бубни. (Андреев). Пример приведён в переносном значении человек, всё промотавший'. **Крести** (Вол., Кадн., Вел., Тот.,) – *трефь (кар-*

точная масть).' Хлап крестей. **Крёсты** – фонетический вариант крестей, слово многозначное, в первом значении передний угол в избе, где висят иконы'(Даль), во втором (Волог.) – *трефы* (карточная масть).' **Жлуди** (Волог.) – *трефы*' (Иваницкий). **Вины** – *пики, карточная масть.'* Десятка виней. Ты пошо с вины пошёл?

Придерживаясь мнения В. В. Стасова, мы можем утверждать, что «русские названия мастей явно происходили от немецких: *черви – это перевод нем. Roht, бубны или звонки – это Schellen, вини – это Grün (т. е. зелёный лист винограда), жёлуди – это Eicheln». (3. 77).* Народное название карточной масти **кресті** он считает «поздним и неосновательным, заимствованным только от внешнего очертания» (3. 77).

Словарь содержит также лексемы, образованные от субстантивной основы с продуктивными суффиксами **-ов-** и **-н-** , относящиеся к мастям: **винновый** (Волог., Тотем., Кадн., Вел.,) – *пиковый*'. Винновый бардон у меня был. **Жлудный** (Вол.) – *трефовый*' (Даль). Примера употребления в речи П. Дилакторский не указывает. **Крестовый** (Вол., Кадн., Вел., Тот.) – слово многозначное, в первом значении *трефовый*'. У меня был крестовый хлап, краля крестовая.

Значительную группу в Словаре составляют слова, обозначающие названия карт по их достоинству, представлены **цифровые обозначения карт:** шепёра, шестера, считка, штитка, фаля, семера, семитка, восмёра, восьмёра, восмитка, **фигуры:** хлап, холоп, холуй, барда, фаля, краля, бардон, бардадым.

Словарь отражает вариативность употребления слов в единственном и во множественном числе, вариативность произношения: **Шепёра, шепёрки** (Волог.) – *игральная карта от двойки до семёрки'.* Шепёра пришла, говорят, когда пришли все мелкие карты. При каждом заголовочном слове указывается его ударение: **шестера'** (Вол., Кадн.) – *шестёрка название карты*'. Словарная статья сопровождается примером: «Ты зачем с шестеры – то пошёл?» **Счи'тка** (Вел.- Уст.) – *шестёрка, название карты'.* **Шти'тка** (Сольв.) – *шестёрка в картах'* (Иваницкий, рукопись). Отметим, что шестёрка (игральная карта о шести очках) имеет самое большое число вариантов употребления в вологодских говорах. Значение лексемы **фаля** в Словаре *пиковая или трефовая (смотря по условию) шестёрка в игре трилистником*' отличается от общеупотребительного, где **фаля** – *в карточной игре горка или три листа пиковая восьмёрка, вообще карта, которая увеличивает собою счёт прочих. Два туза с двумя фалями идут за четыре туза.'* (Даль). Следующей по числу очков картой является семёрка. В вологодских говорах она произносится как **семера'** и **семи'тка** (Вол., Грязов., Кадн., Тот.)- *семёрка, название карты.'* У меня семера – то винновая была. Фаля в Словаре Дилакторского – лексема многозначная, во 2 значении фиксируется как *семёрка козырей'* с пометой (Кадн.), в 3 значении с пометой (Кадн.) *дама в картах'* (Иваницкий). Последней очковой картой, указанной в Словаре, считается **восьмёра, восмёра и восмитка** – три диалектных фонетических варианта общеупотребительного

слова **восьмёрка.** У меня была восмёра крестовая да бардон с восьмёрой червонные.

Словарь представляет многообразие состава группы терминов, обозначающих названия фигур – *названия старших карт: валета, дамы, короля, туза'.*

Самой старшей фигурой, употребляющейся в Словаре, является **бардады'м** (Кадн.) – *король, название карты'*. Слово заимствовано из польского *bernardyn*, др.- польск. *barnardin* «монах, бернардинец», употреблялось в качестве шутливого обозначения короля чёрной масти (пикового или трефового) в карточной игре. Толкование из «бородач» вполне приемлемо, но не объясняет словообразования. По словам Баженова, в Никольском уезде бардадымом называли только трефового короля, а в Вологодском уезде выбранного играющими одного из четырёх, которого не может крыть никакая карта. У меня был бардадым винновый, да краля бубей. Лексема *«бардадым»* многозначная, и на основе вторичной лексической номинации означает (Ник.) *шутливая брань'*. В словаре встречается ещё одна словарная статья с названием этой фигуры. **Бардонъ** (Кадн.) – *король, название карты*'. Ты пощо с бардона – то известного (трефового) пошёл. Здесь, вероятнее всего, представлен усечённый вариант мотивирующей основы *бардадым*. **Краля** (Волог, Кадн., Гряз., Тот.) – *дама, название карты'*. Краля бубей. У меня была краля винновая (пиковая). Слово заимствовано из чешского *krala* королева (карт.)' По сведениям Словаря П. Дилакторского, слово *«краля»* многозначное, употребляется наряду с названием карты в значении *красавица*'. Вишь, какая краля идёт. Ох ты, милая моя, краля дорогая, выйдешь замуж за меня – будешь молодая (нар. песня). Лексема не имеет территориальной ограниченности и функционирует на всей территории России XIX века. В литературном языке употребляется с пометой (старинное и областное) в значении *игральная карта, на которой изображена женщина в короне, дама'*, в переносном значении *взрачная женщина'*. Из названий фигур **валет** имеет самое большое число вариантов употребления в вологодских говорах: **барда** – *валет, название карт*ы'. Слово является усечённым вариантом мотивирующей основы *бардадым*. П. Дилакторский записывает пример употребления слова на территории Вологодской губернии: игра *барда и фаля: трилистика, когда валет и семёрка козырные не кроются никакой картой.* Названия терминов карточных фигур нередко участвуют в процессах вторичной номинации: **дедко** в переносном значении *валет'*. **Хлап** (Вол., Кадн., Вел.) – *валет, название карты'*. У меня был винновый хлап. Ты зачем с хлапа – то пошёл. Слово заимствовано из чешского *chlap -валет.* На русской почве наряду с лексемой *хлап* прижилось слово *холоп* (процесс полногласия). **Холоп** – *валет в картах'*(Иваницкий). В литературном языке оба слова также употреблялись с пометой (обл.) и функционировали на всей территории России. **Холуй** (Волог.) – слово многозначное, в одном из значений *хлап, валет в картах'* (Баженов).

Словарь содержит также лексему, обозначающую действие, характеризующую поведение игроков: **чкнуть** (Вол.) – *положить карту ничком (при игре в карты) нелицевой стороной наверх, поддать карту, будучи не в состоянии покрыть той карты, которая дана'* (Баженов). Глагол чкнуть является видовой парой глагола *чкать, чокать – ударить, бить, стучать*' (В. Даль). Он образован от субстантивной основы *чка* с продуктивным суффиксом **-ну -.**

П. Дилакторский использует в качестве источника Словарь этнографических описаний и пополняет круг анализируемой нами лексики названиями карточных игр: *пантики и Окулька.* В словарных статьях он не указывает на семантику названий, а лишь передаёт правила игры в пантики и Окульку. **Пантики** (Кадн.) – *игра в карты четвером, причём двое играют за одно, против двоих других. При игре нельзя ничего говорить, объяснение с товарищем (напротив тебя сидящим и за одно с тобой играющим) происходит мимикой. После каждой игры считают взятки, взявшие больше считаются выигравшими.* Вероятно, слово *пантики* образовалось от *панты-* два валета масти одного цвета (красной или чёрной)' с уменьшительно – ласкательным суффиксом **-ик-. Окулька** (Вол., Гряз., Кадн.) – *карточная игра. Пиковая дама – Окулина; она не кроет никакую карту, и её ничем не покроешь. Сдают по шести карт, ходят мастями. Остатки карт от сдавания составляют колоду и открытая карта – козыри. Мало распространённая игра в деревнях.* Название игры произошло от женского имени Окулина. Суффикс **-к-** вносит в значение слова оттенок разговорности и фамильярности. Это оправдывается тем, что в Окульку играли люди низшего класса – крестьяне.

Большой популярностью среди жителей России XIX века пользовались и другие азартные игры: кости, зернь, костыги и бабки. Не была исключением и Вологодская губерния, где крестьяне и мещане проводили время за игрой в костыги. В Словаре П. Дилакторского зафиксировано несколько групп слов, относящихся к названиям игр в костыги, диалектным названиям самой костыги и к действиям игроков. **Костыгой** называлась *кость надкопытного сустава ноги у животных, употребляющаяся для игры, бабка'.* П. Дилакторский приводит несколько диалектных названий **костыги** в вологодских говорах: **бабка** (Кадн, Гряз., Вол., Тот., Вел.) – *костыга*'. Много ли бабок проиграл? **Панки'** (Ник.) – *игральные бабки, кости'.* Словарь отражает употребление слова только во множественном числе, при заголовочном слове указывается его ударение, словарная статья не сопровождается примером. **Шля'ка** – *бабка, козанок, костыга'.* **Свинчатка** (Вол., Гряз.) – *костыга, бабка, налитая свинцом'* (Обнорский). В счастье, не в бабки, свинчаткой кону не выбьешь (В. Даль). **Гвозденик** (Вол.) – *костыга, бабка, в которую для тяжести вбит гвоздь, битки с гвоздём'.* Пустите меня играть в бабки, у меня есть хороший биток – гвозденик (Баженов). **Олове'ник, оловя'ник** (Вол., Гр., Кадн., Вел.) – *костыга, налитая свинцом или оловом'* (Баженов). Семантика слов свинчатка, гвозденик и оловяник отражена уже в их названии. В Словаре ука-

зывается два варианта употребления слова «биток» в мужском и женском роде. **Хруль, хрулёк** (Вол., Кадн., Гряз., Тот.) – *бабка, костыжка, только без нижней части'*. Во вторичной номинации употребляется как прозвище малорослых людей. Боевая костыга названа в Словаре плиткой. **Плитка** (Сол.) – *деревянная дощечка длиною в четверть и имеющая овальную форму, ею бьют в кон бабок или костыг'(Иваницкий).* П. Дилакторский также указывает, что в Вол., Гряз., Кадн., Тотемск. и некоторых других уездах Вологодской губернии употребляли не деревянную дощечку, а каменную или железную, длиною до двух вершков, также овальной формы. П. Дилакторский даёт описание трёх разных видов игр в костыги: **колобки, лодыжки и заеды.**

Колобки (Сол.) – *игра в костыги, когда бьют в кон не казанками и битухами, а железными, плоскими, имеющими овальную форму плитками'*. Название этой игры пошло, вероятно, от слова «колобок», т. к. плитка имела овальную форму. В Словаре не указано значение слов «казанки» и «битухи», название игры употребляется только во множественном числе. В. Даль в «Словаре живого великорусского языка» отмечает, что козанки и битухи -это бабки, и игра в костыги или бабки бывает разных родов, играли в неё на всей территории России. Названия костыги также были схожи по названию: «*Пано'к, битка, биток – бабка боевая; литок, свинчатка, если она налита свинцом; гвоздырь – если в неё для веса забит гвоздь; хруль – костыга, козан, бабка; шлюшка – маленькая телячья бабка»* (4. 33).

Другой род игры в костыги представлен в Словаре игрой «**Лодыжки».** В «Словаре вологодских говоров» лексема **лодыга** многозначная: *щиколотка'*. Свинья – то всю лодыгу в кровь сбила, *кость' (любая*). Теперь несколько лодыг в суп положат' (5. 43). У П. Дилакторского **лодыга** – *костыга, бабка'* (Обнорский). Лексема **лодыжки** образована от **лодыги** с уменьшительно-ласкательным суффиксом **-к-**. В Словаре употребляется только во множественном числе. П. Дилакторский передаёт правила игры: «*Лодыжки – игра в косточки из овечьих ног. Сначала устанавливается очередь, кому играть первому, кому второму, для этого каждый игрок кладёт на руку свои лодыжки, кидает их на стол и смотрит, сколько легло быком, сколько телицей, и по количеству быков и телиц устанавливается очередь. Две телицы обыкновенно считаются за быка. прочие фигуры в расчёт не принимаются».* Более подробного описания игры не даётся, в Словаре В. Даля указывается также, что слово **лодыга** в значении *костыга, бабка'* существовало. П. Дилакторский приводит две словарные статьи, относящиеся к игре в лодыжки: **ямка** (Кадн.) – *при игре в лодыжки ямкой зовётся та косточка, которая легла книзу плашмя и кверху: ямкой по середине ея'* (Шустиков, Жив. Стар. 1895, № 1); **телица, тёлка** (Кадн.) – *при игре в лодыжки телицей или тёлкой зовётся та косточка, которая встала так, что имеет наверху углубление'* (Шустиков, Жив. Стар. 1895, № 1). Значения лексемы **бык** в Словаре нет, но, вероятно, это обратная сторона телицы.

Последний вид игры в костыги представлен игрой **«Заеды»**. Приведём словарную статью – справку об этой игре: «*заеды – игра в костыги. Выбрав ровное место для игры, игроки шагах в двух от кона делают черту – это «дом» или «сало». На кон ставят все игроки по равному количеству костыг (по паре, по четверу), затем жохают, т. е. узнают очередь, кто после кого бьёт в кона. Первый бьющий выбирает место, откуда он хочет бить, последующие, если хотят бить ближе, то кладут на желаемое место свой козан, а если же кто захочет бить дальше других, то к кону кидает свой битух (козан), и где он остановится, с того места и бить. Если же битух сел рядом с «домом», то зовётся кривым, т. е. когда бьёт игрок, то ему велят зажать левый глаз, а если же ближе «дому», то зовётся слепым, и когда бьёт, то должен закрыть оба глаза. Первым бьёт тот, у кого всех дальше козан, затем более близкий к нему и т. д., всё ближе и ближе к кону. Когда все перебьют, то ставят опять к оставшемуся кону по паре два игрока.*

Значения слова «заеды», употребляемого в Словаре только во множественном числе, П. Дилакторский не указывает, но, возможно, оно обозначает, так же, как и слово «заедный» у В. Даля, кто с кем заодно, сообща, вместе'.

Рассмотрим лексику, относящуюся к игре «Заеды»: **сало** (Вол., Гряз., Кадн.) – *черта при игре в бабки, что кладётся ником и с которой бьют в кон левой рукой';* **плав** (Ник., Тот.) – слово многозначное, в одном из значений *тесьма или верёвка при игре в бабки или костыги, нужно, чтобы плита или козан не задел за неё, в противном случае игрок, сбивший бабки, не может взять, и должен опять поставить поставить сбитьё на кон'* (Баженов). Словарь содержит лексему, образованную от субстантива «плав» при помощи суффикса **-и-**. Отсубстантивный глагол **плавить** (Вол., Кадн., Гряз., Тот) обозначает *в игре в бабки битком или плиткой задевать за плав, ударять не прямо в бабки, костыги, а ранее в плав, и потом сбить'*. Следующие словарные статьи посвящены видам костыг: **четве'ро** – *четыре, две пары. Четверами считают только костыги, бабки.'* Статья сопровождается примером: Я купил у него за грош шесть четвер с кознем, да из дому принёс три четвера с парой (Муромцев). **Жох, жок** (Вол., Кадн., Тот., В-Уст.) - *в игре бабками, когда битка (бабка, которой бьют в кон) попадает навзничь, сторона бабки, противоположная нику'*. **Плоцка** (Вол., Гряз., Кадн., Тот., Сол., Вел) – *костыга, лежащая на правом боку.'* Когда костыгу положить жохом, то плоцка будет правая сторона костыги. **Подтесанец** (Кадн.) – *козан, костыга, которою бьют в кон, подтёсанный несколько с левой стороны, чтобы его тем заставить ложиться на плоцку.'* Если игроки заметят, то обыкновенно подтесанцев бракуют и заставляют переменить. **Поп** – слово многозначное, *при игре в костыги, когда битка, перекатясь, сама встанет'*. П. Дилакторский вводит в Словарь глагол **сгодить** *пробить при игре в костыги, попасть в цель, выбить костыги'*, видовую пару глагола **годить** (Вол.) *(во что) метиться, целиться'* (В. Даль). Терминология игр в костыги и бабки фиксируется В. Далем в «Толковом словаре живого великорусского языка»:

«бабки ставят на кон гнёздами (парами); когда конаются, то различают: жох – положение хребтиком вверх; конка – хребтиком вниз; плоцка, бок, бока – на левый бок; ника, ничек, ничка, ничок – на правый, местами различают бок и плоцку, а никой зовут положение желобком кверху».

Таким образом, можно сделать вывод, что в костыги играли в разных областях России 19 века, но правила игры несколько различались, и соответственно терминология тоже.

В заключение отметим, что «Словарь областного вологодского наречия в его бытовом и этнографическом применении» П. Дилакторского включает диалектную лексику азартных игр, которая позволяет восстановить многие черты духовной деятельности жителей Вологодской губернии второй половины XIX века. Словарь является ценным источником для изучения языка и быта нашего народа не только в лингвистическом, но и в этнографическом плане, помогает восстановить терминологию азартных игр, функционирующую в XIX веке на территории Вологодской губернии.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Тарутин А. П. А. Дилакторский. Из личных воспоминаний // П. А. Дилакторский. Опыт указателя литературы по Северному краю с 1766 до 1904 г. – Вологда: Изд-е Вологодского общества изучения Северного края, 1921. – С. 10 – 15.

2. Евдокимов П. Библиограф Прокопий Александрович Дилакторский (1868 – 1910) // П. А. Дилакторский. Опыт указателя литературы по Северному краю с 1766 до 1904 г. – Вологда: Изд-е Вологодского общества изучения Северного края, 1921. – С. 1 – 9.

3. Стасов В. В. Русские названия карточных мастей // Записки императорской Академии наук. – СПб., 1876. – Т. 26. – Кн. 1.

4. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. – М., 1999.

5. Словарь вологодских говоров. – Вологда: ВГПИ-ВГПУ. Вып. 1-9. 1983-2002 (издание не закончено).

6. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4-х т. – М., 1987.

В. И. Чуглов

Грамматический аспект рукописного «Словаря областного вологодского наречия в его бытовом и этнографическом применении» П. А. Дилакторского

Особенности языка местного населения, в частности его грамматики, относятся к этнографическим особенностям. Однако грамматические характеристики в дифференцированных толковых словарях оказываются в ином отношении к словам, нежели в недифференцированных. Если лексический состав в первых отличается от лексического состава литературного языка (про-

тивопоставляется ему), то «грамматика слов» в подавляющем большинстве не отличается от грамматики слов литературного языка.

В связи с этим в дифференцированных толковых словарях, так или иначе реализуются две возможности грамматического представления слов: не выделять систематически, а только от случая к случаю, или систематически выделять (или даже сделать предметом специального описания) грамматические особенности слов. С этими подходами связаны и способы грамматического представления слов: эксплицитные грамматические характеристики слов, их парадигм, отдельных форм, сочетаемости, эксплицитное и имплицитное представление парадигм, форм, сочетаемости слов без эксплицитных грамматических характеристик и связанные с этим имплицитные грамматические характеристики.

Показательны высказывания составителя «Толкового словаря живого великорусского языка» В.И.Даля: «Словарь составляется для русских...»; «...я в словаре уклонился от грамматических отметок, стараясь объяснять слова примерами. Существительные и прилагательные сказываются сами, их нечего называть, но при первых показан род; глаголы, местоимения подавно отличаются; наречия и частицы названы. Лишних отметок я вообще избегаю ... и позволяю себе иногда промолчать о том, что, например *аптекарша* женского рода» (1,с.XXXVI, XXXVII).

Среди «принятых однажды, право или неправо, оснований» (1,с.XXVII) можно выделить принцип достаточности и связанный с ним принцип необходимости грамматического представления слова. Тем не менее в перечне сокращений, принятых в Словаре В.И.Даля названо 19 грамматических характеристик (2,с.XXIX), что заметно больше, по сравнению даже с современными диалектными словарями.

Интересны также предложения Я.К.Грота опускать в готовившемся Словаре русского языка при существительных обозначение их буквой «с», оставляя только указания рода: м., ж., ср., при прилагательных указывать все три рода: веселый, -ая, -ое, без прибавления «пр», допуская последнее лишь при необходимости, и др. (3,с.212).

К грамматическому представлению слов в Словаре П.А.Дилакторского следует подходить с учетом накопленного в этом отношении ко времени создания Словаря опыта, а также с учетом поставленных задач и таких обстоятельств, как компетентность составителя (П.А.Дилакторский не был лингвистом), отсутствие научного редактирования рукописи, необходимого для ее опубликования. В рукописи, например, нет единства в форме сокращений грамматических характеристик, несмотря на перечень таких сокращений во вводной части Словаря, и их подаче в словарных статьях, в графическом членении этих статей, в написании слов и употреблении знаков препинания в объясняющей части статей.

При составлении Словаря, в частности в решении грамматических вопросов, П.А.Дилакторский мог опираться на «Опыт областного великорусского

словаря» и «Дополнения к Опыту областного великорусского словаря», Словарь В.И.Даля, «Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении» А.О.Подвысоцкого (СПБ.,1885), «Словарь областного олонецкого наречия в его бытовом и этнографическом применении» Г.И.Куликовского (СПБ.,1898), советы А.А.Шахматова (именно на два последних словаря указывает П.А.Дилакторский в первом письме А.А.Шахматову от 7.03.1899г. (4).

О.А.Подвысоцкий, чей словарь считается лучшим образцом областных словарей XIX – начала XX веков (см., например: 3,с.306; 6,с.98), и Г.И.Куликовский, помимо других задач, стремились отразить и морфологические особенности говоров (см., например: 5,с.303-304; 6; 7). В то же время эксплицитных грамматических характеристик в этих словарях мало (5,с.104-105 и др.; 7,с.101) и названная задача решалась другими способами.

П.А.Дилакторский не следует слепо за данными словарями. В отражении морфологической системы вологодских говоров в его Словаре имеются свои особенности. Это относится к составу эксплицитных грамматических характеристик, последовательности и частоте их применения, к показу особенностей парадигм, и в частности особенностей образования отдельных словоформ. Всего этого у П.А.Дилакторского меньше.

В разделе «Объяснение сокращений» указан состав эксплицитных грамматических характеристик – 8 названий: женский род (жен.р.), звательный падеж (зват.), мужеский род (м.р., муж.р.), наречие (нар.), прилагательное (пр.), средний род (ср.р.), сравнительная степень (сравн.ст.), существительное (сущ.). В словарных статьях встречаются также характеристики "единственное число", "множественное число", "3 лицо", "междометие" и некоторые другие. Нами обнаружено 69 случаев эксплицитных грамматических характеристик в 58 словарных статьях, т.е. у 58 слов, что составляет всего соответственно 0,86% и 0,7% от 8 тысяч объясняемых слов. В подавляющем большинстве это характеристики по частеречной принадлежности слов, характеристики по роду даются только существительным, а по числу – существительным и глаголам. Подавляющее большинство эксплицитных грамматических характеристик имеет характер помет, другая часть входит в состав определений значений слов.

Каких-либо указаний на принципы грамматического представления слов, в частности на принципы использования эксплицитных грамматических характеристик, в словаре нет, исключая указания на принимаемые сокращения. Вместе с тем очевидно, что это представление ограниченно, при этом не только в полноте и четкости, но и в том, что указания, в том числе и имплицитные, на грамматические особенности слов единичны. В грамматическом представлении слов составитель исходит из принципов достаточности и необходимости. Достаточность обеспечивается указанием начальной формы слова, в которой представлены почти все заголовочные слова, а также с помощью объяснения лексического значения, особенно синонимов или других

близких по значению слов литературного языка, т.е. способом перевода на литературный язык, и эксплицируемых в иллюстрациях отдельных словоформ. Эксплицитные грамматические характеристики даются только по необходимости, при этом непоследовательно. Предполагается, что по указанным признакам читатель может определить и другие словоформы. Показательны, например, следующие словарные статьи:

Жа'рить (Повс.) Кроме обычного значения (готовить жареное) этот глагол (выделено нами. – В.Ч.) *еще употребляется в значениях: сечь, бить или ругать, браниться и шибко бежать* (Дил., 1,л.101, об.)*. Предполагается, что отнесенность к глаголу слова с начальной формой "жарить" очевидна, характеристика "этот глагол" не является прямой и выступает лишь в функции темы (данного) с целью сообщить о слове дополнительные сведения.

*Добро' I (Повс.) (сущ.) имение, пожитки. У них в дому сила всякого добра (*Кичин*)... II (Повс) (нар.) хорошо, ладно, очень хорошо, уж если бы. Эта полоса взорана добро...* (Дил.,1,л.83,об.).

Рассмотрим, как представлены в словаре слова разных частей речи.

Имена существительные

Как и слова других частей речи, слова самого многочисленного в словаре класса грамматически представлены в соответствии с принципами достаточности и необходимости. Например:

Замани'ха (Вол. Кадн.) женщина, заманивающая мужчин в свои любовные сети (1,л.123), – из начальной формы этого слова следует, что это существительное, что оно женского склонения, из определения его значения – что это существительное женского рода, конкретное, одушевленное, имеет словоформы женского склонения единственного и множественного числа.

Жу'бря (Сол. В-Уст.) Тот или та, кто жубряет, жубрит (1,л.107), – помимо всего прочего, указывается на принадлежность слова к общему роду.

Едва ли не самая большая группа получивших эксплицитную характеристику существительных – слова, омонимичные словам других частей речи – прежде всего прилагательным. В этих случаях дается указание лишь на частеречную принадлежность:

бугра' II (Сол.) (сущ. ж.р.) 'охотничий шалаш в лесу...'(1,л.30), ср.: *бугра (Усть) употребляется в значении наречия: много, очень много* (там же); *воложное (Вел.) (в значении сущ. ср.р.) 'масло, приносимое св.Власию'* (1,л.49,об.), ср.: *воложный (Повс.) (прилаг.) 'масляный, жирный, сдобный'*

---

* Здесь и далее сохраняется орфография и пунктуация в словарных статьях, исключая написание буквы "ер" в конце слов; по понятным причинам вместо буквы "ять" и "и-десятиричное" используются буквы "е" и "и".

(там же); *вы'ть (Повс.) сущ. 'время между принятием пищи'* (л.60), ср.: *выть (Повс.) глаг. 'причитать, плакать'* (там же); *добро* (см. выше); *игро'вый; лю'бой; нахле'станный; нет* в виде существительного: *У них всякого нета запасено с лета* (2,л.98).

Другую группу слов составляют существительные на -а, обозначающие лиц. Здесь возникают трудности в определении рода, а стало быть, и выбора форм согласуемых или координируемых с ними слов. Эти слова, помимо эксплицитной грамматической характеристики по частеречной принадлежности, получают еще и характеристику по роду (первая характеристика в результате оказывается избыточной):

баламы'га (Кадн.) (сущ. муж.р.) 'праздношатающийся, не работающий' (1,л.9,об.); *бахи'ла, бахи'ля (Ник. Яр.) (сущ. м.р.) 'некрасивый, неуклюжий, неопрятный человек'* (1,л.13,об.); *босыня' (Гр.) (сущ. ж.р.) 'босоногий'* (1,л.26); *вала'нда (Кадн. Вол. Тот.) (сущ.) 'человек неповоротливый, копотливый, медлительный'* (1,л.35); *шадра' (Кадн. Вел. Сольв. В-Уст.) (сущ.) 'человек шадровитый, с рябым, корявым, изуродованным оспой лицом'* (4,л.90).

Полагаем, что при определении рода у данных и подобных слов составитель испытывал затруднения, и предложенные характеристики по роду требуют проверки. Так, *босыня* характеризуется как существительное женского рода, а объясняющий его синоним *босоногий* – мужского рода, и в приведенном примере *Ты куда босыня пошел?* слово *босыня* тоже мужского рода. По-видимому, перед нами слово общего рода, как это дано в Словаре В.И.Даля (т.I,с.119), как и слово *басомыг(к)а,* одинаковое по форме и однотипное по значению названному выше слову *баламыга* (правда, в академическом «Словаре русских народных говоров» (8,с.72) это слово отнесено к словам мужского рода). Возможно, что по упомянутой причине не указан род у существительных *валанда* и *шадра* и многих других, неохарактеризованных подобных существительных. В Словаре В.И.Даля слово *валанда* отнесено к общему роду. Сомнительно отнесение к словам мужского рода слова *бахила (бахиля)*: если это речевая метафора, то его род сохраняется, если языковая – то оно, возможно, общего рода (ср.: 8,с.155).

Заметим, что составитель владеет приемами указания на общий род: см., например, указанную выше словарную статью "Жубря" или статью "Вейка": *"Вейка (Кадн.) сплетник, сплетница"* (1,л.38). Однако эксплицитная грамматическая характеристика "общего рода" или "мужского и женского рода" в Словаре отсутствует.

В редких случаях заголовочное слово дается не в начальной форме. В этих случаях возникает необходимость соответствующих эксплицитных или имплицитных характеристик. Как правило, это существительные в форме именительного падежа множественного числа, обозначающие парные предметы, но не только: *ве'зянки, везя'нки (сущ. ж.р. множ.ч.) (Вел. Гр. Кадн. Ник. В-Уст.) 'перчатки, связанные из шерсти'* (1,л.38,об.); *шуравья', шурья' (Повс.) множественное число слова шурин, т.е. брат жены* (4,с.197) (указывается

особенность образования словоформы); *прахи'* (*Вол. Кадн.*) *множественное число от прах (употребляется в брани) Ну тя к прахам. И куда это к прахам ключ-от закинули?* (3,л.79,об.), – правильнее было бы дать в качестве заголовочного слова лексикализовавшуюся форму *к прахам*. В форме *братя* с грамматической пометой (Зват.) (звательный падеж) употреблено заголовочное слово *брат* (1,л.27,об.).

У остальных существительных эксплицитные грамматические характеристики с точки зрения принципа необходимости, на наш взгляд, избыточны: *аму'ра (Вол. Гряз.) (сущ.) 'беда, несчастье вообще худое, плохое положение'* (1,л.6); *браньё (сущ. ср.р.); вертепра'х (Вел. Кадн. Ник. В-Уст.) 'ветреный, непостоянный человек' (сущ. м.р.)* (1,л.40); *взду'вка (сущ.)* (1,л.43,об.); *наха'л* (2,л.88); *нескладu'ще (Вел. Гряз.) 'неуклюжий, неповоротливый' (сущ.)* (2,л.93,об.); *переле'стник, переле'стничек (Гряз. Вел. Кадн. Тот.)...(сущ.)* (3,л.40,об.), *переле'шник (Вол. Кадн. Вел. Сольв.) тоже...*(там же). Только в двух случаях эксплицитные грамматические характеристики входят в определения лексических значений, в остальных они выступают как грамматические пометы. Двадцать две характеристики – по частеречной принадлежности, 5 – по роду, 3 – по числу, 1 – по падежу у 25 слов.

Нельзя не заметить, что в подавляющем большинстве случаев, аналогичных рассмотренным, эксплицитных грамматических характеристик нет: *игровитый, балмошный; балда, бандура, бездиляга, мумля; вареги, валки, подслизени, диверья* и т.д. Эксплицитные грамматические характеристики существительных даются непоследовательно.

Глаголы

Эксплицитных грамматических характеристик глаголов в Словаре почти нет. Нами обнаружено всего 11 таких характеристик в шести словарных статьях. Три из них – по частеречной принадлежности, по три по лицу и числу, одна указывает на особенность парадигмы, одна относит глагол к безличным.

Укажем эти случаи.

Бре'шить (Повс.) Говорить вздор, неправду, лгать. В Яр. уезде 3 лицо ед.ч. брешет. Он брешет, а мы слушаем... (1,л.28).

Кутить (Тот. Сол. В-Уст. Кадн. Вел.) Переметать снег, вьюжить. Чаще употребляется в 3 лице единственного числа (2,л.47).

Ве'дет (Сол.) (безличн.) Тает, распускает. Весной, когда сильно начинает таять, говорят: повело (1,л.37).

Кримуешь (Ярен.) (глагол 3 лица един. числа) иначе не употребляется. Говорят о детях, которые просят есть, а когда предлагают им – то не берут (Куклин, Иваницкий-рук.) (2,л.34) (по-видимому, допущена описка, следовало написать *кримует*). См. также словарные статьи упоминавшихся выше глаголов *выть* и *жарить*.

Грамматическое представление глаголов в Словаре опирается прежде всего на начальную форму заголовочного слова, затем на определения значений, в том числе на синонимичные слова, а также на иллюстрации с теми или иными эксплицированными словоформами. Так, из словарной статьи "*Нагонить*" *(Яр.) Привезти, принести. Хлеба нагонят много. У нее пять иголок нагонено (Пономаревский)* (2,л.76) следует, что этот глагол, совершенного вида, переходный, 2 спряжения, имеет формы наклонения, времени и т.д., в иллюстрациях эксплицированы словоформы 3 лица множественного лица и краткого страдательного причастия среднего рода.

Одним из серьезных недостатков грамматического представления глаголов в Словаре является представление у них категории вида: отсутствие единства и непоследовательность в таком представлении (то два парных по виду глагола в начале словарной статьи, то один, соответственно то одна словарная статья на видовую пару, то две), во многих случаях неразличение не парных по виду однокоренных глаголов, отсутствие указаний на двувидовость, наконец, отсутствие эксплицитных характеристик по виду. Ср., например, в указанной выше статье глагол *ведет* и в качестве одной из его словоформ словоформы другого глагола – *повело*. Ср. также, например, *калякать* и *покалякать* в одной словарной статье (2,л.2) и отдельную статью "Покалякать" (3,л.62); заголовочное слово и толкование его значения в словарной статье "Провякать" (3,л.89), см. также словарные статьи "Корючить" (2,л.28), "Ска'яться" (4,л.13) и многие другие.

Другим недостатком является смешение возвратных и невозвратных глаголов, например, *разломиться* и *разломать* в словарной статье "*Разломиться*" (3,л.100,об.), *ругать* и *ругаться* в словарной статье "*Руга'ть*" (3,л.108,об.) и т.д.; см., например, также словарные статьи "*Разлопа'тить*" (3,л.100,об.), "*Выбегать*" (1,л.56,об.) и многие другие.

В некоторых случаях заголовочный глагол дается не в начальной форме. Отсутствие эксплицитных грамматических характеристик иногда затрудняет отграничение этих форм от слов других частей речи. Приведем примеры: *смекай (Ярен.) смотри* (4,л.6,об.) – повелительной наклонение; *не слети (Вол.) не ври, не говори пустого* (2,л.93 об.); *талу'й (Ник.) шали, проказь* (4,л.42); *поиванилось (Кадн.) собралось много Иванов* (3,л.61); *не изайде'тся ли (Вол.) не будет ли милости подать что-нибудь* (2,л.91); *нейме'тся (Кадн.) не думается, не чувствуется, продолжает старое* (2,л.91); *запорученный (Вол. Кадн. Тот. Вел. В-Уст. Сол.) запросватанная, сговоренная (невеста)* (1,л.126) – по-видимому, причастие от *запоручить* (1,л.126,об.); *изукрашенный* (2,л.5).

В целом же нельзя не признать, что грамматическое представление глаголов с их самой сложной из всех частей речи парадигматикой на базе в основном начальной формы невыразительно и недостаточно. Эта недостаточность осложняется указанными недостатками.

Имена прилагательные

Широко разветвленная система форм имен прилагательных, однако, четко организована, исключая, правда, образование кратких форм и форм сравнительной степени. При этом прилагательные легко узнаваемы по своей начальной форме, а также по сочетаниям их с существительными в иллюстрациях. Эксплицитные грамматические характеристики если и требуются, то лишь в указанных выше случаях и там, где необходимо отграничивать прилагательные от слов других частей речи. Видимо, по этой причине эксплицитные грамматические характеристики прилагательных в Словаре, по нашим наблюдениям, имеют место лишь в шести словарных статьях – шесть характеристик по частеречной принадлежности: *воложный (Повс.) (прилаг.)* (1,л.49,об.) (помета связана с желанием отграничить прилагательное от упоминавшегося выше существительного *воложное)*; *басенький (Ник.) нарядный, красивый (прилаг.)* (1,л.11,об.); *кня'зевой, князе'вой, кня'жеской (Повс.) (прилаг.)* (2,л.19); *кня'жий, княжой (Повс.) Прилагательное от князь, т.е. жених* (2,л.19); *омутко'вый (прил.) пустой, вздорный, враль (о человеке) и пустопорожний, глухой, безплодный (о месте)* (2,л.17); *сорвиголовый (Кадн. Вол. Гряз. Вел. Тот.) Прилагательное от сорви-голова* (4,л.24,об.). В двух случаях грамматическая характеристика входит в определение значения слова.

Нередко при отсутствии эксплицитных грамматических характеристик, особенно при включении в определение значения имен существительных, только иллюстрации помогают определить принадлежность слова к прилагательному: *Тёмный, Темно'й (Повс.) Неграмотный, худо знающий человек. Я ведь человек темный, ничего не знаю (Свящ. Попов)*...(4,л.47); *Ба'лмошной, Балмошный (Кадн. В-Уст. Вол. Гряз. Ник. Сол.) Сумасбродный, безрассудный, недоумок. Разе не знал, что такая балмошная и есь (есть)* (1,л.10).

В единичных случаях в позиции заголовочного слова встречается компаратив. При отсутствии эксплицитных грамматических характеристик только примеры и в меньшей мере определение значения позволяют отнести его к прилагательному или наречию. Именно на этих основаниях формы сравнительной степени *попристаляя (Тот.) 'поприличнее' (Все попристаляя гостиница-то им привезешь*) и *бережее (Ник. Сол. Кадн.) 'бережливее, расчетливее, скупее'* (1,л.17) относятся к прилагательным, в то время как *бережняе (В-Уст. Тот.) 'бережнее, ближе к берегу'* (1,л.17) и *бережнее II (Сол. Яр. Усть) 'около берега, недалеко от берега' (Ступайте бережее и найдете их за лесом)* правильнее отнести к наречиям.

Нельзя не отметить, что эксплицированные в словарных статьях словоформы обнаруживают особенности образования словоформ сравнительной степени.

Можно также говорить о представлении в Словаре деления прилагательных на качественные и относительные, однако лишь за счет толкования значений: качественные прилагательные узнаются по употреблению в определе-

ниях значений синонимичных качественных прилагательных, осуществляющих перевод слова на литературный язык, а относительные – по формуле "относящийся к тому, что названо производящей основой". Например: *кужлеватый – кудреватый* (2,л.37,об.); *курослепый – близорукий* (1,л.41,об.); *лобастый – имеющий большой лоб, большелобый* (3,л.49) (показателем является и суффикс -аст); *бережный (Яр) – береговой, на берегу или у берега находящийся* (1,л.17).

Таким образом, представление прилагательных в Словаре в целом отражает их грамматически признаки.

Наречия

Наречия не обладают системой форм словоизменения (исключая формы степеней сравнения), но они совпадают по своему внешнему оформлению с разными частями речи и в связи с этим значительно чаще, чем слова других частей речи, имеют в Словаре эксплицитные грамматические характеристики, которые указывают на их частеречную принадлежность. При значительно меньшем их количестве по сравнению, например, с глаголами, они имеют значительно больше эксплицитных грамматических характеристик, чем глаголы и прилагательные, – 17 характеристик в 17 словарных статьях: *бугра' (Уст), употребляется как наречие: много, очень много* (1,л.30); *валом (Вол) Нар. Без разбору, без сортировки, все разом, гуртом* (1,л.35,об.); *гольем, голью (Кадн. Вол. Гряз. Тот.) нар. Получить что натурою, также съесть что-либо без хлеба и соли* (1,л.69,об.); *до'встани, до-вста'ни (Кадн.) Нар. Ранним утром* (1,л.84); *до'длинно; живё'хонько; мотокой; о'бодень; подпола'вочью, скрута* и др. Любопытно, что из эксплицитных грамматических характеристик больше половины приходится на слова первой тетради (не первой по времени завершения). То же можно сказать и применительно к существительным. Нельзя согласиться с включением в число наречий слов *небось (Нар) (Повс.) 'может быть, авось, по всей вероятности'* (3,л.94); *тово, тово'нока, тово'нака (Повс.) 'Наречие, означающее побуждение к чему-либо'* (4,л.46,об.); *проща'й, проща'ем звали (Волог) 'В виде наречия отрицания у мелочных торговцев'* (3,л.94).

И все же бóльшая часть наречий не имеет эксплицитной грамматической характеристики. В этих случаях повышается значимость определений значений и примеров. Ср.: *Воло'жно (Повс.) Жирно, масляно, сдобно. Жни поналожнее, поешь помолжнее* (1,л.49,об.).

Местоименные слова

Местоименные слова не получают в Словаре эксплицитных грамматических характеристик как местоименных слов, однако легко узнаются и сами по себе, и с помощью толкующих их значение местоимений. Частеречная при-

надлежность местоименных слов в нескольких случаях указана лишь у местоимений-наречий: всякома *(Тот. В-Уст.) тоже, что всяковски* (1,л.54,об.); всяковски *(Повс.) наречие: всяко, всячески, во всяком случае, все же* (1,л.54,об); елана *(Гр.) вон там* (1,л.94,об.); тамо *(нар) Там, вон там* (4,л.99,об.) и др.

Укажем еще несколько местоименных слов, не имеющих уже частеречной характеристики; *Кой, коя, кое (Повс.) Который, которая, которое* (2,л.20,об); *колькой (Кадн. Тот. Ник. Вел. Уст. Яр.)* (2,л.24,об.); *койды (Вел.) куды* (2,л.21); *и'нде (Повс.) тут, там, мало* (2,л.6); *ино' (Повс.) иногда, тогда* (2,л.6); *позавсё, позавсегда* (3,л.61); *коегодни (Кадн) недавно* (2,л.20).

Служебные слова

Предлоги, союзы и частицы представлены в Словаре без эксплицитных грамматических характеристик. О принадлежности слов к тому или иному классу можно судить лишь по эквивалентным словам в определении значения и по примерам. Служебные слова по своим функциям и значениям грамматичны, и с точки зрения отражения в Словаре грамматической системы существен их состав.

Предлоги:

до (Яр.) 'на, за': Сделай это до два раза (1,л.83); *по-за (Повс.) 'мимо': по желобу* (3,л.61); *промежду (Повс.) 'между, промеж'* (3,л.90,об.) и др.

Союзы:

але (В-Уст) 'или' (1,л.6); *али (Тот. Кадн. Вел. Уст. Гряз. Соль (Яр) 'или'* (1,л.6); *белещо (Вол.) 'тем более что'* (1,л.17.); *даром...II (Повс.) 'хотя и, пусть, пускай'* (1); *дока'месь, дока'м, дока'мь, докамече (Повс.) 'пока, до тех пор, до той поры'* (1,л.85); *и'нда (Тот.) 'даже, так что'* (2,л.6); *кабыть... 'к тому же, при том же, тем более что'* (2,л.9); *только (Вол. Кадн.) 'если, коли'* (4,л.48) и др.

Частицы:

аленьки, ась (Кадн. Вол. Гряз.) 'чего, что' (1,л.6); *будто (Повс.) 'в смысле точно, ведь'* (1,л.30); *лишо 'лишь бы, едва, только что'* (4,л.49); *натка, нако (Повс.) 'возьми, бери...'* (2,л.89); *неужели, разве* (2,л.94,об.); *эво (Ник. Уст. В-У. Яр. Тот. Вел) 'вот'* (4,л.95,об.); *эвонде (Ник. Тот. В-Уст.) 'вон'* (4,л.99,об) и др.

Модальные слова

Модальные слова в Словаре также не имеют эксплицитных грамматических характеристик и узнаются по значению, по эквивалентным словам в определениях значений, по примерам. Их состав и семантика также отражают грамматическую систему говоров. Укажем некоторые из них: *барте', барьте (Кадн. Тот. Ник.) 'пожалуй, пусть, пускай, ну, ладно, бишь'* (1,л.65,об); *може*

(Кадн.) 'может быть' (2,л.89); нашко *(Кадн. Ярен. В-Уст. Тот. Гряз.) 'конечно, правда, точно, авось'* (2,л.95); поди *(Вол. Гр. Кадн. Тот. Ник.) 'пожалуй, вероятно, наверно'* (3,л.56).

Названные модальные слова выражают определенные значения достоверности. Однако в Словаре при толковании служебных и модальных слов в одном определении нередко соединяются значения разных классов слов. В какой-то мере это может быть связано с той или иной недифференцированностью таких значений в самих говорах.

Междометия

В Словаре представлены императивные, эмоциональные и этикетные междометия, при этом только первые получают эксплицитную грамматическую характеристику и, вероятно, потому, что она с необходимостью входит в толкование значения. Междометия других разрядов узнаются по их литературным синонимам в определениях значений. Назовем некоторые междометия: Борозкой *(Вел.) Междом., которым во время пашни заставляют лошадь идти бороздой* (1,л.25); Киш, кыш *(Кадн. Гряз. Вол. Тот.) Междометие для согнания с места, прогнания от куда-либо кошек и в особенности птиц* (2,л.17,об.); Ксы, кси *(Ник. Тот. Кадн. Вел. Вол. Гр.) Междометие. Так кричат на коров, лошадей, овец, когда их гонят, загоняют куда-нибудь* (2,л.37); Рюх-рюх *(Кадн.) Междометие, которым кличут свиней* (3,л.111); ми'рово, ми'рово ли *(Сол.) Вишь ты! Вот оно что. Восклицание, когда очень много чего-либо дано или сделано* (2,л.64,об.); Здоро'во *(Вол. Кадн. Тот. Ник.) Здравствуй* (1,л.135); Пасибо *(Волог.) Спасибо, благодарю* (3,л.36,об.).

Подведем итоги. Грамматическая система вологодских говоров получила в Словаре П.А.Дилакторского определенное, по-видимому, в целом достаточное представление. Однако эта оценка не относится к представлению в Словаре ее особенностей: грамматические особенности слов, их парадигм, словоформ не получают в Словаре сколько-нибудь систематического представления, случаи их показа редки.

В грамматическом представлении слов составитель крайне редко прибегает к эксплицитным грамматическим характеристикам, в частности к грамматическим пометам, и опирается прежде всего на начальные формы заголовочных слов, которые должны нести для русского читателя Словаря и несут необходимую грамматическую информацию. В меньшей мере используются определения лексического значения, особенно с помощью эквивалентных литературных слов, и иллюстрации. В определенных случаях необходимости иногда даются и эксплицитные грамматические характеристики. Способ грамматического представления с опорой только на начальную форму существенно ограничивает такое представление, особенно применительно к глаголам с их большим количеством категорий и форм и к существительным. В результате грамматическое представление глагола оказывается очень невыра-

зительным и недостаточным и к тому же осложняется серьезными ошибками. Неплохо представлены в Словаре наречия, а также такие "грамматичные" слова, как союзы, частицы, модальные слова.

Пытаясь дать адекватное описание грамматического представления слов в Словаре, мы ни в коей мере не усомнились в бесценности Словаря, успешно решающего свои главные задачи, и с глубоким уважением относимся к составителю, его личному и гражданскому подвигу.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Даль В.И. О русском словаре // В.Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. т.I. – М.: Русский язык, 1978.
2. Даль В.И. Напутное слово // В.Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. т.I – М.: Русский язык, 1978.
3. История русской лексикографии. Отв. ред. Ф.П.Сороколетов. – СПб.: Наука, 2001.
4. Письма П.А.Дилакторского академику А.А.Шахматову // Вологда: Краеведческий альманах. Вып.2. – Вологда, 1997. – с.643-679.
5. Васильева Е.З. Принципы составления «Словаря областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении» А.О.Подвысоцкого // Слово в народных говорах Русского Севера. – Л.: ЛГУ, 1962.
6. Нефедов Г.Ф. О.А.Подвысоцкий и его словарная работа // Слово в народных говорах Русского Севера. – Л.: ЛГУ, 1962.
7. Кузнецова О.Д. Архангельский словарь А.О.Подвысоцкого // Русская речь. – 1974. – №1.
8. Словарь русских народных говоров. – М.-Л.: Наука, 1966.

НАРОДНОЕ СЛОВО В КОНТЕКСТЕ ВРЕМЕНИ*

А. А. Веселовский

ПИТЬ и *БИТЬ*
(из местного словаря)

Не тот пьян, кого двое ведут, третий ноги переставляет[1]*, а тот пьян, кто лежит – не дышит, собака рыло лижет, да он, хоть и слышит, а сказать не может: «Циц!».*
(стар. русск. пословица)

И зачали они драться. Кто кого: в су'сало, в ню'хало, в циферблат, в циммерман.
(стар. анекдот)

Количество слов, выражающее понятие ПИТЬ (*разумею* – алкоголь) и БИТЬ и разные оттенки этих понятий было искони велико в русском языке. Богато оно и в вологодском говоре.

Привожу слова, встречающиеся в Словаре областного вологодского наречия, составленного покойным краеведом П.А. Дилакторским, рукопись коего мне основательно довелось проштудировать: *чири'чить* – 'пить помаленьку', *жу'чкать, дры'згать* – 'пить водку', *гро'хнуть, ю'хнуть* – 'пить сразу', *чиха'рничать* – 'пить за чужой счет', *зазыри'ть* – 'пить с жадностью', *зашиби'ть* – 'редко, но сильно пить', *дуди'ть, дули'ть* – 'пить через меру', *тури'ть, затурова'ть* – 'пить запоем'.

От легкого *обмы'ть копы'тца*, когда человек уходит домой с пирушки слегка *под турахом* (*в го'лову попа'ло*), сознательно *оста'вив посте'льку* хозяину, чтоб утром *промочи'ть в го'рле*, много стадий до *напо'я* с тяжелой *ро'схмелью*.

'Опьянеть' выражается словами: *зашма'рить, нато'ркать, остекле'ть, ошурова'ть, рассолоде'ть, назы'риться, назы'каться, нализа'ться, налимо'ниться, назвони'ться* и *насобо'роваться*. И зовут такого пьяненького *зю'зей*.

Следующая стадия – 'пьянствовать' – *заколобродить, закатывать, загуливать, забра'жничать, зыри'ть, чуры'шничать* и специальное: *некру-*

---

* Статьи данного раздела, за исключением статьи Н. С. Семовской, подготовлены при финансовой поддержке РГНФ, проект 03-04-00316а «Словарь вологодских говоров».

[1] Это называется пьянство с поведением.

ти'ться – 'пить во время набора'. Таких пьяниц величают *запиво'ха, запито'ха, зауга'р, лака'ло, забулды'га, прога'р, моту'шка каплю'жник* (*горький*), *прога'ль, пропито'ха* и *ры'ло пога'ное*[1].

Пьянство обязательно соединено с дракой – *мордобо'ем*. Переходим к глаголу *бить*.

Понятие 'бить' еще богаче выражено в народном лексиконе и имеет еще больше оттенков.

Во-первых, можно: *трепену'ть, тре'снуть, то'кнуть, ва'рнуть, жегану'ть, козырну'ть, вя'кнуть, ля'пнуть, сви'снуть, ерыкну'ть, садону'ть, хря'снуть, хо'знуть, хлобы'снуть, паздё'рнуть, деря'бнуть, вы'тянуть, чи'кнуть, ба'цнуть, мя'кнуть, ожерави'ть, окозве'чить, тю'тю дать, дать суни'ло, сухаря' поднести', тулумба'са дать*, т.е. 'ударить, колонуть' (как в частушке поется: *милого колонули стуликом*).

Но можно не только *потю'шкать, покуля'шкать*, а и серьезно: *чихво'стить, дуть, колошма'тить, крести'ть, бу'згать, лимо'нить, ломыса'ть, лощи'ть, меси'ть, оха'живать, комуши'ть, котоши'ть, ту'згать, пази'ть, жва'рить, тру'па'ть, дуба'чить, взбу'чить, взбузова'ть, взбутете'нить, прикура'шить, прихо'зать, охоботи'ть, названи'ть, рвань зада'ть, трезво'ну зада'ть*, т.е. 'основательно бить, колотить'.

Но все это понятия общие, а вот подробности:

Можно *руково'дствовать* – 'давать волю рукам', *лупсова'ть, зауша'ть, чига'ть* – 'давать пощечины', *взвошить, тереба'шить, теребнуть* – 'оттаскать за волосы', *колону'ть, козля'кнуть* – 'ударить кулаком'. Можно и просто 'дать встрепку' – *сво'роб начеса'ть*.

Ударить можно всяко. *Оде'ть* – просто 'ударить'.

Ошма'рить, ошара'шить, резну'ть, полосну'ть, чупры'снуть, швари'ть, хвати'ть, причасти'ть, отходи'ть кулака'ми, поря'дком-то'лком попо'тчевать – 'сильно ударить, здорово отколотить', *избузова'ть, каты'шкать* – 'чуть ли не до смерти'.

Всякий сорт побоев имеет свое наименование. *Охлебё'ска, охлобы'стень, трезво'н, тря'мза, суми'ло, суходу'шина, бух, туцва'н, тю'тя и бо'танцы* – 'удар, колоток'

Стукма'нка, стумату'ха, столбуха – 'сильный удар'.

Лещь, кыкы'рыши, стаму'ха, мусля'нки, лы'ча – 'оплеуха'.

'Удар по затылку' – *подзаты'льник*.

---

[1] Скажу кстати, что *пи'тера* 'напитки' однообразны: *винцё* – 'водка', *бо'танец* – 'водка на малине для дам' и *пи'во*. Деревенское пиво имеет много названий: было пиво *перва'ч, по'лпивцо*, коварная *двоесва'ра* – 'дважды сваренное с хмелем', был и второй сорт *брюходу'й, брандахлы'ст, другода'н, друга'н, пешни'к*, и, наконец, третий – *жиде'ль, ива'шко, ива'нушко* (*бурдома'га, а не пи'во*).

'Удар в бок' – *по'бочень.*

'Таска за волосы' – *терёбка.*

Общее же наименование – *трёпка, потасо'вка,* а спец ставит фонари под глазом противника и именуется *глазоби'тным.*

Это богатство синонимов (подобозначащих слов) в русском языке должно привести в восторг любого специалиста филолога-языковеда, простого же культурного человека наводит на грустные мысли. Хороша была жизнь, создавшая подобный лексикон!

Можно только пожелать, чтобы с обновлением жизни эти слова забылись (пусть их, разумеется, пока ученые запишут, они любопытны) и заменились новыми культурными словами, отображающими возрожденную и очищенную жизнь.

20 ноября 1928 г. Старый Этнограф

ПРИМЕЧАНИЯ

Литературовед и библиограф А.А. Веселовский, с 1920 г. живший в Вологде, активно включился в краеведческую работу по изучению Вологодского края. В сферу его интересов помимо занятий библиографией вошло изучение местного фольклора и этнографии. И, естественно, фольклорные и этнографические исследования привлекли внимание ученого к диалектной лексике. Обобщая и оценивая результаты работы вологодских краеведов по сбору диалектной лексики, он, ранее не специализировавшийся в области лингвистики, дает объективную оценку их деятельности. Осмысление собранных предшественниками материалов (прежде всего материалов П.А. Дилакторского) приводит его к попытке создания тематического словаря (ВГИАХМЗ. Ф. 157. Оп. 1. Д. 131). Это, по-видимому, одна из первых работ такого рода. Труды, специально посвященные исследованию диалектной лексики, в которых описывались тематические и лексико-семантические группы слов появляются лишь в 30-е гг. XX в. (История русской лексикографии. СПб., 2001. С.529). А сама задача составления тематических словарей (по каким-либо определенным разделам лексики, по отдельным лексико-семантическим группам, по тематическим пластам лексики) и в настоящее время остается актуальной. (ИРЛ, 536-537).

А.А. Веселовский, рассматривая диалектный язык в «этнографическом» аспекте, прежде всего обращал внимание на выражение в нем народных понятий (A.W. Источники краеведения. Вологодский говор. // Кооперация Севера. Вологда. 1923. № 6-7. С. 116). Ученый, по-видимому, предполагал описание выявленных им тематических групп, позволяющее с опорой на языковой материал установить существенные для вологодского крестьянина представления, свидетельствующие о его материальной и духовной жизни, его миропонимании.

Публикуемая статья представляет собой описание двух тематических групп из упомянутого выше словаря. Статья, написанная в 1928 г., хранится в архиве ВГИАХМЗ (Ф. 157. Оп. 1. Д. 131. Л. 43-44. Машинопись). Она свидетельствует о том, что А.А. Веселовский начал такое «лингво-этнографическое» описание. Показательно, что статья подписана не как обычно – A. W. или W., а «Старый Этнограф». Очевидно, при ее создании для автора был более важен не собственно лингвистический аспект, а то, что сообщает о быте и нравах вологжан народное слово. Следует, однако, отметить, что целый ряд приводимых А.А. Веселовским лексем не являются собственно

вологодскими – они носят общерусский характер (нализаться, налимониться, зюзя, треснуть, ляпнуть, свистнуть, хрястнуть и др.)). Такие слова составляют примерно пятую часть среди всех описываемых им слов со значением 'пить' и 'бить'. Большая часть из них включена автором статьи в приводимые списки вслед за П.А. Дилакторским, словарь которого явился для А..А. Веселовского основным источником анализируемой диалектной лексики.

Статья, по-видимому, готовилась для местной периодической печати, где А.А. Веселовский неоднократно печатал свои краеведческие заметки.

При подготовке статьи к публикации были устранены единичные опечатки, внесены некоторые пунктуационные изменения, унифицирована система подачи лексического материала.

При отсутствии указания на ударение в диалектных словах оно устанавливалось по рукописи Словаря П.А. Дилакторского (привлекались также данные картотеки Словаря вологодских говоров) и соответствующий знак вводился в текст статьи.

Публикация подготовлена к печати *Л. М. Козневой.*

*Н. С. Семовская**

Описание лексики говора села Пежмы Вельского района Архангельской области

Село Пежма расположено на р. Пежме, притоке р. Ваги, в юго-западной части Вельского района Архангельской области, в 23 км к югу от районного центра; эта часть района граничит с Вологодской областью. В основу описания говора с. Пежма положены материалы нескольких экспедиций (1948 – 1954). В это время в Пежме проживало 159 человек, она была центром сельсовета, там располагались семилетняя школа, клуб, два магазина, библиотека, детский сад и медпункт со стационаром и родильным отделением.

Долгая историческая обособленность района, в котором находится исследуемый говор, его отдаленность от экономических и культурных центров страны, от железной дороги сделали район своеобразным «заповедником» старинных обычаев, старинного языка. Поэтому живой словарь говора содержит большое количество слов, архаичных с точки зрения литературного языка.

Ва́га, -и, ж. *Рычаг, которым поднимают тяжесть*. Ср.: укр. **ваɣа** – *тяжесть*, чешск. **vaha** – 1. *Вес, тяжесть*; 2. *Весы.*

Бере́мё, -я, ср. *Охапка* (здесь мы встречаемся с русским полногласием). Ср.: чешск. **břimě**, рус. лит. **бремя**.

Ба́ять, нсв. *Говорить*. Ср.: словацк. **bajka** – *басня*, чешск. **baj** – *миф*.

---

* Статья подготовлена по материалам дипломной работы автора, выполненной в МГУ под руководством проф. Р. И. Аванесова.

Ве́ред, -а, м. *Фурункул*. Ср.: чешск. **vřed, vřiden** – *прыщик*; рус. лит. **вред** – церковнославянизм с переосмыслением.

Встре́ту, нареч. *Навстречу*. Ср.: словацк. **ústretu** – *навстречу*.

Глы́за, -ы, ж. *Кусок, глыба*. Ср.: чешск. **hlí'sa** – *клубень*.

Годи́ть, нсв. *Метить, попадать в цель*. Ср.: чешск. **hoditi** – *кинуть в цель*.

Доло́нь, -и, ж. *Ладонь*. Ср.: дрр. **долонь**, ссл. **длань**.

Корча́га, -и, ж. *Большой гиняный сосуд в форме горшка ёмкостью 1 – 1,5 ведра*. Ср.: словацк. **krčah** – *большой горшок для молока*.

Ла́дить, нсв. *Делать, исправлять что-либо*. Ср.: чешск. **laditi**, словацк. **ladit'** – *настраивать музыкальные инструменты*.

Ора́ть, нсв. *Пахать пашню*. Ср.: былинное **оратай, ратай** – *землепашец*.

Поня́ть, св. *Взять с собой*. Ср.: дрр. **поѦти** – *взять с собой*.

Почать, св. Начать. Ср.: дрр. **почѦти** – начать.

Ряд слов, отмечаемых как архаизмы, в живом словае говора отнюдь не устарели, здесь они живут. Однако некоторые слова уже выходят из употребления. Так, например, слова *глыза, долонь* и некоторые другие можно встретить лишь в речи представителей старшего поколения.

Особого внимания заслуживают слова сельскохозяйственной терминологии, гончарного ремесла и ткачества. По всей вероятности, эти слова сохранились в языке с более древних времен, так как мы встречаемся с ними и в говорах других областей, и в других славянских языках.

Бёрдо, -а, ср. *Часть ткацкого станка: деревянная рамка с частой поперечной сеткой из деревянных тоненьких лучинок-планок.*

Кро́сна, мн. *Ткацкий станок*. В словаре Подвысоцкого выстречается **кросно** – *тонкое полотно*. В словарях Даля, Куликовского, в «Опыте...» – *ткацкий станок*. В чешском и словацком языках: **krosna** – *ткацкий станок*.

Куде́ля, -и, ж. *Лен, приготовленный к пряже*. В этом же значении слово встречается в словарях Даля, Куликовского и в «Опыте...» (**кудель**). Указывается и второе, переносное, значение – *кутила, гуляка*. В чешском языке **koudel**, а в словацком **kudel** значат также *лен, приготовленный к пряже*.

Мотови́ло, -а, ср. *Инструмент для перематывания ниток в мотки*. С таким же значением мы встречаем это слово в словарях Подвысоцкого и Даля. В чешском и словацком языках (**motovilo**) значение то же.

Па́чеси, мн. Очески льна, из которых приготовляется грубая ткань (пачесина). В словарях Даля, Куликовского и в «Опыте...» слово встречается в том же значении. В чешском: **pačes** -- 1) *Очески льна*. 2) *Растрепанные волосы*.

Пре́дено, -а, ср. *Пряжа в мотках*. В словарях Даля, Куликовского и в «Опыте...» слово встречается в том же значении (арх.). В чешском и словацком языках (**předeno, pradeno**) это «моток ниток пряжи».

В основной словарный фонд говора входят также слова, обозначающие названия предметов, неизвестных в более южных областях.

Бура́к, -а́, м. *Большая с двумя ручками корзина для сена, белья и проч., сплетенная из сосновой драни.*

Бурёшка, -и, ж. *Берестяной сосуд с деревянным дном и деревянной крышкой.* В некоторых архангельских говорах и в Сибири его называют **туес**.

Голти́на, -ы, ж. *Тонкая сосновая дрань.* Употребляется для плетения корзин (**голти́нниц**), бураков; ею же иногда покрывают крышу.

Коло́дка, -и. ж. *Желобок для стока воды у внутренних зимних рам.*

Муто́вка, -и, ж. *Сосновая палочка с оставленными на одном конце сучками в виде рожек для размешивания теста, сбивания масла и др.*

Эти слова встречаются и в других говорах, но преимущественно в северных.

При сравнении словарного состава говора с. Пежмы и других говоров можно выделить слова, которые в различных говорах звучат одинаково, но обозначают разные понятия.

Азя́м, -а, м. *Длинная летняя одежда в виде широкого пальто из грубого сукна или домашней шерсти.* Иногда надевается и зимой на полушубок (для защиты от дождя и снега). Такое значение это слово имеет в архангельских, владимирских, пермских говорах. Но в саратовских и курских говорах **азям** – *волчья или лисья шуба*, в астраханских – *овчинный тулуп.*

Бабу́шка, -и, ж. 1. *Детская игрушка* (в архангельских, вологодских и кировских говорах). 2. *Пятна от натуральной оспы* (в новгородских говорах). 3. *Всякая болячка у детей* (в псковских говорах).

Вы́шка, -и, ж. 1. *Чердак* (в архангельских, кировских, пермских и в большинстве сибирских говоров). 2. *Полка, прикрепленная к стене близко к потолку* (в казанских говорах).

Завбр, -а, м. 1. *Ворота в поле или огород* (во владимирских, вологодских, ярославских говорах). 2. *Крутой берег реки или озера* (в псковских говорах).

Иса́да, -ы, ж. 1. *Песчаная отмель на реке* (в архангельских, вологодских, пермских говорах). 2. *Пристань, базар* (в астраханских говорах). 3. *Спуск или съезд с берега на лед* (в костромских говорах).

Корча́га, -и, ж. 1. *Большой глиняный сосуд в форме горшка* (в архангельских говорах). 2. *Круглая яма, образованная самой природой* (в чкаловских говорах).

Ла́вина, -ы, ж. 1. *Доска или бревно, переброшенное для перехода через канаву, реку, лужу* (в архангельских говорах). 2. *Квасная гуща* (в калининских говорах).

Не менее интересно выглядит сравнение лексики описываемого говора с лексикой других славянских языков. Целый ряд слов и в говоре, и в языке, взятом для сравнения, происходят от одних и тех же корней, а иногда и звучат одинаково. Преимущественно это сельскохозяйственная и ремесленная терминологическая лексика и названия родственных отношений, слова с общими корнями встречаются и в нетерминологической лексике (например, в говоре **льзя** – *можно*, в чешском языке **lze** – *можно*, в русском литературном

языке **нельзя** и др.). Есть много слов, встречающихся только в описываемом говоре и в других славянских языках, но не употребляющихся в говорах центральных областей. Есть слова, имеющие общие корни, но разное значение. Список может быть дополнен следующими словами.

Горóховище, -а, ср. *Гороховое поле.* Ср.: чешск. **hrachovišt** , словацк. **hrachovisko** – *гороховое поле.*

Горóховина, -ы, ж. *Стебель гороха.* Ср.: чешск. **hrachovina** – *стебель гороха.*

Грáбить, нсв. *Грести сено граблями.* Ср.: чешск. **hrabati**, словацк. **hrabat´** – *грести сено граблями.*

Грабловúще, -а, ср. *Ручка грабель.* Ср.: чешск. **hrabišt** – *ручка грабель.*

Гýба, -ы, ж. *Пластинчатый гриб* (в других говорах – *всякие грибы*). Ср.: чешск. **houba** – *гриб всякий.*

Дожúнки, мн. *Окончание жатвы.* Ср.: чешск. **dožinky** – то же знач.

Жнúва, -ы, ж. *Период жатвы.* Ср.: чешск. **žnivo** – *несжатое поле.*

Избá, -ы´, ж. *Часть дома, кухня; дом.* Ср.: чешск. **jizba** – *комната.*

Имéнье, -я, ж. *Имущество.* Ср.: чешск. **im ni**, словацк. **imemie** – *имущество, средства.*

Лáвица,-ы, ж. *Скамья.* Ср.: чешск. **lavice**, словацк. **lavica** – *скамья.*

Ловéц, -вцá, м. *Рыболов, охотник.* Ср.: чешск. **lovec** – *охотник.*

Лонú, **лонúсь**, нареч. *Прошлый год.* Ср.: чешск. **vloni**, словацк. **loni** – *прошлый год.*

Молóченье, -нья, ср. *Молотьба.* Ср.: чешск. **mlačeni**, словацк. **mlaténie** – молотьба.

Тáта, -ы, ж. *Отец.* Ср.: чешск. **tata**, словацк. **tato** – *отец.*

Угóр, -а, м. *Гора, бугор.* Ср.: чешск. **uhor** – *черный пар.*

Цúвца, -ы, ж. *Берестяная трубочка, на которую наматываются нитки для челнока в кроснах* (в др. говорах – **цевка**). Ср.: чешск. **civka** – то же.

Нетерминологическая лексика говора также своеобразна. В ней сохранилось много архаизмов, известных нам по памятникам древнерусского языка: **вдругоря´дь** (*«Бригадúр-от вдругорéдь приходúў, тебя´ úшшот»*), **сéйгод** (*«Па´рень-от се´йгод в шко´лу пойдёт»*), **севóгода** (*«Севóгоды маслýх по поля´нкам мнóго»*), **сéлето** (*«Сéлето трáвы-те хорóши»*), **сéночи**, **назáдь**, **лонúсь**, **лéтось**, **зúмусь**, **вёснусь**, **осенéсь** и др.

Лексика говора отличается образностью и меткостью, в нём много слов, имеющих синонимы в литературном языке: **лесúна** – *дерево*, **молотúло** – *цеп*, **обокóнок** – *ставень*, **сугрéвинка** – *проталинка*, **лéто** – *юг*, **обрю´хнуться** – *провалиться*, **постéльница** – *матрац*, **уклáдка** – *сундук*, **наблю´дник** – *полка* и др.

Образность говора достигается ещё и большей, чем в литературном языке, свободой применения принципов словообразования, ограничусь только указанием на некоторые наиболее бросающиеся в глаза особенности в словообразовании.

Для придания слову или фразе иного эмоционального оттенка наблюдается чаще всего своеобразное и отличное от литературного языка употребление средств и способов словообразования. Для примера приведу ряд отглагольных существительных от слова **рвать**: **рва́нь, сбрвань, сорване́ц, оборва́нец, оборва́нка, оборва́ло, рвани́ще, оборва́нище, рвани́на, оборва́нина**. В этом ряду все слова образованы по принципам, не противоречащим принципам словообразования в литературном языке, но в результате своеобразного «свободного» применения способов и средств словообразования мы имеем ряд слов, которых нет в литературном языке или имеющих в говорах особые значения.

Широкое употребление имеют увеличительные суффиксы (*-ина*, *-ище*), и они также несут на себе экспрессивную нагрузку. Но эти же суффиксы могут образовывать и новые слова: **крашени́на, кошени́на, крошани́на, мешани́на**; **косьеви́ще, граблови́ще** (ср.: *топорище*, *кнутовище* и другие, пришедшие в литературный язык из говоров).

В названиях ягод вместо литературного *-ка* чаще употребляется *-ца*: **брусни́ца, голуби́ца, костени́ца, черни́ца**, но **земляни́ка, моро́шка**.

Заметно в говоре образование отглагольных существительных на *-ай*: **зва́тай, сва́тай** (ср.: *ходатай* в литературном языке).

СПИСОК
лиц, над речью которых производилось наблюдение при изучении говора с. Пежма

Ф.И.О.	Сколько лет	Грамотность	Где работает
Васильевская Мария Дмитриевна	74	нет	колхозница
Коротаева Евдокия Автономовна	86	нет	умерла в 1956 г.
Смолина Манева Андреевна	62	нет	колхозница
Попова Анна Арсеньевна	73	нет	умерла в 1956 г.
Долотова Екатерина Федоровна	74	нет	живет у внука
Самылова Анна Григорьевна	50	да	домохозяйка
Васильевский Николай Алексеевич	50	да	на дорожном строительстве
Селиванов Василий Алексеевич	74	да	колхозник
Селиванова Серафима Ефимовна	72	да	колхозница
Лопатина Лидия Харлампьевна	62	нет	Живет в Вельске
Сухановская Августа Николаевна	54	да	пенсионерка
Майков Василий Петрович	68	да	не работает

ЛИТЕРАТУРА

Аванесов Р. И. Очерки русской диалектологии. – М., 1949.

Базилевский П. И. Собрание слов и особенностей, употребляемых в наречии жителей Архангельской губернии // Отечественные записки. – 1843.

Кузнецов П. С. О говорах Пинеги и верхней Тоймы // Материалы и исследования по русской диалектологии. Вып. 1. – М., 1949.

Мансикка В. О говоре Шенкурского уезда // Изв. ОРЯС. – 1914. – Т. XVII. – Кн. 2.

Орлова В. Г. О говоре села Пермас // Материалы и исследования по русской диалектологии. Вып. 1. – М., 1949.

Трапезников В. Н. Первобытное население Севера России // Известия Вологодского общества изучения северного края. – Вологда, 1913.

Филин Ф. П. Исследования о лексике русских говоров по материалам сельскохозяйственной терминологии // Изв. АН СССР. – 1936.

Шайжин Н. Говоры Прионежья // Северный край. – 1922. – Кн. 2.

Программа собирания сведений для составления диалектологического арласа русского языка. – М., 1946.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. – М., 1935.

Куликовский Г. Словарь областного Олонецкого наречия. – СПб, 1989.

Подвысоцкий А. Словарь областного Архангельского наречия. – СПб, 1885.

Опыт областного великорусского словаря. – СПб, 1852.

Дополнение к опыту областного великорусского словаря. – СПб, 1858.

Чешско-русский словарь. – М., 1947.

Е. Н. Шаброва

Лексика и фразеология народной медицины в современных говорах Вологодской области

Подготовка Лексического атласа русских народных говоров предусматривает исследование тематических объединений лексических и фразеологических единиц на материале различных русских говоров. Изучение таких объединений в севернорусских говорах, в частности, лексики и фразеологии народной медицины, имеет богатую историю. В начале XX века в словарях П. А. Дилакторского и М. К. Герасимова был обобщен обширный диалектный материал по народной медицине, который позже был интерпретирован в исследованиях В. А. Меркуловой с позиций этимологического анализа. Позже лексика и фразеология народной медицины исследовалась по программе ЛАРНГ, в том числе и автором данной статьи (экспедиции в Сямженский, Вологодский и Кирилловский р-ны Вологодской области; 1995 – 2004 гг). Далее представлены некоторые результаты этих исследований.

В исследуемых говорах фиксируются следующие общие названия болезни: *боль, болéзнь, болетóк, недýг, нездорóвье, нéмочь, хворь, хирь*. Большинство этих существительных образовано от глаголов с соответствующим значением: *болеть – болезнь, хворать – хворь, хиреть – хирь* и др. Кроме того, отмечены приставочные образования, построенные по контрастному принципу: сила – отсутствие силы (*мочь – немочь, здоровье – нездоровье, *дуг* 'сила' (ср.: *дюжий*) – *недуг*). Симптоматика заболеваний обозначается устойчивыми

синтаксическими структурами: а) наименованием больного органа как вместилища болезни (*хребтина ноет*), б) безличными конструкциями с употреблением различных глаголов физического действия (*поясину разломило*), в) неопределённо-личными конструкциями, когда причиной заболевания предполагается чей-то злой умысел (*озычали, обурочили*). Эти глубоко архаичные, но устойчивые в русском языке структуры связаны с древнейшей демонологической сферой и сохраняют языческие представления о сущности болезни и причинах её появления.

В русских говорах, по наблюдениям В. А. Меркуловой [1969: 159], содержится более четырёхсот различных наименований болезни. На основании их семантической близости исследователь выделяет несколько лексических групп. Некоторые из этих групп, наиболее значимые для языкового сознания севернорусского крестьянина, широко представлены в исследуемых говорах..

1. Повальная болезнь, эпидемия: *летуха, летучка, мор, перебируха, повертуха, повертушка, поветерье, поветрие*. Большинство этих слов образовано от глаголов со значением движения (*лете́ть – лету́ха, лету́чка, перебира́ть – перебиру́ха*; к этой группе примыкают слова с корнем *-ветер- // -ветр-* (*пове́трие, повете́рье*), так как ветер (движение воздуха), по поверью, может принести заболевание. Интересны образования *поверту́ха* и *поверту́шка*: здесь могут быть обнаружены формально-семантические связи как с глаголом движения *верте́ть*, так и с существительным *ве́тер*: «*Весно́й поверту́шка была́. Поверту́шка? Я отболе́ла, к тебе́ перешло́, друго́й кто заболе́ет – всех переве́рнет*» (Влгд. Сяма); «*Поверту́ха что пови́терье – ви́тер, зна́чит, зара́зу каку́ но́сит*» (Сямж. Монаст.).

2. Болезни, недомогания и травмы, возникающие в результате злого умысла: *уро́к, сгла́з, огово́р, о́зык, призо́р, прико́с, по́рча*. Многие из этих отглагольных имен отражают древнейшие представления о магическом воздействии слова, взгляда или прикосновения: *озы'кать, озыча́ть – о́зык, призо́рить, опризо́рить – призо́р, прико́сить, оприко́сить – прико́с*. Механизм воздействия на человека в результате таких действий подробно описывается информантами: «*Когда́ худо́й челове́к идёт, дак ты сторои́сь, а то прико́с мо́жет быть. Это как если он до тебя' чем доткнётся, дак оприко́сит, боле́ть пото́м бу́дешь*» (Влгд. Сяма); «*Озыча́ли меня' ба́бы. На собра́нье в Ферапо́нтово шла, пла́тье наде́ла, что Па́влик купи́л, а ба́бы вон у Кла́шиного до́ма сиде́ли: Петро́вна, Некра́сиха, да Кла́ша сама́, мно́го. Я не остано́вилась, не́когда бы'ло, только поздоро́валась, а иду́ пото́м, смотрю' – и но́ги не иду́т! Чего́ тако́е сде́лалось? Попошла́ – а всё ху́же и ху́же. Вста́ла постоя'ть у забо́ра, а тут и Ле́бедева меня' догоня'ет. –Ты чего́, Ню'рушка, стои́шь-то? – А вся не могу́! Она́ мне и говори́т: – Шла, дак ви́дела кого́? – А ба́бы на́ши попа́ли. – Поди, и Некра́сиха была́? – Была́. – Дак тебя', ма́тушка, озыча́ли! Ну, иди́ да не обора́чивайся! Пошла́ я, а она́ сза́ди идёт, шёпчет, а пото́м говори́т: «Оберни́сь-ко, де́ва!» – да и пры'снула мне водо́й изо рта. С меня' как чего́ спа́ло, и но́ги пошли́. А Ле́бедева мне пото́м и сказа́ла: «Носи́,*

Ню'ра, булаа́вку желе́зную: наро́ду худо́го мно́го, а ты всё на лю'дях – как бы чего́ не сде́лалось». Дак я стару́ха, а була́вку с той поры' ношу́» (Кир. Борб.).

Большинство названий связано с глаголами физического действия, последствия которого могут быть вредоносными: *повреди́ть – повре́да, прико́сить – прико́с, доспе́ться – доспе́шка, поглуми́ться – поглу́м*. Некоторые из глаголов обозначают достаточно широкий диапазон действий: «*Уро́чат-то как? А вся'ко уро́чат. Шёпчут чего́, или поглядя'т не в путь, а быва́ло, что и под поро́г со́ли насы'плют*» (Кир. Борб.), другие более конкретны по своему значению: оприкосить 'навести порчу прикосновением' («*Прико́лки-те носи́: вздýмает кто оприко́сить, дак если прико́лка-то на тебе́ е́сятко, его́ как всё равно что кольнёт. Вот и замеча́й, кто худо́й-от челове́к*» (Кир. Борб.)), *опризо́рить* 'навести порчу взглядом' («*У Олёхи Жука́ глаза́-ти чёрные, дак боя'лись его́: не дай Бог опризо́рит кого́*» (Кир. Борб.)).

Следует заметить, что в значении «навести (наводить) порчу» чаще используются глаголы речевого воздействия: *озы'кать, озыча́ть, уро́чить, обуро́чить*. Это свидетельствует о том, что в представлениях о магических действиях, служащих причиной болезней, наиболее сильным представлялось воздействие словом.

3. Болезни, сопровождающиеся изменениями кожного покрова. Как отмечает В. А. Меркулова [1969: 159 – 160], эта группа довольно многочисленна в русских говорах. Это народные названия кожных заболеваний (*зуд, чёс, чесо́тка, очёс, почесу́ха, почесу́ля, почесу́лька, почесу́ня, почесу́нька, нуд, нуди́ще, свербёжь, своро́б, своро́бь, своробо́к, своро́бость, коро́ста, парши́, лиша́й, хру́ны, струп* и др.). Во многих из них актуализирован признак кожной болезни, вызывающей сильный зуд: это отглагольные образования с корнями *-чес-* (ср.: *чесать* 'скрести для облегчения зуда' [СРЯ, 4: 671]) и *-сверб- // -свороб-* (ср.: *свербеть* 'саднить, зудеть' [СРЯ, 4: 40]).

К данной группе слов примыкают наименования различных образований на коже. '<u>Чирей, нарыв, прыщ</u>': *болято́к, боля'чка, ве́ред гноева́тик, гнойни́к, гнои́ще, коро́стинка, пупырёк, пупы'ш, пупышо́к, пупы'рь, типу́н, чи́рей, ки́лы* (каменные, кожаные, годовалые). '<u>Опухоль</u>': *балды'рь, болона́, булды'рь, булы'шка, волды'рь, желва́к, желно́, песья'к* 'опухоль на глазу'. '<u>Синяк</u>': *синеви́ца*. '<u>Бородавка</u>': *борода́шка, борода́вица*. В образовании этих названий актуализируются болезненное состояние человека (*болято́к, боля'чка*), цвет образований (*синеви́ца*), наличие отделяемого (*гнойни́к, гноева́тик, гнои́ще*; см. также: *волды'рь* [Ф., 1: 338; КрЭС: 89]), форма (*пупы'ш, пупышо́к, пупы'рь, пупырёк* – ср.: *пуп*; см. также: *булы'шка* – ср.: польск. *bula* 'шишка', лат. *Bulla* 'пузырь, почка' [Ф., 1: 238 – 239; КрЭС, 62], *желва́к, желвь, желно́, жолвь* – ср.: словен. *Želva* 'железа', латыш. *Dzelva* 'припухлость на коже' [Ф, 2: 41]), а также совокупность нескольких признаков (*боло́нь, болона́, болоно́* – ср.: *боло́нь, болона́, болоно́* '1) верхний, молодой, неотвердевший слой древесины под корой дерева; 2) твердая белая плева на мясе' [СВГ, 1: 37]). В эту группу входит также слово *ки́ла* (ср.: *кила́* (прост.) 'выхождение (преимуще-

ственно из брюшной полости) под кожу какого-либо внутреннего органа, грыжа' [СРЯ, 2: 48]). В говорах Вологодской области этим словом именуются различные воспалительные опухоли и нарывы, по суеверным представлениям, появляющиеся в результате чьего-либо злого умысла: «*Возле йхнего дóма нéпошто болтáться. Кил насажáют, дак и мýчайся потóм! Пошёпчет Некрáсиха, дак, поди, кúл-то и насáдит*» (Кир. Борб.) «*Мне Офóнька, я ещё в шкóле учúлась, расскáзывал: «Мы у Дю'ни Плáхинской рéпу таскáли, дак онá услы'шала, вы'шла на крыльцó и говорúт: «Вот щас кúл-от насажáю!» Мы бежáть. А ýтром смотрю' – всю щёку разнеслó! Дак не знáю, что и дéлать. Побежáл на Плáхино, ревлю': «Бáба Дю'ня, это я вчерá рéпу таскáл!» Онá посмотрéла на меня'. «Хорошó, – говорúт, – что сказáлся. Идú домóй, помáжь хорошéнько, и всё пройдёт*» (Кир. Борб.).

Особыое место в данной группе имеет слово *вóлос*. Этим словом именуются «*свищи, холодные нарывы, костоеда* (разрушение костной ткани – *Е. Ш.*) *с сильным отделением гноя, где и предполагались животные, едва видимые глазом, в форме волоса*» [СЧГ: 26]. Причинами появления волоса считаются как неблагоприятные воздействия внешней среды при общем ослаблении организма, так и насылание порчи: «*Знаткú вся'ко рáзное знáли. Если с нúми не по-хорóшему, дак кил насажáют или вóлос пýстят, и мýчайся потóм*». (Кир. Борб.). Лечение этой болезни осуществлялось следующим образом: «*Вóлос-от у меня' у Колю'шки был, дак Лéбедева научúла: «Ты, говорúт, щёлоку надéлай в таз, и пусть сидúт, вóлос-то и вы'йдет». Я надéлала самá, а, вúдно, вóлос-от крéпкой, не выхóдит. Дак я снóва к ей: «Алексáндра Тимофéевна, вóлос-от не прохóдит!» Дак онá самá пришлá, чегó-то пошептáла, прошлó. А как вóлос-от убрáлся, я и не видáла: вúдно, нóчью вы'шел*» (Кир. Борб.) В нем отражаются древнейшие зооморфные представления о болезни [Слав. миф.: 105; 250].

Вторую важную часть данной группы названий составляют наименования эпидемических заболеваний, при которых присходит изменение кожного покрова (*óспа, вóспа, вóспица, сыпь, вéтреница, ветря'нка, корь, корúха, корю'ха, корю'шка, краснýха, золотýха* и др.). Среди них выделяются существительные с древним корнем **-su- // -съp-*: *вóспа, вóспица* «оспа», *вóспина, вóспинка, вы'сыпь, óсыпь, сыпня', сыпýха, сыпýшка, сыпь*. Все эти названия связаны с глаголом *сыпать* (**suti*, **sypati*) [Варбот, 1969: 40-41] и обнаруживают соотвествия в других славянских языках (блр. *сып* 'сыпь', болг. *оспа* 'сыпь', польск. *ospa* 'корь' и др. [Меркулова, 1972: 145 – 147]. На фоне этих образований обособляются наименования с корнем-*шадр-*: *шадрá, шадрúна, шадрúнка* 'оспина'. Слова с этим корнем фиксируются КСРНГ в севернорусских (арх., вят., перм., олон., влгд. и др.) и некоторых среднерусских говорах (яросл., новг., пск.). В этимологических источниках слова с этим корнем часто рассматриваются как заимствования из тюркских языков [Ф., 4: 394], где *шадра* означает 'рябой, пёстрый'. Подобные цветовые параллели обнаруживаются и в других названиях следов оспы: *цвет* [СЧГ: 93], *пéжина* [КСВГ] –

ср.: *пегий* 'с большими пятнами, крапинами (о масти животного)' [СРЯ, 3: 37].

4. Болезни и болезненные состояния, сопровождающиеся жаром и ознобом, различного рода лихорадки: *лихома́нка, лихорадка, трясца́, трясу́ха, трясу́чка, гнету́ха, кумо́ха, кому́ха и др.*. К этой группе слов примыкают наименования различных болезненных состояний (*ломони́на* 'ломота', *шат* 'головокружение', *зноб, знобо́та́, озно́бель* 'озноб', *волоко́та* 'судорога', *огневи́ца* 'горячка'), а также различного рода припадков: *паду́чая, роди́мец, роди́мчик, роди́мое, своё время, клико́та, переполо́х, спо́лох, о́зык, смире́нчик* и др. В основном это производные существительные, внутренняя форма которых отражает симптоматику заболевания (*трясу́ха, шат*), время его проявления (*осену́ха, вёшница*), враждебность по отношению к человеку (*ворогу́ша, о́зык*). Кроме того, встретились существительные с метафорической мотивацией (*огневи́ца*) и названия-эффемизмы (*кому́ха, роди́мое, своё, смире́нчик*).

В названиях других болезней и болезненных состояний отразились названия поражённого болезнью органа (*ма́тошник* 'различные женские болезни', *церёво, черсу́ха, черсу́ня* 'понос' и др.), причины появления (*опа́р* 'опрелости у детей', *мучны́м мешко́м хлестнён* 'о сумасшедшем человеке'), время проявления (*полуно́чница* 'бессонница'), особенности симптоматики (*костоло́мка* 'сифилис', *кровя́тина* 'дизентерия', *нату́га, понату́га, скрепле́нье* 'запор', *неспя́чка, неспи́ха* 'бессонница'), эвфемистически отрицательная оценка болезни ('сифилис': *худа́я болезнь, не́чисть*). Памятники начала XX века описывают множество манипуляций целителя, направленных против этих болезней: *в пару протиранье* 'знахарское лечение, растирание больного в бане' [СЧГ: 30], *вылизывание языком* 'знахарская манипуляция: доставание инородного тела, например, соринки, из глаз языком' [СЧГ: 30], *ломать глаз* 'при глазных болезнях через закрытое веко растирают (массируют) глазное яблоко' [СЧГ: 54], *метать кровь баночную* 'приставлять кровососущие рожки или банки' [СЧГ: 57], *отворять кровь жильную* 'кровопускание из вен' [СЧГ: 65], *окуривать киноварью и травами* 'при сифилисе', *отдирать кожу от черепа* 'захватывать пальцами клок волос, подтягивать кверху при головной боли' [СЧГ: 65], *прощаться с местом* 'при некоторых болезнях нужно припомнить место, где заблел, и сходить проститься с ниим' [СЧГ: 73], *рубить поясницу топором* 'кладут больного на порог дверей и машут топором над обнажённой поясницей с приговорами приревматизме спины' [СЧГ: 78], *сидеть на парах* 'в кадушку с водой опускают горячие каменья, и больной, укрываясь, садится на неё' [СЧГ: 83], *стукать пятками в стену* 'младенца, у которого бессонница, постукивают коленками в пустой хоромине' [СЧГ: 83], *трение поясницей о забор или стенку овина* 'при ревматизме поясничных мышц' [СЧГ: 87] и др.

Разнообразны в исследуемых говорах названия лиц, оказывающих помощь при лечении болезней. Рядом с новообразованиями, появившимися под влиянием официальной медицины (*до́фтор, до́хтур, дохтурица, фе́ршал,*

фершелица, медик, медичка, воспенница) соседствуют традиционные наименования. Среди них производные существительные, внутренняя форма которых указывает на обладание особым знанием (*знаток, знатиха, знахарь, знахарка*), в том числе неблагоприятного воздействия (*ворожея, ворожбунья*), умение облегчать боль заговорами (*забайда, шептун, пухтальница, пухтарка* – ср. *пухтать* 'ворожить, заговаривать' [СВГ, 8: 112]), способность совершать различные манипуляции (*костоправ*). В исследуемых источниках фиксируются общие наименования целительских способностей (*знатьё*: «*Знаток всё умел, он знатьё какое-то знал*» (Влгд. Сяма); *пухтанье* «*Пухтала у нас Таля Гридинская: пошёпчет на воду – всё и пройдёт. А померла, дак кому пухтаньё передала – не знаю*» (Кир. Борб.)) и средств лечения (*зелье, зельце, надобье*).

Исследование лексики и фразеологии народной медицины в ходе диалектологических экспедиций последних лет показало, что в современных вологодских говорах по-прежнему сохраняются многие народные названия болезней и болезненных состояний, реализуются типичные модели описания их симптоматики, а также подробно описываются многие целительские манипуляции. Это свидетельствует о том, что лексика и фразеология данной семантической сферы продолжает играть значительную роль в формировании языковой картины мира сельских жителей.

СПИСОК НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ

Влгд. Сяма. – д. Березник, Кобелево, Сяма Вологодского р-на.
Кир. Борб. – д. Белоусово, Борбушино, Плахино, Гридино Кирилловского р-на.
Сямж. Монаст. – д. Монастырская, Колтыриха, Копылово Сямженского р-на.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Дил. – Дилакторский П. А. Словарь областного вологодского наречия в его бытовом и этнографическом применении. 1903 (ркп.)
КрЭС – Шанский Н. М., Иванов В. В., Шанская Т. В. Краткий этимологический словарь русского языка. – М., 1971.
КСВГ – картотека «Словаря вологодских говоров»
КСРНГ – картотека «Словаря русских народных говоров».
СВГ – Словарь вологодских говоров: Вып. 1 – 9. – Вологда, 1983 – 2001.
Слав. миф. – Славянская мифология: Энциклопедический словарь. – М., 1995. – 416 с.
СРНГ – Словарь русских народных говоров. Вып. 1 - 32. – М., СПб., 1965 – 2004.
СРЯ – Словарь русского языка: Т. 1 – 4. – М., 1981.
СЧГ – Герасимов М. К. Словарь Череповецкого уездного говора. – СПб, 1910.
Фасмер – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: Т. 1 – 4. – М., 1987 – 1987.

ЛИТЕРАТУРА

Варбот Ж. Ж. Древнерусское именное словообразование. – М., 1969.

Меркулова В. А. Народные названия болезней, I: На материале русского языка // Этимология. 1967. – М., 1969. – С. 158 – 172.

Меркулова В. А. Народные названия болезней, II: На материале русского языка // Этимология. 1970. – М., 1972. – С. 143 – 206.

Народная медицина // Программа собирания сведений для Лексического атласа русских народных говоров. Часть 1. – СПб, 1994. – С. 79 – 86.

Л. Ю. Зорина

***Славёны* и *славутники* в традиционной и современной культуре Вологодского края**

Диалектологами Вологодского государственного педагогического университета подготовлен к опубликованию 10-й выпуск Словаря вологодских говоров (далее – СВГ). Этот словарь выходит отдельными выпусками с 1983 года под редакцией Т.Г. Паникаровской. Новый выпуск включает в себя словарные статьи в алфавитном отрезке **Сж – Ся** и содержит материалы общим объемом 14 печ. л.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что в словаре дифференциального типа, каким является (в духе того времени, когда задумывался этот словарь) СВГ, не включающем лексику, общую для диалектов и литературного языка, самой большой по объему представленных материалов является буква **С**. В этих, казалось бы, несколько односторонних, ввиду отсутствия в них общих с литературным языком слов, материалах представлены убедительные свидетельства функционирования в народном языке больших гнезд слов с корнями типа *слав..., собак..., стан..., стар..., скуд..., слаб..., слад..., слеп..., студ..., стук...* и мн. др.

В 10-м выпуске СВГ обнаруживаются слова, вообще отсутствующие в других народных говорах, а также слова с типичным севернорусским ареалом. Иллюстрируем наличие в корпусе словаря целых диалектных гнезд некоторыми примерами: *скляно, склянём, склянёхонько, скляный, склянь; студенец, студеник, студеница, студёнка, студёно, студенья, стужевота; стуколашка, стукманка, стукоталенка, стукотальня, стукоталка, стукотальница, стукоток* и мн. др. Множество слов (такие, например, как *ставец, ставчик, стан, становина, срядиться, сряжаться* и др.) сопровождается добротным иллюстративным материалом.

В новом выпуске СВГ фиксируются обширные синонимические ряды слов, обозначающие такие понятия, какие практически не были отражены в предыдущих выпусках словаря: *скалено, скляно, склинки, склянём, склянёхонько, склянь* – доверху, очень полно, *сувея, сугрёбок, сузём, сулой, сумёт* –

сугроб; *сушка, сущик, сущ, сущец, сущовка* – сушеная рыба; *сухарник, сухопостой, сухопостойник, сухостоина, суша, сушина, сушник, сушьё* – высохшие на корню деревья и мн. др. Отмечены многочисленные факты варьирования диалектного слова (*студёно, студено, стужено*). Многочисленны факты полисемии: *спица* – 7 значений, *справить* - 8, *ставец* – 8, *ставчик* – 10, *стайка* – 7, *славница* – 10, *согра* – 12 и т.д., а также случаи диалектной омонимии – *стан – 3 омонима, станок – 3, становина – 2, ступа - 2* и мн. др.

X выпуск Словаря богат фразеологией, она убедительно демонстрирует национально-культурную специфику: *в ступе не утолкчи'* 'о крепком, здоровом человеке', *со стыдом как с братом* 'о состоянии стеснения, стыда', *сидеть под глибкой* 'иметь незамужнюю старшую сестру', *сидеть на часто'м решете* 'испытывать беспокойство в связи с достижением брачного возраста', *сидеть как на воро'бах* 'волноваться, беспокоиться', *ситечок марковитый* 'о девичьей чести, которую легко запятнать' и мн. др.

Любопытное соединение указанных особенностей словарного материала (варьирование, полисемия, фразеологическая экспрессия и др.) проявляется и при рассмотрении составленных нами словарных статей, посвященных лексемам с корнем *слав-*. Этимологический словарь русского языка М. Фасмера /Ш, 1987, с. 664-665, 680/ связывает по происхождению лексемы *слово, слава, слыть* и выделяет у них общую сему - 'честь, похвала; слух, молва'. Корень данных слов – общеиндоевропейского характера, о чем свидетельствуют приводимые М. Фасмером факты родственных языков. Однако, по мнению автора этого авторитетного словаря, наименование *славяне* «не имеет ничего общего со *slava «слава», которое повлияло в плане народной этимологии лишь позднее» /с. 665/.

Словарная статья *слава* в Словаре вологодских говоров не включает в себя никаких местных, диалектных значений слова, поэтому она представлена только тремя фразеологическими единицами: ◊ *Быть на сла'ве;* ◊ *Жить на сла'ве;* ◊ *Сла'ву приня'ть.* Первая из этих фразеологических единиц демонстрирует распространенное в традиционном укладе деревенской жизни понятие – 'являясь единственной дочерью богатых родителей, быть привлекательной для возможных партнеров по браку':

СЛА'ВА: ◊ **Быть на сла'ве.** *Являясь единственной дочерью зажиточных родителей, быть привлекательной для возможных женихов.* Ты' ведь на сла'ве была', одна' у роди'телей. Тот. Погор. ◊ **Жить на сла'ве.** *Быть широко известным, знаменитым.* Она' ведь ра'ньше на сла'ве жила'. Шексн. Кам. ◊ **Сла'ву приня'ть.** *Опозориться, ославиться.* Сла'у при'мёшь, дак все' лю'дито и узна'ют про тебя'. В-У. Алекс. Вы де'вки-то молоды'е, дак веди'те себя' постро'же. Э'то вам не го'род – жи'во сла'ву при'митё. В-У. Алекс.

Об актуальности понятия 'слава, молва' в жизни диалектоносителей старшего возраста (картотека СВГ составлялась уже в 60-е годы XX века, когда диалектологи работали с информантами, родившимися еще в XIX веке

и унаследовавшими ценности того времени) свидетельствуют и многочисленные производные от слова *слава*, фиксируемые в 10-м выпуске СВГ: *славёна, славница, славнуха, славутич, славутник, славутница, славутничать, славутный, славуха, славник, славница* и др. Полагаем, что данные наименования являются диалектными, поскольку не входят в состав русского литературного языка /СРЯ в 4 т.т./.

Одна из особенностей вологодских говоров – их полидиалектный характер. Именно поэтому, а также в силу устного функционирования говоров варьирование номинаций является вполне закономерным. Словарный материал, оказавшийся в нашем распоряжении, иллюстрирует акцентологическое (*сла'вница / славни'ца*), фонематическое (*славу'тник / слову'тник; славу'тница / слову'тница; славе'на / славёна*) и деривационное (*славну'ха / славу'ха*) варьирование этих наименований.

Однако при всем многообразии наименований и их вариантов в материале СВГ обнаруживается их определенная семантическая цельность. Во всех этих материалах эксплицитно или имплицитно выражены идеи половозрастной характеристики молодого человека и, на их основе, идеи положительной оценки человека. Заметим в связи с этим, что многочисленные исследования, проведенные в последнее время, убеждают как раз в предпочтительном отрицательном оценивании человека в менталитете северного человека /1/ . Покажем выявленный спектр значений на примере словарной статьи, посвященной слову **славница**:

СЛА'ВНИ'ЦА, ы, ж. 1. *Девушка, достигшая брачного возраста.* Она' годо'в восемна'дцать-девятна'дцать, называ'ется сла'вница. Как ты' до свои'х годо'в дошла', так тебя' сла'вницей и зову'т. Тот. Погор. Пошто' э'ту-то де'вку сла'вницёй зову'т? Трина'дцеть годо'в – кака' она' сла'вниця? Сямж. Монаст. Де'вка-та у и'х уж сла'внича – хошь вза'муж отдава'й. Тот. Калин. Хоро'шую де'вку назову'т сла'вничой. Сла'вничи на серёдной ла'вке сидя'т. Ник. Скочк. + Баб., Межд., Сок., Тарн., Хар. Ср. **славёна** *в 1 знач.*, **славну'ха** *в 1 знач.*, **славу'тница** *в 1 знач.* 2. *В старой деревне – дочь зажиточных родителей (чаще единственная), являющаяся привлекательной для возможных женихов.* Де'вка-то она' была' краси'вая, да и у роди'телей одна'. Одева'ли хорошо' - одни'м сло'вом, сла'вница. Тот. Погор. Кало'ши-то бы'ли у са'мой пе'рвой сла'вницы. Сок. Жуpег. У сла'вницы-то у на'шей прида'ного мно'го – хоть щя'с за'муж выходи'. Сямж. Рам. + Верх., Межд., Сок. Ср. **славёна** *во 2 знач.*, **славну'ха** *во 2 знач.*, **славу'тница** *во 2 знач.*, **славу'ха**. // *Девушка, женщина из богатой семьи.* Де'вка хоро'шая, из хоро'шей семьи' да краси'вая, дак сла'вницей и зову'т. Тот. Мос. А вон супро'тив меня' ба'бка-славну'ха живёт. Гряз. Дресв. // *Молодая женщина, недавно вышедшая замуж.* Вида'У сла'Уницу-ту у Петра'? Сямж. Георг. 3. *Красиво и модно одетая девушка, модница.* Сла'вница – э'то де'вка у на'с форси'стая, дак её ещё славну'хой зо-

ву'т. Сямж. Монаст. Вот она' кака'я сла'вница! Сямж. Монаст. И'шь ты, сла'вница кака'я! Тот. Мос. Ср. **славну'ха** *в 3 знач.*, **славу'тница** *в 3 знач.* *Девушка с красивой внешностью, красавица.* Де'Уки на гуля'нье пойду'т, так все таки'е сла'вницы, наря'дные да краси'вые! Сямж. Монаст. Я была' сла'вница – дак и не' было тако'й! Тот. Свет. У тебя' де'вка-та сла'вница, неда'ром все робя'та за не'й ухля'стывают. Сямж. Монаст. + Баб., В-У., Ник. Ср. **славёна** *в 3 знач.*, **сла'вица, славну'ха** *в 4 знач.*, **славу'тница** *в 4 знач.* 5. *Красивая и нарядная девушка, являющаяся распорядительницей, заводилой на празднике.* Сла'вница де'вок пляса'ть выставля'ет. К-Г. Сар. Кото'рая сла'вница де'вка, так та' уж в пе'рвой па'ре идёт. Ник. Полеж. 6. *Девушка, женщина, обладающая многочисленными положительными качествами.* Ой кака'я сла'вница э'та Мари'нка! Всё переде'лает и до'ма, и в огоро'де. Сямж. Монаст. Де'вушка-то кака'я сла'вница была'! Жа'лко, что уе'хала. Сямж. Монаст. До'чь-то моя' настоя'щая славни'ца, по все'й окру'ге сла'вится. Влгд. Сяма. + Верх., Межд., Ник. Ср. **славну'ха** *в 5 знач.*, **славу'тница** *в 5 знач.* 7. Шутл. *Женщина немолодого возраста.* Ра'ньше де'ушок, кото'рые на вы'данье, называ'ли сла'вницами. Сла'вницы на бесе'де дак в су'тний у'гол сади'лись. А сча'с сла'вницами к разгово'рке и стару'х назову'т. Сямж. Монаст. 8. Ирон. *Девушка, женщина, допустившая оплошность, провинившаяся в чем-либо.* Я пришла' и говорю': «Э'ту сла'вницу ты забира'й!» Сямж. Монаст. 9. *Обращение к любой женщине.* Ну, как дела', сла'вницы? Сямж. Монаст. Чё на'до-то, сла'Уничи? Баб. Дем. Погост. 10. *Употребляется как похвала, одобрение тому, кто проявил себя с какой-либо положительной стороны.* Ну и сла'вница! На одни' пятёрки год око'нчила! Сямж. Монаст. Ой да сла'вницы! Бы'стро раскоти'лись! Сямж. Выс. Ср. **славу'тница** *в 6 знач.*

К сожалению, словарная статья не дает возможности показать все семантические переходы, происшедшие и происходящие в смысловой структуре слова. Возможно, даже представится спорным выделение каких-либо оттенков или значений слова как самостоятельных. Однако поддержкой возможности выделения этих значений и их оттенков является то, что все фиксации слова иллюстрируются фактами живой народной речи и для лексикографа-диалектолога предпочтительнее некоторая дробность смыслов, нежели их пропуск.

Как видим, первым значением оказывается значение ‘девушка, достигшая брачного возраста; девушка-невеста’. В поло-возрастной характеристике, разработанной народным менталитетом и отраженной в диалектном континууме северян (мы можем судить об этом по материалам многолетних наблюдений над режским говором Сямженского района), это значение занимает промежуточное положение между значением ‘девочка-подросток’ и значением ‘девушка-невеста, которой по возрасту уже необходимо спешить выйти замуж’ (так называемая *коновни'ца*). Отношение к первой было насмешливым

(*на ку'решной лавке сидели*), но снисходительным, к последней – уважительное, но пристрастное: Ва'лька-то уже коновни'ца, все подру'ги давно' за'муж вы'шли (Сямж. Монаст.); *на часто'м решете' сиди'т*; *под гли'бкой сиди'т*; далее уже – незавидное положение старой девы. В этом ряду положение девушки-невесты – выигрышное, ибо, согласно особенностям возраста, она обладает многими положительными качествами: здоровьем, привлекательностью, умением справиться с работой и проч.

В материалах данной словарной статьи наблюдаем развитие значений слова по следующей цепочке: девушка, достигшая брачного возраста, → единственная дочь зажиточных родителей, являющаяся привлекательной для потенциальных женихов, → красиво и модно одетая девушка, модница → девушка с красивой внешностью, красавица > распорядительница, заводила на деревенском празднике → девушка, обладающая многочисленными положительными качествами → шутл. женщина не молодого возраста → девушка, женщина, допустившая оплошность, → комплиментарное обращение к женщине любого возраста → похвала тому, кто проявил себя с какой-либо положительной стороны.

Семантическую структуру, параллельную приведенной выше структуре, имеют и другие словарные статьи. Иллюстрируем это словарными статьями *славну'ха, славу'тница и славу'тник*.

СЛАВНУ'ХА, и, ж. 1. *То же, что* **сла'вница** *в 1 знач.* Под стужени'цей-то у на'с славну'хи сиде'ли. Гряз. Ваган. Бо'льшая де'вка славну'ха. Сок. Б. Иван. // *Взрослая девушка.* Э'дакая славну'ха, а всё ешшо' ку'клам игра'ет. Сок. Вяз. Де'вки! Славну'хи ведь, а прибра'ть-то не'кому! Сок. Нар. + Влгд., У-К. // *Здоровая, крепкая взрослая девушка.* Все де'вки славну'хи бы'ли. Сок. Б. Иван. 2. *То же, что* **слав'ница** *во 2 знач.* Славну'хи-то вперёд всех за'муж выходи'ли: прида'ного-то во'н ско'лько у ни'х бы'ло. Гряз. Чув. Шля'пки-то славну'хи бо'льше носи'ли. Сок. Чекш. Славну'хи-то са'ми себя' полу'чче счита'ли, а мы' сре'дненько: ни бога'то, ни бе'дно. Гряз. Вохт. + Влгд., Вож. // *Женщина из состоятельной семьи, считавшаяся в молодости богатой невестой.* В Кобелёве две славну'хи живу'т, за ни'х ра'не большо'е прида'ное дава'ли. Влгд. Сяма. 3. *То же, что* **сла'вница** *в 3 знач.* Сла'вница – э'то де'Ука у на'с форси'стая, дак её ещё славну'хой зову'т. Сямж. Монаст. Мо'дниц-то славну'хами называ'ли. Межд. Славну'ха по дере'вне идёт. Межд. Пуст. 4. *То же, что* **сла'вница** *в 4 знач.* Обно'ски носи'ла, а всё славну'ха была'. Гряз. Жерн. Таку'ю-то славну'ху и отда'ли за косола'пого. Сок. Чекш. Ны'не всё де'вки-то каки'ё славну'хи! Лю'бо погляди'ть! Влгд. 5. *То же, что* **сла'вница** *в 6 знач.* В мо'лодости-то я славну'ха была', краси'вая така'я, работя'щая. Влгд. Сяма. 6. *Состоятельная, богатая женщина.* А вон супроти'в меня' ба'бка славну'ха живёт. Гряз. Дресв. Сестра' моя' была' славну'ха. Гряз.

Жерн. // м. и ж. *Состоятельный человек.* Тепе'рь все лю'ди славну'хи. Влгд. Ларк.

СЛАВУ'ТНИЦА и **СЛОВУ'ТНИЦА**, ы, ж. 1. *То же, что* **сла'вница** *в 1 знач.* Ра'ньше ведь по деревня'м посиде'лки устра'ивали. Придём да на за'дний у'гол и заберё'мсё, а на пере'дний-то уж сла'вницы ся'дут. Влгд. Де'вки мно'гие хоть и славу'тницы уж бы'ли, а всё тка'ные пла'тья носи'ли. Влгд. Свет. 2. *То же, что* **сла'вница** *во 2 знач.* Мать у меня' была' слову'тницей. Э'то зна'чит, от хоро'ших роди'телей. Её, э'ту слову'тницу-то, все оберега'ли, пыли'нке не дава'ли на неё упа'сть. За'муж выдава'ли не за лентя'я, а за тако'го же слову'тника, работя'щего па'рня. Хоть она' и слову'тницей была', но зна'ла мно'го. Кир. Ферап. Она' славу'тница была', дак ба'тько ей не разреша'л с на'ми гуля'ть. Вож. Тюрик. Что Ма'рья ба'ёт, что слову'тницей была'? Забы'ла, как в лаптя'х ходи'ла? Шексн. Кам. + Влгд., Ник., Хар. // *Девушка, женщина из богатой семьи.* Слоу'тницы в це'ркви в пере'днем ряду' стоя'ли. Вож. Сурк. 3. *То же, что* **сла'вница** *в 3 знач.* Вот как де'вка наря'дится, так то' и е'сь славу'тница. Хар. Гора. Ина'я-то славу'тница и не пойдёт с худы'м па'рнем. Кир. Ферап. 4. *То же, что* **сла'вница** *в 4 знач.* Де'вка у неё така'я славу'тница, вся в ма'тку. Шексн. Кам. Хоро'шая у тебя' до'чка. Слову'тницей бу'дет. Кир. Торж. Славу'тнича-то на'ша пошла'. Кир. Колк. + Влгд., Хар. 5. *То же, что* **сла'вница** *в 6 знач.* В Пла'хине всё одни' славу'тники да славу'тницы бы'ли. Кир. Борб. Де'Ука краси'вая да роботя'щая, приго'жая – вот и славу'тница. Кир. Борб. Ой ты, ма'тушка ведь Уха'нова умерла'. Ра'ньше ведь была' кака'я славу'тница - краси'вая, до'брая! Кир. Борб. 6. *То же, что* **сла'вница** *в 10 знач.* От молоде'ц, ой обста'вила! От славу'тница! Хар. Тим. 7. Ирон. *Заносчивая, высокомерная женщина, гордячка.* Да вот и Ра'зумова-то тепе'рь слау'тница. Хар. Никул.

СЛА'ВУ'ТНИК и **СЛОВУ'ТНИК**, а, м. 1. *То же, что* **сла'вник** *в 1 знач.* Му'жа-то моёго' слову'тником называ'ли. А вот одного' па'рня-то в семье' и зва'ли, да чтоб семья'-то не бе'дная была'. Кир. Ферап. Ра'ньше кто жил бога'то, их дете'й называ'ли славу'тниками. Кир. Ферап. Ра'ньше всех жени'лись у на'с славу'тники. Де'вки у н'их хоро'шие бы'ли – и бога'тые, и краси'вые. Славу'тник – па'рень, кото'рого уважа'ли в мо'лодости, зна'ли, ну, сла'вой он по'льзовался. Гряз. Чувакс. + Влгд., Хар. 2. *Человек из богатой семьи.* Кто бога'то жи'ли, дак славу'тники, а бе'дно жи'ли - дак бедняки'. Шексн. Кам. 3. *То же, что* **сла'вник** *во 2 знач.* Он тако'й славу'тник! Де'вкам всем нра'вится. Кир. Борб. Вот ваш Лёха и есть настоя'щий славу'тник. Всем славу'тникам славу'тник! Кир. Борб. Чей сла'вутник-то к твое'й Ма'шке хо'дит? Влгд. Короб. 4. *Человек, обладающий многочисленными положительными качествами.* Оте'ц мой гра'моте был обу'чен, знал мно'го, слову'тником он был. Сестру' мою' оте'ц за'муж хоте'л вы'дать не за лентя'я, а за тако'го же словут'ника,

как и он сам, за роботя'щего па'рня. Кир. Ферап. Роботя'щие, бо'йкие па'рни, что матюка'льных пе'сен не пою'т, - славу'тники. Кир. Ферап. Слоу'тники трудо'м выделя'лись, они' прово'ры. А Федя'й был... Какой он слоу'тник? Только уме'л дрова' пили'ть. Кир. Борб. 5. *Кто-либо известный или что-либо, пользующееся известностью.* В пре'жние времена' наш райо'н славу'тником был, на всю' о'бласть греме'л. Шексн. Кам.

Как видим, логическим завершением развития значений слова является абстрактное значение ‘кто-либо известный или что-либо, пользующееся известностью’ – *район*, например. Сравним материалы СРНГ: 38. СПб., 2004, с. 296, где *словутный* употребляется только во фразах, сказанных о человеке.

В местной вологодской печати журналист еженедельника «Аргументы и факты» О. Дзюба совсем недавно опубликовал колоритный материал «Последняя славутница» /2/. В нем автор подчеркивает проявляющиеся до настоящего времени значения слова *славутница*: «Премудрый Владимир Даль считал, что словом этим именуют девушек-щеголих. Галина Павловна Сергеева и ее односельчане с классиком соглашаться не хотят. По их разумению, в северных краях так именовали не просто красавицу, а еще и рукодельницу. *Славутницей* (курсив наш – *Л. З.*) *слыла* мать Галины Павловны, в этом почетном звании хаживала и ее тетка. Сама Галина Павловна выучилась на педагога, долго и счастливо преподавала в Котласе, а потом вернулась в родные Лядины и открыла в фамильном бревенчатом гнезде музей одной семьи. ... А рассказывать есть о чем. Дед вместо свадебного путешествия и медового месяца принялся строить добротный дом. Эта его слабость к труду едва не вышла боком всей семье, которую записали было в «зажиточники». Не сослали их никуда лишь потому, что одни девочки в семье народились. ... Впервые увидел я там, на заповедном втором этаже, и настоящий деревенский армяк. *Славутницы* так берегли его от моли, что шерсть за сотню лет совсем не пострадала. А недавно последняя лядинская *славутница* нечаянно для себя стала консультантом польских искателей могил соплеменников, сгинувших в сталинских лагерях. За 33 года в Котласе она много услышала, немалое запомнила и теперь в необычной роли поводыря по чужому прошлому помогала им добраться к заросшим баракам на островах». Обратим внимание на акцент, вынесенный в название материала: *последняя* славутница. Наблюдательный журналист подметил, что бывшее актуальным, важным в прошлом значение – девушка-рукодельница – сейчас уже не актуально.

Материалы вологодского региона позволяют, однако, увидеть, что между значениями ‘девушка-щеголиха’ и ‘девушка-рукодельница’ никакого противоречия нет. Напротив, эти материалы высвечивают в публикации О. Дзюбы еще один важный компонент значения – ‘девушка из зажиточной семьи’. По-видимому, эти компоненты значения в традиционной культуре русской деревни могли быть неразрывно связанными, тогда как в современном сознании диалектоносителей они могли обособиться или, применительно к разным си-

туациям, сузиться. Первоначальное значение – 'половозрелая девушка' – уходит, как представляется, на периферию смысловой структуры.

Некоторые словарные статьи, подготовленные для Словаря вологодских говоров, не представляют всей полноты спектра значений показанных выше слов. Однако они, имея в своей основе уже показанное выше общее, безусловно, добавляют еще некоторые смыслы или, напротив, демонстрируют образование лакун:

СЛАВЁНА и **СЛАВЕ'НА**, ы, м., ж.; м. и ж. 1. ж. *То же, что* **сла'вница** *в 1 знач.* Славёны-то ку'дри ви'ли да руба'ху баску'ю оде'нут да и пойду'т на гуля'нье. Сямж. Монаст. 2. ж. *То же, что* **сла'вница** *во 2 знач.* У на'с одна' славе'на в дере'вне была'. Тогда' ведь все бе'дные бы'ли. Гряз. Вохт. 3. ж. *То же, что* **сла'вница** *в 4 знач.* Дочь у меня' славе'на была' – все па'рни влюбля'лись. Геогр.? 4. м. и ж. *Человек с красивой внешностью, красавец.* Па'рни наря'дятся, таки'ми славёнами ста'нут и пойду'т по дере'вне гуля'ть. Сямж. Монаст. 5. м. *Красивый и нарядный молодой человек, являющийся распорядителем, заводилой на празднике.* Без славёны ни оди'н пра'здник не обходи'лся. Всегда' был како'й-нибудь краси'вый и наря'дный па'рень. Сямж. Монаст.

СЛА'ВИЦА, ы, ж. *То же, что* **сла'вница** *в 4 знач.* А э'та Параско'вья сла'вица у на'с пе'рвая была'. Тот. Мос.

СЛА'ВНИ'К, а и а', м. 1. *В старину - сын зажиточных родителей (чаще единственный), являющийся привлекательным для возможных невест.* В опо'рках ходи'ли. Кало'ши – дак у са'мого сла'вника. Сямж. Рам. + Гряз. Ср. **славу'тник** *в 1 знач.* 2. *Красивый общительный юноша, пользующийся повышенным вниманием девушек.* Был у на'с в дере'вне сла'вник – краси'вый, все де'вки по ём тоскова'ли. Баб. Никол. Он в мо'лодости славнико'м был. Сок. Васил. + Гряз. Ср. **славу'тник** *в 3 знач.* 3. Ирон. *Человек с дурной репутацией.* Ну и сла'вник! Баб. Никол.

СЛАВУ'ТИЧ, а, м. *Богатый человек.* У славу'тичей всё бы'ло, и фаты' они' носи'ли атла'сницы - не э'киё, как мы'. Хар. Зуена.

СЛАВУ'ХА, и, ж. *То же, что* **сла'вница** *во 2 знач.* Славу'хи кото'рые, дак побо'ле одёжи име'ли. Сок. Чекш.

Представленные в СВГ имена прилагательные также соотносятся с обозначенной выше семантической структурой. Им свойственно проявлять суженные по сравнению с литературным прилагательным *славный* значения или новые значения, развившиеся на базе основного:

СЛАВУ'ТНЫЙ и **СЛОВУ'ТНЫЙ**, ая, ое. 1. *Зажиточный, богатый.* В э'том до'ме у на'с славу'тная семья' живёт. Верх. Чуш. Ср. **сла'вный** *во 2 знач.* 2. *Известный своими положительными качествами (умом, трудолюбием, талантом) и вследствие этого пользующийся вниманием как возможный супруг (супруга).* Слоу'тный у на'с Па'шка, прово'рый, на гармо'шке игра'ет.

Кир. Борб. Ми'ша слау'тный па'рень, и работя'щий, и всё уме'ет. Кир. Борб. Де'ушка, когда' на вы'данье, так славу'тна, ну, хоро'шая, ла'дная, бога'тая. Кир. Ферап. 3. *Красивый и доброжелательный, приятный в общении и вследствие этого пользующийся уважением, авторитетом.* Ма'тка у меня' славу'тная же'нщина была'. Кир. Борб. Лёшка Ивано'в са'мый славу'тный па'рень на дере'вне. Кир. Борб. Славу'тные лю'ди ре'дко встреча'ются. Кир. Борб. 4. *Красивый, добротный, качественный.* Ой, Ви'ка, кака'я у тебя' славу'тная ю'бка! Кир. Борб.

СЛА'ВНЫЙ, ая, ое. 1. *Статный, красивый.* Кака'я сла'вная деУка! К-Г. Сиг. 2. *То же, что* **славу'тный** *в 1 знач.* Сла'вные-то кото'рые бы'ли, так и одева'лись лу'тше. Арх. Вельск. Крыл.

Интересен в этом гнезде слов и глагол:

СЛАВУ'ТНИЧАТЬ, аю, ают, несов., неперех. *Проводить молодые годы до замужества или женитьбы.* Я славу'тничаю пока', пока за'муж не отда'ли. Кир. Борб. Недо'лго оста'лось ей славу'тничать. Кир. Борб. // *Проводить время, будучи молодым, привлекательным, беззаботным.* Вот де'вки прие'хали и славу'тничают. Всё гуля'ют, наряжа'ются, да и рабо'тают не ху'до. Кир. Борб.

Словарные материалы, почерпнутые в многотысячной картотеке Словаря вологодских говоров, рядом фактов демонстрируют затемнение первоначального облика и смысла слов. В современных вологодских говорах происходит, как представляется, деэтимологизация этих лексем. Так, в вытегорских и некоторых других говорах бытует произношение *слау'тник*, *слау'тница*; в кирилловском районе (с. Талицы) зарегистрировано наименование *зову'тник* в значении *славу'тник*. Последний факт свидетельствует о контаминации в наименовании двух понятий: *слава – слыть и зовут – зов.* Подобную контаминацию понятий *слава* и *слово* в данных наименованиях отметил еще В. В. Виноградов, хотя реконструированное им прилагательное *словутьн* не представлено ни в памятниках письменности / Срезн. /, ни в Словаре русских народных говоров. В СРНГ (вып. 38. СПб., 2004, с. 296) прилагательное *словутный* дается с несколькими близкими значениями, однако убедителььых иллюстраций активного бытования слова нет: **Словутный**, ая, ое. 1. Пользующийся славой, известностью в каком-либо отношении (о человеке). Олон., КАССР, Арх. Волхов и Ильмень, Яросл., Свердл. // Авторитетный. Кемер. 2. Богатый, зажиточный. Север., Барсов, Олон. 3. Умный. Том.

Наблюдения над географией рассматриваемого гнезда слов показывают, что ареал их распространения проходит с северо-запада от Заонежья по территории распространения вологодских говоров на северо-восток к Великому Устюгу, однако кич-городецкие, бабушкинские материалы представлены единичными фактами, а в Словаре говоров Соликамского района Пермской области эти слова не регистрируются.

Все изложенное и многое оставшееся за пределами данной информации позволяет рассматривать вологодские говоры как зеркало народной культуры,

народной психологии и философии. Диалектные материалы даже при подаче их в словаре дифференциального типа рисуют цельную картину, позволяющую судить о духовной жизни народа и системе его ценностей.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Урманчеева И.С. Экспрессивы со значением лица в говорах Вологодской области. – Вологда, 2003.

2. АиФ-Вологда. № 32, 2004 г. – С. 13.

3. «Слово *словутный* является дальнейшим суффиксальным (суффикс -ьн-) осложнением имени прилагательного *слову'тый*... Корень оного не есть *слава, славный...*, но *слово*». В. В. Виноградов. История слов. Цитируется по: СРНГ, вып. 38. – СПБ, 2004. – С. 296.

Особенности диалектного отглагольного словообразования в вологодских говорах
(по материалам диалектологической экспедиции в Кирилловский район Вологодской области)

Изучение особенностей диалектного глагольного словообразования – важная задача современной диалектологии. Она давно и успешно решается на материале различных русских говоров [1]. В течение последних лет подобные исследования начинают развиваться и в Вологодском государственном педагогическом университете (работы Е. Н. Шабровой, Т. В. Лебедевой, Е. Г. Селяниной, Л. А. Масловой, А. М. Шамининой и др. [2]). Описанию словообразовательной системы вологодских говоров был посвящен ряд учебно-научных экспедиций в различные районы Вологодской области. Несколько таких экспедиций работало в Кирилловском районе [3]. Результаты одной из них представлены в данной статье.

Экспедиция работала в течение 5 дней в трех населенных пунктах (д. Борбушино, с. Ферапонтово, г. Кириллов). В состав рабочей группы входили студенты III курса. К началу диалектологической практики они освоили учебные курсы русской диалектологии, а также морфемики и словообразования современного русского языка, поэтому были готовы к работе как в теоретическиом, так и в методическом плане. Производная глагольная лексика выявлялась собирателями в процессе направленной беседы с носителями говора. Далее в процессе анализа этой лексики определялись особенности словообразовательной структуры производных глаголов, их место в составе диалектных словообразовательных гнезд, а также исследовалось устройство самих гнезд: количественный состав, структура, особенности формальной структуры (например, наличие в гнездах фонематических вариантов (*разбуда́ть – раз-*

бодáть ‘забодать’), словообразовательных вариантов (*обстúгчи* – *обостúгчи* ‘обогнать’) и синонимов (*разбудáть*, *забудáть*, *сбудáть* ‘забодать’)), особенности семантической организации гнезда (характер семантических отношений в словообразовательных парах, цепочках и парадигмах внутри гнезда, обособление в нем отдельных семантических зон и т.д.). Всего было структурировано и описано 164 гнезда объемом от 2 до 20 слов. Кроме того, было отмечено, что ряд непроизводных глаголов, зафиксированных в говорах, не имеют производных, употребляются в говоре изолированно или вообще не употребляются, а только опознаются информантами (например, *хýхнать*, *хылкать*, *жýлькать*, *курёвтать* и др.).

Исследование диалектных словообразовательных гнезд в говорах Кирилловского района позволило сделать следующие выводы.

Диалектная словообразовательная система, являясь территориальной разновидностью общерусской словообразовательной системы, в основном состоит из общерусских элементов, вступающих в локально не ограниченные отношения. Об этом свидетельствует то, что отглагольное словообразование осуществляется в этой системе с помощью продуктивных в русском языке словообразовательных формантов (*за/рюхать* ‘начать хрюкать’ – *рюхать* ‘хрюкать’, ***по/****шиньгать* ‘пощипать шерсть в течение непродолжительного времени’ – *шиньгать* ‘щипать, теребить шерсть’, ***про/****шляндать* ‘пройти мимо чего либо, гуляя без дела’ – *шляндать* ‘бродить без дела, шляться’, *у/мýслять* ‘испачкать слюной’ – *мýслять* ‘пачкать слюной’, ***на/****крятáть/****ся*** ‘наработаться до каких-либо отрицательных последствий’ – *крятáть* ‘тяжело и много работать’, *баж/ýтк/а* ‘капризный человек’ – *бажúть* ‘хотеть, желать чего-либо’, *зыб/ýл/я* ‘треснувший лед’— *зыбать* ‘колебать, качать’, *лявз/ýн* ‘сплетник’ – *лявзать* ‘сплетничать’, *нявга/л/о* ‘плакса’ – *нявгать* ‘надоедливо, монотонно плакать’, *пóрха/лищ/е* ‘место, где пернатые чистят перья’ – *пóрхать* ‘барахтаться в песке (о птицах)’ и др.). В результате, как правило, образуется типовое отглагольное словообразовательное гнездо, в структуре которого преобладают производные глаголы, различным образом модифицирующие значение исходного действия, а также встречаются производные существительные со значением лица (производителя действия) или предмета (орудия или результата действия), реже – отглагольные прилагательные. Пример типового отглагольного словообразовательного гнезда приводится ниже (гнездо №1).

карз/á/ть → ‘обрубать ветки, сучья у деревьев’	*карзáть-ся* ‘терзаться’ →	*ис-карзáться$_1$* ‘истерзаться’
	вы-карзать ‘обрубить ветки, сучья’	
	до-карзáть ‘закончить обрубать ветки, сучья’	
	о-карзáть ‘обрубить ветки, сучья со всех сторон’	
	по-карзáть ‘пообрубать ветки, сучья в течение некоторого времени’	
	ис-карзáть ‘исцарапать’ →	*искарзáть-ся$_2$* ‘исцарапаться’
	карз-ýнь[й-а] ‘место в лесу, где заготовляют ветки, сучья’	

Наряду с общерусскими явлениями в диалектной словообразовательной системе можно выделить и региональные особенности.

Во-первых, это существование в ней диалектных производящих глаголов – вершин словообразовательных гнезд. В таких гнездах на основе общих закономерностей отглагольного словообразования образуются локально ограниченные элементы – диалектные производные глаголы, имеющие различную территорию распространения. Это общедиалектные глаголы (гнездо № 2), а также глаголы севернорусского ареала распространения (гнездо №3).

Гнездо № 2.

баж/и́/ть → ‘хотеть, желать’	*бажи́ть-ся* ‘хотеться’ →	*за-бажи́ться* ‘захотеться’
	за-бажи́ть ‘захотеть’	
	баж-у́тк-а ‘тот, кто часто капризничает’	
	баж-ён-ый ‘любимый’	

Ср.: *баж/а́/ть* (нврс., вор., влгд., вят., олон., симб., ниж., пенз.), *баж/е'/ть* (яросл., вят.), *баж/и́/ть* (влгд., перм., нвг., ниж., яросл.), *баж/а́н/и/ть* (нвг.) ‘желать, хотеть чего’ [Д.,1,37; СРНГ,3,44]; *баж/и́/ть* ‘очень хотеть’ [СВГ,1,18]:

Гнездо № 3.

ня'вг/а/ть → ‘кричать’, ‘плакать’, ‘говорить невнятно’	***за-ня'вгать*** ‘начать плакать’	
	по-ня'вгать ‘поплакать’	
	раз-ня'вгать-ся ‘раскричаться, расплататься’	
	ня'вг-ал-о ‘тот, кто постоянно плачет, капризничает, плакса (общ.)’	
	навг-у́н ‘тот, кто постоянно → плачет, капризничает, плакса (м.)’	*нявгу́[н-й]-а* ‘плакса (ж.)’

Ср.: *нявг/а/ть* ‘тихо плакать, хныкать’ (волог., олон., новг., сев.-двин., вят., перм., енис., тобол., сиб., томск., урал.) [СРНГ, 20: 332]).

Во-вторых, это не типичная для общерусской словообразовательной системы сочетаемость производящих основ и словообразовательных формантов. Так, например, образование производных глаголов совершенного вида от общерусского производящего *бодать* в говорах происходит с помощью приставки ***за-***, как в литературном языке (*забодать, забудать*), а также путем присоединения приставок ***раз-*** и ***у-*** (*разбода́ть, разбуда́ть, убода́ть*), что нехарактерно для словообразовательного гнезда с данной вершиной *бодать* в литературном языке. В некоторых случаях в диалектном гнезде представлены отношения словообразовательной производности, утраченные в системе современного литературного языка (*ку-ме́кать* ← *ме́кать* ‘соображать, размышлять’). Это свидетельствует о том, что словообразовательная система

исследуемых говоров является более архаичной, чем соответствующая система литературного языка.

В-третьих, это региональное варьирование формальной и семантической структуры гнезд. Так, среди вершин исследуемых гнезд достаточно часто наблюдается варьирование фонематического состава в структуре корневой морфемы (*ку́фтать*, *ку́хтать* 'кутать', *жва́рить*, *шва́рить* 'бить', *мыркать*, *ныркать* 'говорить невнятно'), а также варьирование основообразующих суффиксов (*влада́ть*, *володова́ть* 'владеть'). Вариантность вершин наследуется в гнезде, вследствие чего в некоторых из таких гнезд можно выделить подгнёзда, образуемые от различных вариантов вершины гнезда (гнездо №4).

влад/а́/ть → | *о-влада́ть* 'сделать что-либо своей собственностью'
| *со-влада́ть* 'справиться с кем-либо, подчинить себе'
волод/ова/ть → | *за-володова́ть* 'завладеть'

В некоторых случаях варьирование фонематического состава наблюдается и эпизодически (*выкоба́ниться* 'вделать что-либо наперекор здравому смыслу' – ср.: *кобе́ниться* 'упрямиться').

Вершины многих гнёзд, как показали наблюдения, имеют в говорах несколько значений. Поэтому в структуре этих гнёзд могут быть выделены и семантические варианты, которые развивают отдельные значения производящего глагола. Примеры подобных гнёзд приводятся ниже (№ 5 – 6).

Гнездо № 5.

сн/ова́/ть [1] → 'в ткацком деле: соединять нить основы и уток' | *по-снова́ть* 'поткать в течение некоторого времени'
| *о-снова́ть* 'соединить основную нить и уток; соткать что-либо'
сн/ова́/ть[2] 'быстро ходить взад и вперед' → | *снова́ть -ся* 'бродить без дела'

Гнездо № 6.

кулик/а́/ть[1] → 'переворачивать' | *кулика́ть-ся* → 'кувыркаться' | *кулик-ну́-ться* 'перевернуться через голову'
кулик/а́/ть[2] 'бросать' → | *кулик-ну́-ть* 'бросить' → | *куликну́ть-ся* 'упасть'
кулик/а́/ть[3] 'бить' → | *ис-кулика́ть* 'избить'
кулик/а́/ть[4] → 'ходить, передвигаться' | *до-кулика́ть* 'перестать ходить (обычно об умерших)'
| *от-кулика́ть-ся* 'то же, что *докуликать*, отмучиться'
*кулик/а́/ть[5] 'пить (вино, водку)' → | *на-кулика́ть-ся* 'напиться вина, водки'

В некоторых случаях диалектное словообразовательное гнездо представляет собой сложное образование, в котором наблюдается и формальная и семантическая вариантность сло́в (гнездо № 7) [4].

шáр/и/ть^1 'искать' → | *вы́-шарить* 'отыскать'
| *на-шáрить* 'найти, обнаружить'
| *о-шáрить* 'обыскать везде, где можно'
| *по-шáрить* 'поискать'

шáр/и/ть^2 'тереть, скоблить' → | *на-шáрить* 'натереть'

**шарить*^{3} 'бить' → | *шáр-ну-ть* 'ударить'

швáр/и/ть^1 → 'тереть, чистить, скоблить' | *швáр-ну-ть* 'содрать резким движением'
| *за-швáрить* 'испортить трением'
| *на-швáрить* 'начистить, натереть'
| *по-швáрить* 'пооттирать, почистить'
| *со-швáрить* 'удалить что-либо, стереть'

швáр/и/ть^2 'бить' → | *швáр-ну-ть* 'ударить' → | *швáрнуть-ся* 'упасть'
| *от-швáрить* 'избить'

швáр/и/ть^3 'шаркать ногами при ходьбе' → | *у-швáрить* 'уйти'

жвáр/и/ть^1 'тереть, чистить, скоблить' → | *на-жвáрить* 'натереть; вымыть мочалкой в бане'
| *по-жвáрить* 'потереть; помыть мочалкой'

жвáр/и/ть^2 'интенсивно, с усилием делать что-либо' → | *на-жвáрить* 'накосить сена; затопить баню, печку'

жвáр /и/ть^3 'бить' → | *жвáр-ну-ть* 'ударить, стукнуть'
| *на-жвáрить* 'набить, избить'

Таким образом, анализ диалектных словообразовательных гнезд показывает, что в них на равных основаниях соседствуют общерусские и территориально ограниченные элементы и отношения. Это убеждает нас в том, что явления диалектной словообразовательной системы следует изучать в недифференцированном виде путем целенаправленного опроса носителей говора с помощью специальных словообразовательных программ.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Пантелеева Е. М., Янценецкая М. Н. Вопросы диалектного словообразования в Сибири // Диалектное словообразование. Очерки и материалы. –Томск, 1979. – С. 6 – 21; Методические рекомендации по сбору, классификации и анализу производной лексики говоров. – Кемерово, 1990 и др.

2. Шаброва Е. Н. Производные глаголы в русских говорах. – Вологда, 1998; Селянина Е. Г. Многокорневые глаголы в современных вологодских говорах // Сборник научных работ студентов и аспирантов ВГПУ. Вологда, 2002. С. 9 – 11; Лебедева Т. В. Структура и семантика корневых гнезд с корнем *-бас-* в вологодских говорах. Дипломная работа (науч. рук. – проф. Л. Г. Яцке-вич). – Вологда, 2000; Маслова Л. А. Особенности модификации глаголов в тарногских говорах. Дипломная работа (науч. рук. – доц. Е. Н. Шаброва). – Вологда, 2002; Шамиинна А. М. Особенности отыменного глагольного словообразования в современном русском языке и в вологодских говорах. Дипломная работа (науч. рук. – доц. Е. Н. Шаброва). – Вологда, 2003.

3. Экспедиции 1996 – 2003 гг: Лебедева Т., Бровко А., Галичева Е., Дудорова Е., Жожадзе А., Зажигина М., Золотухина О., Клюшенкова О., Лоховинина В., Мар-

кова И., Мартыш Е., Новикова О., Романова Е., Сидорова А., Смелкова Н., Фролова Е.; науч. рук. – Е. Н. Шаброва.

4. Составители гнёзд: О. Клюшенкова (№ 1), Е. Мартыш (№ 2), А. Жожадзе (№ 3), А. Бровко (№ 4), Е. Фролова (№ 5), Е. Галичева (№ 6), В. Лоховинина, Н. Смелкова и Е. Романова (№ 7).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Д – Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка.: Т. 1-4. –М., 1978.

СВГ; КСВГ – Словарь вологодских говоров. – Вып. 1-8. – Вологда, 1983-2001; картотека «Словаря вологодских говоров» (хранится на кафедре русского языка ВГПУ)

СРНГ – Словарь русских народных говоров. – Вып. 1-35. – М., СПб, 1965-2002.

Т. Г. Овсянникова

Наблюдения над словом *сулема* в вологодских говорах

Диалектное слово, как известно, представляет глубокий интерес как факт философского осмысления окружающего мира носителями конкретного говора. Каждое диалектное слово – это очень важная информация об эмоциональном усвоении мира носителями конкретного говора.

В картотеке Словаря вологодских говоров есть интересный материал, касающийся лексемы *сулема*, не зафиксированной (насколько нам удалось установить) словарями говоров других территорий.

Диалектное слово *сулема* активно бытует в говорах на территории Вологодской области. По имеющимся данным, слово зарегистрировано в говорах следующих населенных пунктов: *Демьяновский погост, Рослятино* Бабушкинского района; *Подборье* Великоустюгского района; *Киркино, Паново* Кичменско-Городецкого района; *Борбушино, Талицы* Кирилловского района, *Пантелеево, Шири* Никольского района; *Гридино, Монастырская, Рассохино* Сямженского района. Всего картотека Словаря вологодских говоров фиксирует более 30 употреблений

Обратим внимание на тот факт, что слово *сулема* имеется в литературном языке и принадлежит области химических и медицинских знаний, о чем свидетельствуют данные словарей. Так, в Толковом словаре русского языка под редакцией Д.Н.Ушакова приводится следующая словарная статья: *сулема – ы, мн. нет, ж. (от лат. sublimes – высокий)- 'сильно ядовитый белый порошок хлорной ртути, употребляемый в технике и медицине'.* [1]

[1] Толковый словарь русского языка. Т.4 // Под ред. Д.Н.Ушакова. – М., 1940. С.587.

С таким же значением это слово фиксирует и Словарь современного русского литературного языка (1–17тт.) - *'белый ядовитый порошок, обладающий сильным дезинфицирующим действием и применяемый в медицине и технике, хлорная ртуть'.* При этом указывается на оттенок в значении - *'раствор этого порошка'*[1].

Примеры из произведений русских классиков доказывают ограниченную сферу употребления слова *сулема.* Так, у Л.Н.Толстого в рассказе «Поликушка» читаем: «*Поликей... растирал...бутылкой лошадиное лекарство, которого он и сам не знал. Тут были сулема, сера, глауберова соль*»[2]. В рассказе В.В.Вересаева «Поветрие» находим: «*Сергей Андреевич тщательно вымыл сулемою лицо и руки... и пошёл из больницы домой*».[3]

Как отмечается в словаре под редакцией Д.Н.Ушакова, слово *сулема* восходит к латинскому языку. В этимологическом словаре М.Фасмера уточняется, что *сулема* восходит к среднелатинскому *sublimatum* (букв. «подвергнутое возгонке, то, что превращается в пар и снова приобретает твердую форму»).[4] Номинация отражает процесс изготовления, получения порошка. По мнению В.И.Даля, русское слово *сулема* является искажением латинского *сублиматъ.*[5]

Таким образом, русский язык, осваивая слово *сублимат,* фонетически упрощает его до лексемы *сулема.*

Интерес представляет «жизнь» этого заимствованного слова в вологодских говорах, тем более что развитие значения происходило в нескольких семантических уровнях. Так, картотека Словаря вологодских говоров располагает материалом, иллюстрирующим употребление данного слова в значении, близком значению литературного слова, а именно: *сулема* - 'что-либо невкусное, неприятное, ядовитое'. *Не могу' я э'то лека'рство пить: одна' сулема'. В обе'д вы'пила, а сейча'с во рту' го'рько. Баб. Рослят. Шчё за суле-му'-ту подала' на сто'л? К-Г. Наволок.*

В таком значении слово *сулема* входит в состав фразеологизма **сулемы' тебе**, который используется для выражения отрицания, несогласия: *Сижу' на собра'нье, говоря'т, опя'ть облига'ции покупа'ть на'до, а я ду'маю: «Сулемы' тебе'! Вон уж ско'ль ку'плено, а всё бума'жкам лежа'т, никаки'х де'нег.» Кир. Борб.*

Как известно, диалектное слово всегда аксиологически значимо. Носители говора интуитивно расценивают слово как один из способов самовыражения через возможность дать собственную оценку всему, что окружает. Пер-

---

[1] Словарь современного русского литературного языка (1-17тт.). Т.14. – М.; Л., 1963. С.1178.

[2] Толстой Л.Н. Рассказы. – М., 1966. – С.97.

[3] Вересаев В.В. Сочинение в 2-х томах. Т.1. – М.,1982. С.147.

[4] Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т.3. – М., 2003. С.800.

[5] Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т.3. – М.,2000. С.359.

воначальная семантика слова *сулема* обусловила использование этой лексемы для обозначения отрицательных характеристик предметов, явлений, человека. Так, в вологодских говорах данное слово могут употреблять, когда речь идет о неодушевленном предмете, вызывающем отрицательные эмоции: *Сулема' э'та ита'к по все'й избе' валя'ётся. К-Г. Курил.*. Лексему *сулема* активно используют и для выражения отрицательной оценки человека: *Гла'з не своди' с э'той сулемы', ве'дь до того' де'Ука-то баловли'вая. Сямж. Монаст. Опя'ть ты', сулема', всё напу'тал. Кир. Тал.*

Дальнейшее развитие аксиологической компоненты семантики этого слова связано с появлением отвлеченного значения. Обратим внимание на следующие примеры: *Ты что сулему'-то говори'шь. К-Г. Пан. Ну, каку'ю сулему' насмотре'лась, дак ницово' и не поняла', бестолко'вая ста'ла. Ник. Пахом.* Здесь проявляется ещё одно значение слова - 'вздор, пустяки, нелепость', наличие которого позволяет отнести слово к разряду отвлеченных имен существительных. В этих контекстах слово характеризуется сочетаемостью с глаголами, обозначающими мыслительные процессы (*говорить, думать),* предметность в данном случае выражается только грамматически.

Развитие данного значения находит отражение в грубых и бранных выражениях, где *сулема* выступает заменителем слова *черт* на основе отрицательной экспрессии, о чем свидетельствуют употребляемые в говорах фразеологические обороты: **Ну тебя'(кого) к сулеме'!** *От вина'-то то'лько врёт, ну его' к сулеме'. В-У. Подб. Ста'рые мы уж ста'ли, чёрта-то кли'кать грешно', во'т и говори'м – ну тебя' к сулеме'. В-У. Подб.* **Сулема' зна'ет**. *Сулема' зна'ет, ковды' он домо'й придёт. Сямж. Монаст.* **Сулема' зна'ет что.** *Сулема' зна'ет что' в го'лову ле'зет. Сямж. Грид.* **Сулема' тебя' (кого) надава'ла.** *Ну и сотона', сулема' тебя' надава'ла. Сямж. Рассох.* **До сулемы'.** *Парне'й-то у меня' ра'ньше до сулемы' бы'ло. Баб. Дем. Погост.* Очевидно, что в данных оборотах слово *сулема* употребляется в несобственной номинативной функции. Любопытно, что в подобном значении вологодские говоры осваивают и такие слова, как *кумоха', леша'к,* у которых Словарь вологодских говоров отмечает в качестве основного значение, связанное с называнием мифологического существа (*кумоха'* -'злой дух'; *леша'к* -'дух леса, его хозяин, леший).[1] Приведенные фразеологические обороты обозначают тот факт, что носителями диалекта *сулема* воспринимается как своего рода эвфемистическая замена слова *черт*, и применительно к данным фразеологизмам слова *сулема, кумоха, лешак* можно характеризовать как синонимы (ср. *кумоха знает; на какую кумоху; до лешака).*

Таким образом, развитие значения слова *сулема* позволяет наблюдать определенную семантическую модель, в основе которой отмечается семантиче-

---

[1] Словарь вологодских говоров: Учебное пособие по диалектологии. – Вологда, 1989. С. 19, 39.

ский сдвиг от называния предмета к указанию на мифологическое существо. В бранном контексте слово *сулема* включается в круг мифологической лексики.

Последние наблюдения относительно слова *сулема* касаются ещё одного значения. Развитие семантики лексемы, направленное по линии всё большего абстрагирования, привело к появлению у слова способности выступать в значении сказуемого в безличном предложении: *Сулема' одна' со ста'рым. К-Г. Кирк.* В данном контексте слово *сулема* соотносится с разговорным употреблением литературного слова *беда* в значении 'очень плохо, трудно'.

Наблюдения показывают, что вологодские говоры активно используют русский вариант иноязычного слова, наполняя его новыми смыслами. При этом очень важными становятся аксиологический аспект бытования лексемы, а также способность слова *сулема* выражать абстрактное понятие.

[45=00]

МИР ВОЛОГОДСКОГО КРЕСТЬЯНИНА В ЗЕРКАЛЕ РОДНОЙ РЕЧИ

Публикуется в авторской редакции

Подписано в печати 01. 12. 2004 г. Формат 60x84/16.
Бумага ксероксная. Уч.-изд.л. 7,2. Усл. печ. л. 7,9. Тираж 150 экз.

160035 г. Вологда, ул. С.Орлова, 6. ВГПУ, издательство «Русь»
Отпечатано: ООО ИПЦ «Легия»
160035, г. Вологда, Октябрьская, 19